

Союз писателей Москвы

ЛИТЕРЫ

Москва
«Воймега»
2013

УДК 821.161.1—1
ББК 84(2Рос=Рус)6—5
Л64

Составители:
Виктория Лебедева, Элина Сухова

Фотоколлаж на обложке Ольги Золотухиной

Литеры.

Л64 Рассказы. Стихи. Пьесы. / Сост. В. Лебедева, Э. Сухова;
Союз писателей Москвы. — М.: «Воймега», 2013. — 264 с.

Перед вами третий, заключительный, сборник «Литеры», составленный по итогам ежегодных творческих семинаров так называемых молодых писателей. «Так называемых» — потому что некоторые авторы, представленные здесь, уже печатаются, имеют книги и молоды лишь душою и возрастом. Другие пока всего лишь «широко известны в узких кругах», но хочется надеяться, что у каждого из них будущее окажется привлекательнее настоящего — в творческом, разумеется, смысле. Все они совершенно разные по мироощущению, темам, жанрам и даже политическим взглядам, что не мешает им мирно уживаться под одной обложкой. Собственно, так оно и должно быть.

ISBN 978-5-7640-0146-3

© авторы материалов, 2013
© Союз писателей Москвы, 2013
© О. Золотухина, фотоколлаж, 2013
© «Воймега», 2013

Рассказы

Альбина Гумерова

Алексей Шепелёв

Родион Вереск

Серафима Орлова

Александр Турханов

Анна Ремез

Виктория Орлова

Виктор Чигир

Ирина Маруценко

Дэн Шорин

Алексей Зайцев

В ожидании плодов

В предисловии к одному из предыдущих выпусков сборника «Литеры» я уже писал о том, что важнейшей побудительной причиной, заставляющей русского человека писать, является недостаток свободы. Чаще даже неосознаваемый, но явный — так нехватка кислорода, поступающего к сердцу, затруднив дыхание, заставляет нас инстинктивно ринуться из тесного душного пространства на свежий воздух. Сочинительство для нас, едва не в девяти случаях из десяти, — тот самый глоток свежего воздуха, не дающий потерять сознание, позволяющий оклематься и рождающий силы жить в духоте нашего повседневного русского существования дальше.

Эта побудительная причина сочинительства отчетливо дает себя знать почти во всех работах, составивших корпус прозы в этом выпуске «Литер». Это и печалит — что говорить, хотелось бы видеть себя принадлежащим к обществу, где человек несвободен лишь в требовании неукоснительно следовать Моисеевым заповедям, но, с другой стороны, и обнадеживает: значит, великая традиция классической русской литературы — говорить о главном в человеческой жизни, говорить о наисущественнейшем, о человеческой боли и страдании, а не просто развлекать, веселить и забавлять, — эта традиция жива, подхвачена, привита к дичку новой русской словесности, и требуется лишь время, чтобы вкусить ее зрелых плодов.

Анатолий Курчаткин

Несколько фраз по делу

Я уважаю и люблю всех авторов этого сборника, участников ежегодных молодежных семинаров, которые вот уже десять с лишним лет устраивает Союз писателей Москвы.

Я провел с ними несколько полноценных, насыщенных творческих дней в той самой артистической комнате за сценой ЦДЛ, где обычно заседают прозаики.

Мне с ними было интересно. Все они личности.

Кто-то из них уже широко известен.

Кто-то «широко известен в узких кругах».

Кто-то известен только маме и горстке друзей.

Кто-то из них близок мне по письму и тематике, кто-то находится от меня на изрядном писательском расстоянии.

Однако я не хочу здесь давать оценки и раздавать всем сестрам (и братьям) по серьгам. Во-первых, это будет нечестно и как-то по-советски — выделять из группы юных тружеников пера передовиков этого производства, во-вторых — можно сильно промахнуться, преждевременно пытаясь предугадать, чем в дальнейшем отзовется слово каждого из них, в-третьих — в силу специфики отношения нынешнего расхристанного общества и к культуре вообще, и к писательству в частности книга эта, вышедшая ничтожным тиражом, попадет в руки людей умных, ушлых и, скорей всего, изощренных в литературе.

Так что пусть каждый из вас, дорогие читатели, сам решит, who is who в этом сборнике, кто из них станет звездой современной русской прозы, а кто — увы! — наоборот.

А я временно умываю руки.

Евгений Попов

Альбина Гумерова

Родился. Женился. Умер

моему деду Гумерову Ш. М.

Он родился в 1935 году, по паспорту 15 ноября. Но число это, конечно, неточное. В деревнях в те годы было много неграмотных. По какой причине рождались дети? Готовили армию для подъема народного хозяйства? Или просто не умели предохраняться?

Был он не первым и не последним в семье. Родился — родился, обычное дело. Назвали Шагитом. Он получил нужную порцию материнского молока, потом начал питаться тем, что готовили в большом котле для всей семьи. Шагит еще не ходил в школу, когда началась война. В первые же месяцы к ним в деревню привезли горстку замученных дорогой, некогда перепуганных, а теперь уставших, равнодушных людей и расселили по деревенским домишкам.

В огромную семью Шагита попала русская женщина по имени Рая. У нее была дочь десяти лет. Им выделили угол за печкой и отгородили ситцевой занавеской. Рая не понимала татарскую речь хозяев — очень стеснялась, думая, что говорят о ней. Но все, что перепало в ее адрес, — это несчастное «маржа тэре»*.

Шагит подружился с дочерью Раи и пытался говорить с ней на русском языке. Она с ним — на татарском. Часто объяснялись жестами, а позже понимали друг друга с полувзгляда. Родителям не нравилась эта странная дружба — многие деревенские татары считали русских ужасно неаккуратным и нечистоплотным народом. Раю тоже не жаловали, однако ели все за одним столом и после работы не брезговали пищей, приготовленной «грязными» русскими руками.

* Непереводимое оскорбительное обращение к русской женщине (*татарск.*).

У дочери Раи не было ни галош, ни лаптей, и это вынуждало ее ходить в школу босиком. Поздней осенью Шагит, спрятавшись за воротами, быстро снимал свои галоши, помогал обуться ей, а сам шлепал в школу по холодным октябрьским лужам. И однажды увидел, как ее маленькая озябшая ножка с трудом удерживает галошу, как она шлепает ее по пятке. Дружба их заметно испортилась, потому что Шагит влюбился. Теперь он дразнил ее босые ноги, рассказывал в классе, что постояльцам не на что купить обувь. Он больше не желал играть с ней, старался ее всячески обидеть, ущипнуть, напугать. Однажды подбросил ейдохлого мышонка под подушку. Но как только наступала ночь и все мальчики этой большой семьи укладывались спать на полу, Шагит, который раньше боялся ложиться с краю, теперь занимал место только там и, укрывшись до носа одеялом, тихо и заворуженно смотрел на голые девчачьи ножки за ситцевой занавеской. Двадцать сантиметров от пола до края занавески позволяли увидеть чуть выше щиколотки.

Когда война закончилась и Рая с дочерью уехали, Шагит убежал в поле. Припелелся вечером с красным лицом, получил от отца ложкой по лбу, лишился из-за опоздания ужина и простоял два часа в углу. Больше он не видел ни Раи, ни ее дочери.

После школы он покинул родной дом и поступил в профтехучилище на шофера. Всю жизнь он проведет за баранкой грузовика, вращая руль то вправо, то влево...

...Если бы в то время вышел фильм «Титаник», на Шагита набрасывались бы сумасшедшие девочки — он был страшно похож на Ди Каприо, просто один в один — такой же непослушный вихор надо лбом, светло-голубые глаза, почему-то белая аристократическая кожа. Всю эту красоту украшала или омрачала странная грусть в глазах, какая-то усталость в двадцать один год. Его младший брат, напротив, был веселый малый. Только ростом ниже и острый на язык. С первого взгляда их можно было принять за близнецов, у них и имена были созвучные: Шагит — Шаукат.

Шаукат тоже приехал в Казань и поступил на шофера. Братьев поселили в одну комнату в общежитии. Младший был душой компании — постоянно шутил, рот у него не закрывался даже во сне. Молчаливого Шагита очень раздражал брат-говорун.

Как-то раз на их общие месячные деньги Шаукат купил подержанный фотоаппарат и все фотохимикаты. Шагит был недоволен, но неожиданно увлекся. Ему нравилось фотографировать деревья, нравился щелчок, издаваемый спуском, нравилось купать бумажки в специальной жидкости и смотреть, как на них проступает картинка. Эти мгновения он больше всего ценил. А сами фотографии не имели ценности, он их выбрасывал или раздаривал знакомым.

Шагита тяготила жизнь в общежитии. От природы очень брезгливый и какой-то заранее уставший, он любил стерильную чистоту и одиночество.

Ее он заметил, когда их группу отправили в район — убирать картошку. Они с братом просились поехать домой, ведь там им предстояло делать то же самое, — но их непустили. Шагит терпеть не мог батрачить забесплатно. Но он вынужден был каждый день видеть одни и те же лица, одну и ту же картофельную ботву и, если повезет, держать в руках одну и ту же «блатную» лопату.

Каждое утро автобус привозил галдящих учащихся на поле. Обедом кормила девушка с длинными черными косами. Ее ждали с самого утра. В большой алюминиевый котел опускался половник, и в миске оказывалась горячая похлебка. Скучное меню было выучено очень быстро. Девушка, которая все это готовила, тоже была с грустинкой. Когда подходила очередь Шагита, он смотрел, как ее черные косы болтаются над котлом, боялся, что туда упадет волос. Получив обед, Шагит отходил в сторону, нюхал, рассматривал, потом только ел. Ребенок войны, а еду мог оставить...

С «полевой буфетчицей», так прозвали девушку с косами, Шагит однажды пошел гулять. Потом еще раз, потом еще... Они почти ни о чем не говорили, просто бродили близ деревни — их пару раз видели ее родители и тихо радовались. Глаза у девушки были черные, как ее косы. Они с Шаги-том являли собой два полных противоречия — он, хоть и вырос в деревне, уже давно стал городским, она никуда еще не выезжала. Их объединяла какая-то непонятная, несвойственная молодым печаль. Шагит фотографировал девушку в саду. Эти фотографии хранятся и по сей день — девушка ест яблоки, сидя на дереве, обнимает худенький ствол, сидит под яблоней, распластав платье на желтеющей траве. Шагит купал бумажки в темной комнате и дарил девушке фотографии. Скоро их накопилась целая пачка.

Как-то чернокосяя девушка рассказала ему, что в детстве нечаянно убила свою младшую сестренку. Мать отправила восьмилетнюю дочь одну с трехлетним ребенком куда-то на базар в надежде, что детей пожалеют, проникнутся сочувствием и дадут больше, чем позволяют деньги. Была поздняя осень, старшая сестра толкала впереди себя самодельную тележку, спустилась к озеру поиграть с другими детьми. Не уследила — малышка залезла в воду. Вместо того чтобы бежать домой, девочка, боясь, что ее отругает мама, долго еще ходила по улице с мокрой сестрой, надеясь, что та высохнет. Ребенок подхватил воспаление легких и вскоре умер.

После этого рассказа Шагит решил жениться на ней. Только перед свадьбой он узнал, что однажды она уже почти вышла замуж, но ее бросили и

ребенка она потеряла. Шагита это не остановило, и взял он ее с угрозой пожизненной бездетности.

Полюбил ли он ее? Скорее всего, нет. Да и она не горела желанием выйти за него замуж. Ей не хотелось второго позора. Они сыграли довольно плоскую свадьбу и уехали. Она увезла с собой пачку фотографий, два платья и огромную подушку, битком набитую гусиным пухом.

Шагиту дали домик в поселке Мирный — одна небольшая комната и маленькая веранда. Шагит ездил в город на работу. Жена его, окончившая четыре класса, устроилась на завод точного машиностроения. Оставалась после смены, на работу не опаздывала. А Шагит мог проспать, прийти нетрезвым и никогда не перерабатывал положенные рабочие часы.

Осенью 1958 года у них родился сын. Через три года родилась дочь. Дети были очень похожи друг на друга и на своего отца. Жене тяжело было справиться с двумя детьми, поэтому из деревни перевезли ее мать. Тещин угол загородили шкафом, где разместились железная кровать с решеткой и тумбочка для разных старческих принадлежностей. Сам Шагит с женой и дочерью спал на высокой кровати, сын — рядом на диване.

Шагиту душно было в таком пространстве, и он всячески старался задержаться, а в выходные куда-нибудь уехать. У него не было настоящих друзей. Кое-кто из соседей пытался сблизиться с ним, но Шагит никого в свою душу не впускал. Перебрасывался парой слов на садово-огородную тему.

На краю улицы была «самогонная» избушка. В ней жила кудесница, которая продавала «огненную воду». Прозвали эту кудесницу Пистимией. Одинокая, жадная, скрытная, всегда понимающе относилась она к опухшим, трясущимся, небритым мужикам и давала в долг. Неуплаты не боялась — они добросовестно возвращали все, что были должны. Кое-кто даже сдавал назад пустую тару.

Шагит стал ее постоянным клиентом. Иногда он не ждал у ворот, как другие, а заходил во двор, прикрыв за собой ворота. Часто выходил обратно только через час. Видимо, кудесница долго возилась. А может, они вдвоем ждали, когда самогон накапает в бутылку.

По определенным числам, которые члены семьи знали наизусть, Шагита можно было увидеть на краю улицы. Его заносило то в одну, то в другую сторону. Сын и дочь играли у ворот. Завидев отца, они бежали домой, предупреждали мать и бабушку, а когда открывались ворота, Шагит еще долго ругал собаку во дворе, затем входил в дом, где все улыбались ему широчеными улыбками, а дети бежали с криком: «Папа пришел, ура!» Теща — маленькая старушка в белом платке — робко выглядывала из-за своего шкафа и тоже приветствовала зятя. Жена, все с теми же черными косами, только

теперь убранными на затылок и заколотыми шпилькой, предлагала мужу отужинать.

Она поначалу прятала синяки, говорила, что упала в темноте. Шагит уходил в запой на неделю, а когда нужно было выходить на работу, садиться за руль, он завязывал и спокойно шел мимо дома Пистимии. Сила воли была у него железная. Как только выдавалась свободная неделя — снова в запой. Пел песни или ругался. А порой наматывал на руку волосы жены и таскал ее по всему дому, а то и по двору. Сын смотрел на все это исподлобья, однажды он подбежал сзади и стал бить отца маленьким детским кулачком в спину, но отец этого не заметил.

Лишь в семнадцать лет сын впервые по-мужски ударил отца. После этого они не разговаривали, а женщины старались сгладить конфликт. Как только сын пошел в армию, отец принялся мстить жене за побои сына.

Однажды они завели теленка, и нужно было заготовить для него сено. Шагит взял косу, тележку, спустил с цепи собаку и пошел в лес. Его не было очень долго. Далеко за полночь прибежал пес и принялся лаять у ворот. Его впустили, а жена вышла и стала вглядываться в темноту, пытаясь высмотреть мужа. Он появился только минут через пятнадцать. На тележке большой мешок, до отказа набитый свежескошенной травой. Шагит прошел в сарай, вытряхнул его. Жена хотела помочь разложить сено, но Шагит велел ей идти в дом, а сам, убедившись, что она ушла, лег лицом на это сено и долго лежал...

Вернулся из армии сын, женился. Дочь тоже вышла замуж. Теща уехала к себе в деревню. Шагит с женой остались вдвоем. После армии сын расширил дом, стало две комнаты, огромный коридор, просторная веранда, кухня. За две недели во дворе выросла баня. Шагиту теперь принадлежала целая комната. Он постоянно уединялся там. Жена обитала на кухне или в огороде. Спала в новой комнате, отдельно от мужа.

Сын подарил им первую в их жизни внучку. Потом дочь друг за другом родила девочку и мальчика. Летом внуков привозили к бабушке и дедушке на свежий воздух. Покой Шагита нарушался. Когда радостные внуки бежали обнять бабушку, она целовала их, а потом тихо и опасно шептала на ухо: «Идите с дедушкой поздоровайтесь». Старшая обнимала деда. Он будто заинтересованно спрашивал: «Как год закончила?» Внучка отвечала: «Нормально». Иногда Шагит смешно вытягивал губы, и до нежной детской кожи дотрагивалось нечто мокрое, небритое и словно вакуумом затягивало щеку.

Когда Шагит вышел на пенсию, запои стали еще чаще. Его не волновало, что приехали внуки, он ругался, выгонял всех, проклинал и обижал жену. В пьяном состоянии к ней просыпалась особая ненависть. Он обвинял ее во

всем: от невкусного обеда до высоких цен в магазине. Ему мерещилось, что она ему изменяет, и каждый раз он вспоминал случай из ее далекой молодости. Говорил, что взял ее не девушкой. Совсем рассвирепев, он мог ударить и внуков. Тогда они вместе с бабушкой прятались на чердаке.

Шагит долго бормотал что-то и провалился в поверхностный пьяный сон. Жена, наступая на выученные наизусть половицы, тихо прошла в свою комнату. Половицы знал и кот Рыжик — некоторые скрипели даже от его лап. Женщина тихо глядела в темноту, постепенно глаза ее закрывались... Ей снилось поле, большая кастрюля с горячим супом, которая вдруг увеличилась. Женщина тонула в этой кастрюле, ей было невыносимо горячо, и гигантские макароны путались в ногах, не давая всплыть.

Из соседней комнаты послышалось пьяное бормотание. Женщина вмиг проснулась. На всякий случай выскользнула на кухню в одной ночнушке. На печке спал кот. От стены до печки было не более полуметра. Висела такая же занавеска, как на окнах. Шаги Шагита уже приближались, его жена привычно заняла место за занавеской, придвинув табурет, чтобы ноги не бросались в глаза.

Шагит прошел сначала в спальню, включил свет, увидел пустую кровать, вышел на кухню. Нашупал на стене выключатель, вспыхнула лампочка. Шагит стал звать жену. Сел, кое-как прикурил сигарету. «Карт тэре*, ты где?»

Вдруг он осекся. Взгляд его упал на табурет, позади которого он увидел ноги за занавеской. Где бы ни пряталась от его злой руки жена, он везде ее находил, вытаскивал за волосы. А тут вдруг уставился пьяными голубыми глазами и не мог пошевелиться. Потом он открыл дверь на веранду, и очень скоро стало холодно. «Ты где, карт тэре?» — повторил он автоматически.

А жена стояла за печкой, надеясь, что он не найдет ее. Вдруг Шагит положил руки на стол, опустил голову и затих. Всю ночь простояла женщина на холодном полу босиком, а он сидел на кухне, иногда смотрел на голые ноги своей жены и задавал все тот же вопрос: «Где ты?»

Жена Шагита очень любила цветы. Они были везде — на подоконниках, в палисаднике, в огороде. Дом утопал в цветах. Иногда хозяйева держали кур и одного петуха. Однажды вылупились желтые цыплята, мило щебетали на солнышке, в ящике, наступая друг другу на голову, пытались выбраться. Ящик стоял посреди огорода, жена Шагита ходила с большой лейкой и поливала помидоры в парнике. Сам Шагит был в тот день трезвым. Стоял и курил. Вдруг жена его упала, тяжелая лейка с водой рухнула ей ногу. Вода не успела убежать далеко — голодная земля ее с жадностью впитала.

* Тварь старая (*татарск.*).

Шагит подбежал к жене. Глаза ее широко раскрылись, она пыталась что-то сказать, но слова превращались в мычание. Хотела поднять руку, рука не послушалась.

Через минуту все прошло. Жена спокойно встала, сама дошла до кровати и легла. Вскоре микроинсульт повторился. Дети положили ее в больницу.

К ней приезжали каждый день. Она не ела больничную еду — все самое свежее, горячее приносили дочь и сноха. На третий день сын привез Шагита. Соседки по палате разом запахнули потуже халаты, оправили волосы. Шагит сел на стул рядом с кроватью, жена спросила: «Как там дыплята?» Он ответил, что кормит. Далее была суэта со сменой белья, со свежей едой, разговор с лечащим врачом. Больше Шагит с женой не обмолвился ни словом.

Настал день выписки. Дома готовилась вкусная еда. Сын купил цветы и поехал забирать мать из больницы. Она уже собрала вещи, попрощалась с соседками по палате, поблагодарила врачей. «Сейчас, только в туалет сбегаю», — сказала она сыну.

Цветы, привезенные для матери, так и остались лежать на ее кровати. На вопрос: «Где дэуэни*?» — сын ответил, что она пока еще в больнице.

Она упала по пути в туалет, прямо на свежeweымытый линолеум. Успела почувствовать запах хлорки. Прибежала сначала медсестра, затем лечащий врач. Мимо сына с грохотом провезли его мать. Она находилась в реанимации четыре дня. Шагит ждал, что так случится. Потому внешне оставался спокойным.

Его жену привезли на седьмой день. Женщина не открывала глаз. Когда ее переложили на кровать, было ощущение, что она просто спит и вот-вот проснется. Внуки держали ее за горячие руки и твердили в два уха жалобными голосами: «Дэуэни, ну проснись!» Старшая внучка понимала всю серьезность положения, она окунала лицо в бабушкину горячую ладонь и старалась запомнить это ощущение, навсегда сохранить в памяти ее запах. Дочь и сноха меняли белье, сын ездил в аптеку, привозил гору шприцов, бутылочек с уже бесполезными лекарствами. Шагит почти все время находился в своей комнате. Единственный, кто не держал умирающую за руку. Лишь вставал возле двери в комнату и смотрел на свою жену. Именно сейчас он почему-то любил ее, любил, насколько мог. Он знал, что будет терять ее постепенно, проживая каждую секунду этой потери. Жесткие черные волосы его жены заплели в косу, и коса эта свисала с кровати. Очень заманчиво — бери и наматывай на руку, бери и таскай по всему дому, бери и расплетай и перебирай пальцами волосы, бери и запоминай, какие они, какая она вся — покорная, сильная даже во сне, с вечным чувством вины и стыда.

* Бабушка (*матарск.*).

Шагит уходил в свою комнату. Снова выходил, смотрел... он поливал ее цветы по вечерам, чего раньше никогда не делал, кормил никому уже не нужных цыплят. В его голове, должно быть, рисовалось будущее: вряд ли жена его встанет с постели, вряд ли она вообще придет в себя. И останется пустой дом, цветущий ароматный сад, кот Рыжик, цыплята, пачка хрупких фотографий, шпильки для волос... и останется Шагит. Один, чего всегда хотел. На самом деле все не так плохо, жене уже семьдесят, когда-нибудь она должна умереть?

Только не сейчас! Шагит не мог остаться один. Он не готов к этому! Он всегда говорил, что первым должен умереть обязательно он. А она еще хотя бы лет пять проживет без него, в свое удовольствие, забудет о чердаке, о печке, без страха будет ходить и скрипеть половицами, смотреть по телевизору свои сериалы, которые так раздражали его...

Она умерла в ночь с 16 на 17 июля на руках у снохи. Только успели ее помыть. Умерла, так и не придя в себя. Еще можно было потрогать жену, пока она оставалась по-человечески теплой.

Днем были похороны. Солнечно, вся улица собралась. Даже Пистимия, оставив без присмотра свой самогонный аппарат, пришла проститься. Бывшие сослуживцы с завода, где жена проработала более сорока лет, какие-то подруги... Словно по цепной реакции, лица начинали собираться к носу, противно морщиться, некоторые ловили слезы мокрыми платками, некоторые давали им возможность скатиться до подбородка. Шагита все это раздражало.

Могила была уже готова, отец с сыном спустились в нее, приняли тело — теперь только Шагит дотронулся до жены. Им подавали доски, они расставили их, затем по очереди выбрались. Рабочие кладбища замахали лопатами, сделали бугорок и воткнули дощечку с номером. Рядом с могилой матери было заранее куплено место. Шагит решил, что оно для него, и улыбнулся тому, что будет лежать рядом...

...Уже год он жил один. Сам готовил себе обед, сам стирал. Внуки были теперь редкими гостями, да и дети тоже. Сын все же простил отца — приезжал, привозил продукты, давал денег, ремонтировал дом. Очень редко приезжала дочь, махала мокрой тряпкой по полу, возила веником по коврикам и отчаливала.

Огород превратился в унылый никчемный клочок земли. Дом стремительно превращался в сарай. И Шагит старел вместе со своим хозяйством. Наперегонки они дряхлели, теряли достоинство, морщились, рассыпались...

Как и прежде, Шагит нашел единственно верный способ. В доме частым гостем стал его брат-говорун. Он приходил в день пенсии, поил брата, а

потом уходил с деньгами. Иногда снисходительно оставлял на оплату коммунальных услуг и даже на продукты. Шагит знал это, но все же ждал дня пенсии, ждал брата, прятал деньги в другое место, зная, что они будут найдены. Но зато в дом зайдет человек, можно будет разговаривать не только с котом. Видимо, брата слегка заела совесть, потому что месяца четыре его не было. Редкий приезд детей совпал с запоем. Когда Шагит трезвел — вокруг не было ни души. Только соседи, которые иногда здоровались с ним через забор. Одиночество, к которому он так стремился, очень тяготило.

Шагиту казалось, что ворота совсем непрочные, что его хотят убить, что ночью в дом неизвестно каким образом пробираются черные люди. Чтобы защититься от черных людей-убийц, Шагит прятал под кроватью топор, просыпался ночью от собственного пьяного бреда, вскакивал, хватал топор, забивался с ним в угол, как волчонок, и рубил воздух со словами: «Я еще живу, я еще здесь, это мой дом!» Однажды он разрубил диван, на котором жена раньше смотрела телевизор. Потом долго отмывал чистый топор от крови, закапывал в огороде подушки, одеяла. Вдруг с соседнего огорода послышался веселый голос: «Кого хороним, дядя Саш*?» У Шагита еще больше затряслись руки, он каждую минуту ждал милицию, заперся на все замки, не выходил из дома даже в туалет. К нему несколько раз приходил отряд, пытался проникнуть в дом, Шагит кричал, что это не он убил черных людей и что он так просто не сдастся. Когда ему показалось, что милиция уже взломала замок и проникла в дом, он спустился в погреб в обнимку с топором и долго сидел там.

...Когда белая горячка проходила, он осознавал свое существование, ему нечем было укрыться — все одеяла были погребены, — и он укрывался старыми телогрейками, просыпался от холода и от жуткого, но уже реального звука. Под домом завелись крысы. Раньше они будто не решались осквернить уютный дом своим присутствием. Теперь же решили, что здесь им самое место. Под кроватью все еще лежал топор, хотя Шагит знал — он не понадобится. Многие брезговали даже во двор войти. А крысы мешали спать. Шагит слышал, как они в погребе делят его картошку, которую привез сын, дерутся, совокупаются, рожают... они ходили по двору, увидев хозяина, вроде как пугались, а вскоре перестали. И спокойно выходили на кухню пить, прыгали по мебели, залезали даже в шифоньер и спали на вещах.

Их стало так много, что соседи забили тревогу. Шагит даже не пытался их морить. Пришел брат и разбросал по дому и огороду отраву. Но она мало помогала. Тогда пошли на совсем жестокое ухищрение — толченное стекло смешали с фаршем, и крысы, нажравшись, умирали от колик — долго и

* Все русские называли Шагита Сашей.

мучительно. Их трупы Шагит подобрал лопатой, свалил в кучу, полил керосином и поджег. Разгорелся вонючий костер, и врезался в уши противный писк заживо сожженных крыс. Шагит снова был в своем доме один...

Он вытащил коврики, выбивал их во дворе, мыл полы и окна. Поехал в парикмахерскую. Странно на него там смотрели, но все же подстригли белую бороду и волосы. На следующий день Шагит стирал свои вещи, затопил баню. Зашел к соседям и позвонил дочери — позвал в гости вместе с внуками. Обещал, что не будет пить, сказал, что затопил баню. Сходил в магазин и купил торт.

Никто не приехал. Не приехали и в следующие выходные. Баня снова была затоплена. Шагит отыскал пачку желтых фотографий. Он перебирал их осторожно, разложил на столе. Чернокосая девушка ест яблоко, обнимает ствол дерева...

Баня уже подошла, Шагит разделся, набрал в тазик воды. Мылся долго, истратил почти всю воду. В предбаннике на лавочке осталась чистая ветхая одежда, которую он собирался надеть. В холодильнике стоял торт.

Алексей Шепелёв

«На котах катались — жестко спотыкались...»^{*}

Отрывок из романа

«Снюсть, Анютинка и алкосвятые»

Когда О'Фролов уезжал, я шел на Кольцо и встречал там Федора, изда- лека начинался разговор, а когда стемнеет и все разойдутся, вступали в свою фазу позорящий свое название портвейн и (или) полуночный, сугубо не спо- собствующий общению, здоровью и опохмелке своими утренними остатками напидок «Рябина на коньяке» — в количествах почти таких же, как мы с ОФ *в его черед* глотали пиво. Самое дешевое пиво в мире — «Тамбовский волк» (это притом что брянский Тамбов, в отличие от каждого уважающего себя города, не обременен производством ни единого сорта! — ранее, как пом- ните, было «Уваровское»), главное, потреблять его постоянно, в количествах, не дающих возможности завести речь об иных возможностях. Тогда поутру я обычно просыпался от звуков открываемых об алюминиевую кайму холо- дильника бутылочных крышек — вся в зазубринах, и ледяное пиво! — зато есть чем начать день — тем паче что просыпаюсь я, как было сказано, здесь же, под столом у холодильника (да-да, рыдваньер «Полюс» был доставлен из деревни), а восстановив организм бутылочкой-другой, достаточно взять из стопки на столе полташ, а также сумку или пакет, спуститься вниз к ларьку — с соответствующим его назначению названьем «Бумеранг»... Через какое-то время ОФ оговенивает, идет, как старый слепой Пью, держась за стены, в коридор или в комнату — или просто падает со стула на пол, — а я механически высасываю еще одну-две емкости и тоже... ложусь... Ввечеру я просыпаюсь от того же звука, мы охмеляемся, мерно-умно разго-

* Строчка из песни группы «Общество Зрелища» (лидеры А. Шепелёв и О'Фролов).

варивая о жизни, идем в ларек... и все повторяется... и нет никакой разницы, день сейчас или ночь, который час (ларец-то круглосуточный!) и какой день недели, — главное, О'Фролову через неделю в понедельник не проспаться дежурство — на то он даже пытается впрок завести будильник!..

...Однажды вечером (кажется, это было 17 января или 17 марта 2052 года) правительства основных стран (Правительство Десяти, или Top 10 ManAge-ment, называемое в народе, а потом даже и в гипер/интер-медиа ManAge-melt — по всей видимости, от «melt-mentality») сделало неожиданное заявление, что Второе Пришествие — это доказано всеми научными методами от исчислений по тексту Библии до доступных (до 0,123... сек) заглядываний в будущее — состоится. И указали точное время и место. Оставшиеся четырнадцать дней были объявлены «Глобальным уик-эндом» с полной отменой трудовой повинности, денег и «всех материальных обязательств». Оный период, как было подсказано Шестицерквием (или Собором 666 — The 666 Conclusive Confessions), установившимся совсем недавно, когда были систематизированы и «приведены к Единому Знаменателю» все известные на Земле религии и верования (кои, как ни странно, никуда не исчезли, как почти случилось оное после первой НТР, а после второй, наоборот, сильно окрепли, уже в новом качестве; и, как ни странно, получилось шесть основных религий: христианство, ислам, буддизм, индуизм, иудаизм и зороастризм, причем последний, как, впрочем, и предпоследний, играют самую существенную роль, шестьдесят крупных конфессий или учений — мунисты, ко-мунисты, коммунисты и т. д. — и ровно шестьсот культов по мелочи), нужно посвятить посту, молитве, медитации, завершению всех дел земных и приготовлению ко Встрече со Спасителем, чтобы Она была Радостной, а Суд Его не был таким Страшным...

Помню, в этот момент я стоял в своей очередной съемной халупе с очередным квартирохозяином, расследуя инцидент покражи соседями-подростками (по-видимому) у других соседей (тоже подростков, но чуть постарше, разменявших уже первую шестилетку семейности и вторую работы) какой-то довольно заметной суммы зелененьких нулей с их основного плей-ридера. «А у меня, — оправдывался я, только-только сие заметив, — между прочим, пропал батончик!» (шоколадный, с начинкой типа гематогена, большая ценность по тем временам, стоимостью в половину пропавшей суммы и чуть не в треть от оплаты квартиры). Хозяин-дядечка недоумевал, интеллигентно тараша глаза и интеллигентно-автоматически подстраивая на них пальчиками data-линзы. Я держал в руках пачку сигарет — длинную, узкую, на манер папирос «Герцеговина Флор», только квадратную, вмещавшую один ряд сигар, толстых и длинных, с плотными, длинными красненькими гильзами-фильтрами — очень похоже на охотничьи патроны! — и от волнения собирался закурить,

но не знал, как это можно сделать *прямо здесь*, — но уже был к тому довольно близок: все эти открытия, дискуссии-пересуды, собственные предчувствия...

Это вроде была крохотная угловая комнатка, зато на первом или втором этаже и с пластиковым, каким-то полуокругленным стеклом во всю стену, через которое отлично просматривалась ни много ни мало ул. Тверская — вся освещенная голубоватым и светло-фиолетовым неонам, но все равно по русской традиции довольно мало. Скорее, это даже была некая пластиковая кабина, вроде лифта, с толстыми стенами и закругленными краями, прилепленная, как и другие, к внешней стене обычного «исторического» здания. Такие же полупрозрачные, тускло-мерцающие капсулы, как пузыри у водяных жуков, видны и за окном, но в основном пейзаж вполне привычный — вроде бы сохраняемый властями исторический центр, даже пешеходная зона, только где-то вверху, на выезде, приткнуты трехэтажные парковочные этажерки с маленькими округло-кроткими — безо всяких вообще намеков на приступки! — монокары... И в этот момент как раз объявили по телесистеме об отмене «крепостного права»! Я достал из кармана пьезошарик (что-то вроде круглой жвачки или маленького чупа-чупса), сжал его между пальцами, как берут сигарету (двумя другими другой руки так же держа гильзо-сигаретину), прикурил!..

Тут мы увидели, как откуда ни возьмись повалили под окном (как и невиданный снег хлопьями) толпы людей, в основном подростков, — ярко одетые и возбужденные, они шли, припрыгивая и что-то выкрикивая, кидаясь снежками из снега и слякоти и всем чем попало, жгли что-то над головой, светили неоновыми пуговицами, палочками и фонариками, что-то пили из синих узкопирамидальных бутылочек... Типичные гуманоидные силуэты и такие же лица — с большущими глазами и мелким ротинсом, как в японских мультях, и сами как набеленные японцы — результат смешения с таджиками, узбеками, киргизами и китайцами. И почти каждый, выражая необычайные, но все же как-то угловато-туповато-неосознанно-подростковые эмоции, на миг запнувшись, остановившись и став как бы центром процессии, кидал на воздух пачку купюр или, скорее, пластиковых карт — почему-то в основном из кармана, а не из кошелька, и все пачечками, а не одиночные, а остальное «все что ни на есть» тоже оказывалось всякой карманной мелочью типа пьезошариков, персональных пультиков да минибутылочек!.. Другие кидались подбирать, ловили по воздуху, спортивно подпрыгивали или бросались вниз, эротично нагибались в коротких курточках, каких-то трико и юбочках (половую принадлежность, хоть в основном и формально, теперь можно выбирать самому или даже «не принимать»), иные даже ползали в слякоти!.. Потом, видимо, кто-то что-то произносил (из-за стеклопластика здесь не слышно), и кидал уже кто-то другой, и те, кто уже набрал, тоже кидали... Иные, весе-

лясь, кидали заведомо ложное — липкий снег, всякие бумажки и хлам, иные вообще ничего не кидали, а всю дорогу ползали и собирали... То есть никаких беспорядков, погромов и проч. — все очень мягко, в духе Цивилизованного Времени (объявленного после преодоления конфликта 2013—2014 гг. и предотвращения падения метеорита в 2029-м, грозивших соответственно мировой войной за ресурсы и глобальной катастрофой, «группой компаний», образовавших из себя суперструктуру Global Civil Age Agency, *не понять как соотносящуюся с Top 10*).

Я, спешно плюнув под ноги хозяину, схватил висевшую на стене трехмерную иконку (самая дешевая, неопластик в неоновой оправке!), а потом, спохватившись, захватил еще и единственную полезную вещь, созданную технократической цивилизацией, — мобильную аптечку, включающую наборчик самоклеющихся-самотвердеющих стоматологических резинок (это вам не крем-корега!) и не очень эффективное, но единственное средство от аэрофобии «Orbital Cosmopolitan» — что-то вроде доисторических шариков рыбьего (рабьего?) жира, только внутри с чем-то вроде старых добрых — запрещенных как наркотики — «Будьте здоровы, Валери!» и найденного в моче простой Барбары в День св. Барбары* (вообще-то раньше, насколько помню, повсеместно и во всех случаях применялся куда более действенный этанол, от коего уж и воспоминаний-упоминаний не осталось). Вещи же не полезные, а необходимые: четыре баклажки, две с кислородом и еще по одной со святой водой и вином (этим я, как чуял — и, зная бессрочность срока хранения! — запасся еще почти *в те времена*, а сейчас каждая такая емкость стóит в половину месячной платы за одноклетку в центре Москвополиса, хотя ныне тут квартируют «по прихоти», т. е. в основном те, кто не мог себе того позволить в начале века), да своего рода талисманы — фигурки маленького муми-снюстенка и маленького лопухого крольчкá, сделанные еще *аналоговым* способом из каких-то мягких *раздельных* материалов (*вата*, что ль, *вата* или *вакса* называются — забыл!), — я приготовил уже заблаговременно: мягкие игрушки, чтоб ненароком их не забыть, вынес в андерграунд сразу, как только вся эта кутерьма началась... Я представляю, что сейчас хватают все другие, — брень! — скорее всего, за первую антошку — «SELF-FLEX» — эростимулятор, который, «как говорил старина Фрейд...» — гласит реклама, а по-моему, он ничего подобного никогда не говорил! — «...решил все проблемы человечества»: чипово-электронные мини-бикини (по желанию и мановению и с вагинально/ректальной макси-цукини,

* Имеются в виду обладающие седативным эффектом капли «от сердца»: настой валерианы (валерьянка) и легкие барбитураты (корвалол, валокордин).

конечно) и — тоже рекламный приемчик с запаянных уже времен — «Будь спОК, будь холост: комфорт и сухость»!.. Представляю тож, какая сейчас очередица в Большой Афедронный Коллайдер — теперь есть возможность не только войти в аноректус, а причаститься «даров содомских», «сфинкторально-оральных тайн (до прихода СС 666 — таинств) сфинкса» (все дурацкая реклама, простите!) всем телом, чувством и мыслию, как бы нырнув в оный с головой, — а главное все ж теперь не только бесплатно влезть, но и как-то вынырнуть!..

До этого последний писк эромоды был носить на пальце кольца от презерватива, разноцветные, прям с оборванными какими-то краями: если у тебя был контакт — одно кольцо, или один парень, одно кольцо... если анальный — на правой руке, что-то в этом роде, какие-то отличия по цвету... Это, конечно, девушки-молодушки все стилижали, но потом и юноши начали, и юницы лет по двенадцать не в два, а в три обхвата принялись напяливать трофеи... То был период — очень недолгий! — максимальной распущенности, секса всех со всеми; после него остался лишь virtual sex.

Выбрался наружу, продрался, пробуксовывая по снегу и спотыкаясь об ползающих, сквозь толпу на верхний конец улицы. «Спустился» в гаражи, снял с «предохранителя» свою секцию, отщелкнул стоящих в питательниках (на консервации) котов (да-да! на электро- или биокар я так и не заработал!), «оттаял», запряг их в упряжку (легкая платформочка с сиденьем, снизу которой имеются группы самонастраивающихся колесиков, типа наших роликов, и коротенькие, как детские, пластиковые лыжи) и отправился быстрее за маленькой Анютинкой (на работу, в музей Есенина Космоса — YesениNo), чтоб вместе с ней скорей рвануть в Сосовку... На котях!!!

Эх, хороши коты, как говаривали встарь, собственного заводу, собственноручно, можно сказать, натренированные... Сотовая связь, навигация и прочая, как и предполагалось, обрушены, все дороги забиты, ближнее небо, орбита, ж/д и узкоколейки — все битком... Конечно, рвать когти им придется не по новомодному — и платному к тому же! — сплаттеру (покрытие дорог и тротуаров, изменяющее за счет датчиков свои свойства, — если, допустим, человек прыгает из окна или сталкиваются машины, оно тут же превращается в некое подобие мягкой резины, потом сразу застывает и т. д.), а по обычному мерзлому грунту да кое-где по старому шершавому асфальту с наледью... и вокруг ни тебе лесов, ни рек, только «проданная даль» — трубчатые-тоннельные «поля» посередь утрамбованных мусором пустырей... но ничего, Бог даст, коты мои выдюжат!..

Воистину «На котях катались — жестко спотыкались», как в нашей песенке, там еще, кстати, продолжение есть: «А потом опомнились и х...ней занялись».

В подступающей коряжке* (тогда, впрочем, только начавшей свою сугубую суровость) такое снилось, что, если запомнил хоть хвостик, целый день мог пробыть, если был один, придавленными образами или смыслом открояения, или полдня пересказывать друг другу, если с ОФ, или сразу хватать карандаш и бумагу (что большая редкость — наличие самих сих предметов *в чистом виде*) и записывать! Но чаще всего это были напрямую не связанные со сновидениями как таковыми, а просто приходящие при раннем накоряжном пробуждении мысли, образы, идеи, строки. Я их фиксировал в основном как есть — в прозе, без всякой фильтрации и озвучивания, а О'Фролов по большей части создавал на глазах у изумленной публики (привыкшего меня и вовсе не привыкших к такому гостей) стихотворные миниатюры, порой целые гроздья, причем самой разной тематики и жанровой принадлежности. «Осенило!» — глядя куда-то *туда*, вдруг провозглашал он и лихо-радочно кидался искать карандаш, отодрать от обоев, какой-нибудь книжки или моего реферата клочок бумаги... Эти «изразцы», как правило, какие-то полукруглые, поскольку каждый из нас отрывал от чужого листка *свой*, исписанные во всех возможных направлениях, а то и в несколько слоев, валялись где ни попадя, а иногда и применялись в хозяйстве — никакой даже хлебниковской наволочки! «Еще напишу!» — провозглашал, расточительствуя, ОФ, а я, по природе очень бережливый, только вздыхал и злился. Хотя, конечно, ни у кого из нас никогда не было высокопарной интеллигентской романтической зацикленности на том, что я, мол, поэт, пишу (самый частый вопрос, который нам задавали: «*Сам* (пишешь)?!») стихи и т. д. Иногда возникало некое фрондерство, но ведь байронизм его быстро аннигилируется (само)иронией — вот к какой здоровой черте характера приучает таланта сельпоманская среда!..

* *Ражки и коряжка* — так в «диалекте» объединения «Общество Зрелища» именуются два базовых алкосостояния: опьянение-эйфория, потеря контроля («прийти на рогах») и похмелье с его страданиями и страхами («сесть на корягу»). Слово «рога» в приведенном фразеологизме заменяется на «рожки», а затем мутирует (соединяясь с «впасть в раж») в «ражки», что придает им иронический оттенок — в том числе и потому, что *ражки* — это деталь самопряжки (в форме подковы или рогов, вращающихся вокруг оси). Для второго выражения тоже есть народный прототип: когда корова, оставшись без надзора, обожрется, сие называется «сесть на ноги» — в буквальном смысле, и при этом она не может ничего делать вообще, и, чтобы не подохла, ей протыкают брюхо. Более же однозначная ассоциация с абстиненцией происходит из строчки А. Лазертского: «Я с бодунища сижу на коряге, б...я / И «вольво» никто не дарит мене...» Если уж искать литературные оправдания, то читаем у Л. Леонова об игумене Мельхиседеке, бывшем разбойнике, молящем небеса о «сверкающем чуде»: «И когда не стало чуда, сделалась заместо сердца коряга, и коряга та свиной щетиной поросла». Здесь уже виден метафизический аспект, панический страх богооставленности.

После того как у меня чудесным образом образовалась маленькая Анютинка, я узнал, что иногда даже и я говорю во сне... И хорошо, что там я не так многословен, как в своих произведениях и накоряжных накухонных выступлениях. В то время я не знал анекдот про аспиранта, перебившего сетования профессора о внезапно приходящих научных идеях: «А я вообще сплю с секретаршей!» — поэтому все происходило естественным образом. Известно: я всегда был озабочен домашним хозяйством, всякими настоль мелочными вещами, что обычный человек — который, в отличие от меня, например, не чистит и не режет *каждый день* лук и морковь, — их и не заметит, а если как-то и заметит, то только на них наплюет. На трезвую голову я шепчу, как вы помните, про картошку, мирно переворачиваясь с боку на бок. В другом же агрегатном состоянии, ясно, я уже не столь мирен и приземлен, глаголю: «...Маслена с орехами и овощами...» (последняя, ее приход, в мифопоэтике «ОЗ» сродни вышеописанному эсхатологическому уик-энду: когда целую неделю — а то и две — все будут от души — т. е. в том числе без страха наказания — веселиться!), ну или «...кошечка-утятница (еле разборчиво)... бреется...» (как оказалось, перифраз строчки из шнуровского блатняка: «кошечка-копилочка на подушке греется...»!).

Все это уже особо ее не удивляло, поскольку почти весь набор чудес был предъявлен в первый день, когда я ее привел в свое новое жилище — с дождливого Дня Города, да еще с подругой...

Я сразу предупредил: «Предупреждаю! Все, что описано в моих произведениях, может предстать пред вами *воочию!* (Они с Улечкой заулыбались, понимающе кивая...)» Вспомните и осознайте: *все!*» Не помогло даже то, что в ответ на последовавшее замечание о том, что сам я какой-то не праздничный, а мрачноватый и злобный, я бруталистически воскликнул: «Потому что я хо-чу МЯ-СА!!» — и, едва провозгласив сие, аффектно-эффектно взмахнул рукой и на лету схватил воробья. С ним экспромт:

И вы, надменные потомки,

Известны трезвостью... —

небольшая переритмовочка, характерная и для праотцев, и тем паче для нашей облегченной брейкбитовой поэзии, —

как мы — нетрезвостью — своей!.. —

и далее мы вдвоем практически в один голос:

И в рот вам кот,

И в руку — воробей!

Девушки захлопали. Так был представлен О'Фролов Великий, бывший на отходнях от утреннего, с водочкой, представления его брату Феодору. После сей несурзной, но эффектной концовки ремикса, опощренный, он тоже всю дорогу что-то ласково снюстил, остроумничал, дома написывал и

зачитывал вирши, что-то нажаривал и угощал, но уже минут через сорок, выкушав добрую часть принесенного змия и осознав, что меня больше интересует не а-ля анджелино-джолиевская — такими бы губами да мед пить! — подружка, а собственно маленькая Анютинка, в мгновение преобразился: демонически оскалившись, провозгласил: «Красивая внешность еще не означает душевной красоты, а тем более ума — скорее наоборот». При сем тосте Улечка психанула и резко куда-то убегла. Она подумала, что Анютинка устремится за ней, я тоже так подумал. И мы пустились, но налегке. После короткого объяснения между подругами гордая красотка почапала под дождем к остановке одна, а мы пошли тем же маршрутом за нею, но в ларек. Поцелуй в струях воды и чуть не по колено в воде был и вправду чуть не романтическим, но недолгим.

Я даже подумал о синице в деснице, легкой добыче, — почему-то подумал тогда, что чем умнее девушка, тем легче ее добиться. Добиться — одно, а дальше что делать? — сколько еще может быть перипетий...

Прибравшись немного на кухне за О'Фроловым, переодевшись в мое трико (она) и закатавши одежду (я), мы долго сидели за столом, разговаривали и пили сидор, пока отрубившийся в комнате Великий не восстал там впотьмах и громогласно не воссал прям на пол. Мы целомудренно не обратили на это почти никакого внимания, тем более что вслед за сим он лег сам, но уже не на диван. В разгар коллоквиума (изредка прерываемого характерными звуками из комнаты), уже очень поздно, раздался звонок в дверь и во всей красе предстал брат Феодор: измокший, с бешеными глазами навывкате и с двумя бутылками «Девятки» и пачкой сухариков. Еле ворочая языком и членами, он рассказал что-то про «массовый отстой» и «облупиться колесами» и как долго он искал мой дом, выжрал кружку сидора, запил ее пивом и прям за столом вырубился. Я тоже опрокинул вдогонку все, что было, и, предложив гостю остатки столетне-сомнительного лечебного хозяйского бальзама, сохранявшегося на особый праздничный случай, выжрал их сам и предложил лечь спать.

Присутствие в полутьме, на нижнем ярусе — будто где-то на периферии восприятия — коматозного стихотворца, возлежащего в аккурат на границе собственной лужи, меня нисколько не смутило, и я начал, по словам маленькой, «ужасно» к ней приставать. Она отбивалась так же мужественно, как я лез (у нее, как призналась после, были месячные, и вообще это, конечно же, неприлично), и все это продолжалось довольно долго, и кто знает, чем бы закончилось — вряд ли викторией над викторианством, — если б не раздавшийся на кухне грохот. Это упал, опрокинув все со стола, брат Феодор! Мы выбежали, включив свет. Не поранившись об осколки, как ни в чем не бывало он восседал опять на стуле, серьезный и величественный, и, подперев висок

рукою, спал. Причем лоб его венчала прилепившаяся этикетка «СУХАРИКИ КЛИНСКИЕ С ДЫМКОМ» — над чем мы долго смеялись, а потом даже мирно уснули.

Но ненадолго. Среди ночи я вдруг страшно заорал, разбудив Анютинку. «Что случилось?» — в испуге тормозила она меня. «На ножках!» — конвульсивно дергаясь, полупроснувшись вещал я. — «Что *на ножках*?!» — «Бальзам!» Ей сразу представилась представившаяся мне картинка в стиле Босха: глиняная бутылочка бальзама на ножках! Но мне оно (закономерно даже как-то!) явилось, кажется, лишь потом, при пробуждении, а сейчас меня, наверно, кусал циклопический свято-ундинистский рот — просто свело ногу. «Икры!» — заорал я, сгибаясь к ноге. «Какие икры?!» — все больше недоумевала и пугалась маленькая. «Олимпийские!..» — вяло пояснил я, перевернулся на другой бок и (вроде бы и не проснувшись?) опять захрапел.

Полутру, худо-бедно проснувшись и гипотетически пересаживаясь с ражек на коряжку, все очень долго и весело являли «На ножках!» Особенно усердствовал я, беспрестанно повторяя утрированно писклявым голоском на все лады, — чего-то другого (несмотря на разворачивающуюся у меня под носом детективную историю) от меня было добиться невозможно. Маленькая Анютинка захотела забрать со стола оставленный там вчера свой маленький кошелек, но его не было. Не было его и в окрестностях. «Н-на но-ж-ках!» — еще более утрированно пищал брат Федор — крупный, спохмельно-дикий, трясущийся, завернутый в старое покрывало, напоминающий римского патриция, за которым ни свет ни заря *пришли*. «Так, кто будет обыскивать Федю?» — безо всяких обиняков разрешила вопрос Анютинка. Вспомнилось, что брат наш после спал тоже в комнате, закатавшись в «плед», устроившись на полу, на свободной от ОФ сухой местности, и всю ночь из него — «сквозь сон» — сыпалась мелочь. «Да че сразу Федя?!» — с видимой обидой неистовствовал Федя, неистово ища по закоулкам и особенно истово предлагая «посмотреть в сортире». Весь квадратный метр вокруг унитаза был изучен до буквальной тошноты; мелочь и по сухому, и по почти высохшему была собрана и тщательно сочтена; Федя чуть ли не по отметинкам-черточкам признал в ней свою; но вопрос состоял и в том, будет ли нам чем освежиться или же нет и насколько сильно. После полутора часов (!) поисков неожиданно послышался возглас зашедшего в уборную брата-сподвижника. Чудесным образом кошелек вернулся, но без основного содержимого! И потом дядя Федя все же был вынужден купить нам на *свою* мелочь *одну* бутылку пива.

На коряжке (на маленькой) лучше всего срулить домой — поесть, отдохнуть, помыться, почитать, посмотреть ТВ, что называется отойти — восста-

новиться телесно, интеллектуально-морально забыть свой грех пьянства (а может, и еще чего) и саму обстановку. У Ани алиби — работа, дом, друзья; Федя так и заявлял прямым текстом: «Хоть пожрать нормально!..» и т. д. — и ничем его уже не удержишь, особенно когда деньги на исходе (сначала он выжимал все до последнего пятака (5 коп.!) — и лишь затем признавался, что у него тоже «децл есть» и тоже честно пропивал все, оставляя себе *в качестве пути отхода* 2 руб. на автобус, иногда и мне) или их вообще нет (мой путь отхода — 56 руб., моя Сосовочка далече, да *и с чем* я туда поеду — хоть и безропотный, но все безработный?). А вот ОФ, если бы мог, наверно, пребыл бы со мной вечно!

И мы с ним, по его выражению, «находясь совместно», чувствовали себя *самозабвенно органично* — пока не пришли *большие* коряжки.

Родион Вереск

Обсессия

Сезон дождей был в самом разгаре. Просыпаясь, Арсений сначала видел красное — стеклянный плафон торшера, развернутый чашей в потолок, затем белое — сам потолок, окаймленный узким пенопластовым бордюром, после этого, скользнув по бежевым обоям и пыльному оконному стеклу, его взгляд упирался в серое, и этому серому уже не было конца. Небо, выплескивающее дождь, — вот главный фон зимнего сезона. На этом фоне разворачивалась жизнь, начиная с середины ноября и заканчивая мартом. В эти неполные четыре месяца серело все, от мокрых стен домов до кожи на ладонях — она становилась какой-то землистой, как опавший платановый лист. Пожалуй, лишь вечнозеленые кустарники и островерхие изумрудные кипарисы немного разбавляли цветовую гамму.

Арсений вылез из-под одеяла и спустил ноги на ковровое покрытие, которое приятно щекотало подошвы. Потянулся, наблюдая в зеркале свою кислую гримасу. Сегодня снова приснилось большое снежное поле на окраине города. Ломаный ряд многоэтажных домов на горизонте. Линия электропередачи, шагающая через белый пустырь. Мокрая дорога, по обочинам — сугробы, забрызганные коричневой грязью. Время от времени эта картина возникала перед глазами — то во сне, то где-нибудь в кино. Арсений не понимал, где и когда он видел этот заснеженный пустырь, но он появлялся снова и снова, как напоминание о прежних зимах, с черными голыми сучьями деревьев и следами на снегу.

Снега в Москве не видели уже лет двадцать — примерно с тех пор, как циклоны изменили траекторию и шли с запада нескончаемой вереницей, словно огромный товарняк из цистерн, везущих что-то склизкое и прохладное. Сначала снег таки выпадал — но все позже и позже. Понемногу привыкли встречать Новый год под зонтами и в непромокаемых сапогах, потом смирились с тем, что единственным зимним месяцем можно было назвать февраль, когда ударяли морозы, и выглядывало солнце, и на пару недель серый фон сменялся желтым и светло-голубым. И наконец зима стала такой, какой была теперь. По стволам деревьев и по стенам домов пополз дикий виноград, а владельцы летних кафе не сворачивали их круглый год. Правда,

в отличие от знойного субтропического лета, в сезон дождей они все равно по большей части пустовали. А те, кто тосковал по зиме, ходили кататься на искусственные горнолыжные склоны. Арсений, впрочем, видел настоящий снег шесть лет назад, когда они с женой ездили на Таймыр. Там, как в детстве, были высокие голубые сугробы и отлично накатанные лыжни, по которым, размахивая палками, бежали туристы в ярких блестящих костюмах. Но солнце выглядывало всего на несколько часов и держалось над горизонтом низко, словно чей-то подмигивающий глаз.

С женой они развелись вскоре после той поездки. Пришлось продавать большую четырехкомнатную квартиру с террасой, хорошо защищенной от летней сорокаградусной жары, нанимать риелторов, вечерами смотреть другие квартиры, подбирать такие варианты, чтобы рядом были детский сад и школа и не слишком далеко — станция метро или скоростного трамвая. В конце концов Олеся с детьми переселилась южнее, в новый плохо обжитый район, а Арсений остался в старом городе, опоясанном вечно жужжащей кольцевой дорогой. Его скромная «двушка» находилась на одиннадцатом этаже, откуда виден был просторный восьмиугольный двор с разноцветными газонами и крытой парковкой.

— Ты ребенок, — сказала жена в последний день совместной жизни. — Так и не повзрослевший, избалованный ребенок, и меня достало быть тебе мамой. У меня, помимо тебя, еще двое детей.

— У нас, — поправил Арсений.

— Да нет, у меня. В том-то и дело, — сказала Олеся, застегивая плащ.

Тогда тоже был сезон дождей, и сверху лило днем и ночью. Вода бурлила, затекая в решетчатые отверстия ливневой канализации, а к вымощенным серой плиткой тротуарам прилипали редкие опавшие листья. Если не считать нескольких довольно громких сцен, развод прошел мирно. Они прожили вместе почти десять лет, и Олеся больше всего бесили в Арсении несобранность и неаккуратность, от которых он так и не смог отучиться в детстве.

— Не забудь вызвать сантехника, — давала наставления Олеся в разгар их семейной жизни. — Пусть раковину почистит и заодно посмотрит унитаз. Он, по-моему, снова течет.

— Давай я посмотрю, — лениво отвечал Арсений.

— Не трогай ничего! Ты же сам знаешь, что у тебя руки растут из одного места...

Когда говорили «подкаблучник», Арсений понимал, что это, наверное, про него. В доме всем заправляла жена — решала, когда и на что потратить деньги, кого позвать в гости, что подарить детям на день рождения. Единственное, что всегда решал сам Арсений, — куда поехать в отпуск. Он мог обшарить пол-интернета в поисках дешевых авиабилетов, мало кому извест-

ных достопримечательностей и оптимальных туристических маршрутов. Благодаря этому они с семьей объездили почти всю Южную Америку, побывали на острове Пасхи и в древнем тайском городе Аюттхая, опустошенном триста лет назад бирманцами. Правда, поездку на Таймыр Олеся поначалу восприняла в штыки, не понимая, «зачем ехать в холодину», когда можно на пару недель вернуться в лето. Но Арсению хотелось зимы. Надеть, как в детстве, вязаные шерстяные варежки, зачерпнуть снега и растереть его на ладони, и чтобы под колючей шапкой потел лоб и уши горели от мороза. Жена и дети на удивление быстро освоили лыжи и рассекали на них по гладкой бескрайней равнине, простирающейся до холодного, еще не растопленного циклонами океана. Лыжня тянулась мимо разноцветных отелей с большими застекленными террасами, щитовых деревенок, в которых жили загорелые ненцы и эвенки, замерзших озер. Иногда на горизонте можно было заметить оленье стадо, и дочь Алена все хотела погладить оленя, но Олеся крепко брала ее за руку и объясняла, что скоро время обеда и нужно возвращаться в гостиницу.

Все-таки жена часто напоминала Арсению мать. Вернее, ту женщину, которую он называл матерью. Она забрала его из детского дома в «лихие девяностые», как принято называть то время. Откуда появилось такое название, сейчас уже мало кто помнил. Мать была «хорошей тетей». Это, пожалуй, главное, что стоило бы о ней сказать. Она была уже немолодой, носила яркие кофты, крупные бусы и мягкие тапочки с пушистой окаймровкой. Когда она наклонялась, чтобы поцеловать Арсения на ночь, ее крашенные желтые волосы щекотали лоб, а от морщинистой шеи пахло терпкими сладкими духами. Помимо приемного Арсения, мать воспитывала родную дочь, старше его на пять лет. Сестра Света любила возиться с братом, но часто это выглядело как забава с дорогой игрушкой. Хотя именно она научила его кататься на велосипеде, плавать и даже драться. В детстве у нее были очень цепкие и сильные руки. Мать ругала Арсения за то, что он ушел далеко от дома и не предупредил, за порванные штаны и испачканные ботинки, за размотанный шарф (давно не болело горло?!). Заставляла заниматься музыкой и английским. До сих пор он мог, запинаясь и с трудом подбирая нужный аккорд, что-нибудь сбренчать на пианино, а английский ненавидел, с его горловым произношением, квакающей интонацией и неистребимой вездесущностью.

Арсений поднялся с кровати и протер кулаками глаза. Эта детская привычка поначалу умиляла Олесю, а потом начала раздражать, как вывернутые наизнанку штаны, невымытая чашка и невытертое сидение унитаза.

Дети заставляли отца строить замки из конструктора, пускать поезда по узким пластмассовым рельсам, которые огибали всю комнату, ныряли под

стол, а выныривали уже из-под занавески. Наблюдая за тем, как движется локомотив с бело-синими вагонами, Арсений ощущал необъяснимое всеобъемлющее счастье, поднимающееся из самой груди.

— Папа, я тебя убила! — весело кричала Аленка. И добавляла капризно: — Ну, падай, падай уже!

— Не убивай моего папу! — кидался на сестру с кулаками Алешка.

— А ты не дерись, дурак!

— Сама ты ду'га!

— Ду'га, да? — заливалась Аленка, смеясь над картавющим братом.

Олеся привозила детей раз в неделю, иногда — два. Арсений вез их куда-нибудь в магазин или в парк развлечений. Машину он оставил жене, предпочитая сам передвигаться на метро. Многолетняя борьба с пробками оказалась тщетной, и улицы по-прежнему напоминали сплошную беспорядочную автостоянку, где было некуда деться от выхлопных газов и громких затяжных гудков.

Детей Олеся привозила вчера. Была суббота, и они втроем ездили в аквапарк. Вечером Олеся появилась в прихожей, щеголяя новой прической — в моде был ярко-каштановый цвет, который, впрочем, не был похож на цвет натуральных каштанов, густо усыпавших зимние газоны. Она выудила Аленку и Алешку из комнаты, быстро одела их и увезла. Теперь наступило воскресенье, и нужно было прожить его с серым фоном за окном, беспокойным предчувствием будней и утренним сном, в котором белел огромный заснеженный пустырь, врезавшийся в сознание, словно айсберг.

Женщина, которую Арсений называл матерью, умерла в позапрошлом году. Он никогда не спрашивал ее о своем детстве, это было как-то стыдно, ведь можно было подумать, что он не благодарен ей за дом и, в общем-то, неплохую семью. Несколько раз говорили об этом с сестрой. Но Светка знала только то, что Арсению было три с небольшим, когда мать его усыновила — взяла из московского детского дома. Его потом расформировали, так что концов теперь не найти. Да и зачем это? Зачем искать кого-то, кто о тебе и слышать не хотел?

Арсений вышел на кухню, нажал кнопку электрочайника и набрал номер сестры. Светка долго не отвечала. Наконец в трубке раздалось сонное «алло».

— Ты спишь, что ли? — хмуро спросила Арсений.

— Сень, ты чего в такую рань звонишь? Что случилось?

— Да ничего не случилось. Приехать хочу. А времени вообще-то уже почти одиннадцать.

— Одиннадцать? Правда, что ли? А когда хочешь приехать?

— А когда удобно?

— Ну, приезжай к обеду. Пообедаешь с нами.

— О'кей, буду к обеду.

Словечко «о'кей» привязалось намертво, как лианы дикого винограда к высушенным жарой березам, хотя, произнося его, Арсений всегда чувствовал какую-то чужеродность, как будто он говорит не от своего лица.

Света, как и Олеся, жила в новом городе, на юго-западе. Отыскать ее дом было довольно сложно среди нескольких сотен аккуратных светло-бежевых коттеджей с одинаковыми боковыми верандами и оранжевыми черепичными крышами. С тех пор как город шагнул сюда, быстро поглощая распаханные поля и дачные массивы, здесь стало еще жарче и суше. Темный шершавый асфальт, бордовая тротуарная плитка, гладко выстриженные газоны, бесформенные коробки торговых комплексов с мигающими вывесками и переполненными парковками — все это появлялось стремительно и разрасталось, как разноцветная плесень, сползая все южнее и южнее, осушая болота и оковывая бетоном реки. Поезд метро то нырял в тоннели, то снова выскакивал на поверхность, проносясь мимо трансформаторных будок и автомобильных развязок, выплевывал пассажиров на станциях и ехал дальше и дальше, и его пути, казалось, не было конца. Добираться в эти края из старого города было долго и неудобно, но Светкин муж Слава работал где-то здесь, неподалеку от нового правительственного комплекса, и они взяли по дешевке неотделанный коттедж — из тех, что собирались, как из конструктора, за пару недель. С тех пор сестра редко бывала у Арсения. Теперь мало кто стремился в старый город, сохранивший очертания гигантского неровного яйца. Наоборот, оттуда бежали, оставляя квартиры-клетушки в панельных этажах, пахнущих гниющими трубами и мусоропроводом. Поговаривали, что где-то в восточных районах, среди ветхих ржавеющих промзон, пустуют целые дома. Арсений мало верил в эти рассказы, по утрам с трудом влезая в лифт в своем подъезде и отслеживая по интернет-картам гигантские автомобильные пробки, заполняющие насыщенным красным цветом артерии восточных магистралей.

В последнее время Света выглядела устало. У нее на лице появлялось все больше морщин, но ее очень молодило узкое белое платье, контрастировавшее с загаром.

— Давай я поставлю сушиться зонт, — сказала она, как только Арсений ступил на порог. — Вымок?

— Да нет, не успел. Тут ведь недалеко от метро.

— У меня от такого щедрого дождя распустились декабристы. Пойдем на веранду, покажу.

Светка повесила мокрый плащ брата в сушильный шкаф и, гулко стуча каблуками, пошла вперед, через гостиную и дальше. Арсений отправился следом, остановился в гостиной и взглянул на большой фотопортрет матери,

висящий над электрическим камином. Это было одно из ее последних фото: светло-желтые, аккуратно уложенные волосы, отдающие сединой, узкие, немного бликующие стекла очков, морщинистая ладонь... В последние годы с ней было сложно: она сделалась брюзгливой и бескомпромиссной, злилась, когда ей перечили, и все время требовала к себе внимания. Временами Арсению казалось, что она превратилась в морщинистого ребенка, которому хотелось, чтобы его любили, а у всех была своя жизнь, и в ней для молодящейся старухи находилось все меньше места. И все-таки Света оставалась с матерью до ее последних дней. Места в просторном семейном коттедже хватало и на троих детей, и на затемненную спальню, и на рабочий кабинет, который Слава заставил широкими книжными полками, поднимающимися до самого потолка. Матери выделили светлую угловую комнату, выходящую окнами в сад. Садом назывался небольшой клочок земли, упирающийся в соседскую изгородь. Света поставила пластмассовый столик со складными стульями, посадила два куста сирени, вишню и эти самые декабристы, которые расцветали к Новому году и освещали тусклый серо-зеленый фон малиновыми огнями узких острых лепестков.

— Ты где застрял-то? — позвала сестра с веранды.

— Да тут я, иду, — рассеянно ответил Арсений.

— Нравится мамин портрет? — спросила Света, выглядывая из-за стеклянной двери, ведущей на веранду.

— Она здесь какая-то слишком спокойная. Я такой ее не помню.

— Да уж, спокойной ее точно назвать было нельзя. Особенно в последние годы... Ну, проходи на веранду, буду на стол накрывать. Сейчас придет Славка — я его в магазин отправила. Он заодно детей в кино забросит.

Окна веранды были увиты бугенвиллеями. В это время года они не цвели, и их вечнозеленые побеги лишь немного затеняли и без того тусклый дневной свет. Хорошо, что Света отправила детей в кино. Значит, можно будет спокойно поговорить. Правда, как-то странно начинать разговор о снеге посреди этой буйной субтропической растительности, которую обожала сестра.

— У тебя ко мне какое-то дело? — сосредоточенно спросила она, ставя на стол большую салатницу, в которой зеленели ровные квадратики авокадо и листья салата.

— Мне сегодня снова приснился снег, — начал Арсений.

— Та-ак, — подхватила Света с учительской интонацией.

Она всю жизнь преподавала и постоянно принимала экзамены. И сейчас Арсений тоже чувствовал, будто сдает какой-то сложный предмет и подготовленный ответ явно не приведет в восторг экзаменаторшу с загорелым лицом.

— Это снова было то место, которое мне снится с самого детства и где, кажется, я когда-то был.

— И что? Ты увидел что-то новое?

— Нет, не увидел. Но я понял, что должен найти это место. Чего бы это ни стоило.

— Сень, мы ведь с тобой обо всем этом уже говорили...

— Ну да, говорили, но спокойнее мне от этого не стало. Поэтому я хочу, чтобы ты мне еще раз рассказала все, что знаешь от матери.

— Сень, я знаю не больше, чем ты, — она застыла с бокалами в руках. — Ты что, думаешь, я от тебя что-то скрываю? Зачем мне это?

— Нет, не думаю. Но, может, мать вскользь говорила тебе что-то перед смертью?

— Да нет, конечно. Ты же сам знаешь, о чем она чаще всего говорила перед смертью: «Вам на меня наплевать», «У меня стало плохо с памятью», «Вы со мной еще намучаетесь»... Единственное, что она вспоминала, — как с тобой было сложно в детстве и как она боялась, что мы с тобой не будем общаться, когда станем взрослыми.

— Ну, и наверняка что-нибудь говорила про детский дом...

— Сень, да ничего она не говорила, ей-богу. Ты что думаешь, если бы я что-нибудь знала, то не сказала бы тебе? Особенно теперь, после ее смерти? Достань, пожалуйста, вилки из ящика — второй сверху — нет, не в этой, в соседней тумбочке...

— Ну, не говорила так не говорила, что ж теперь... Только этот заснеженный пустырь мне все больше не дает покоя. Сегодня я понял, как сильно тоскую по снегу.

— А я вот совершенно не тоскую. Как вспомню эту гололедицу, а в оттепель — снежную кашу под ногами... Я обувь редко носила больше одного сезона — ее разъедала соль, которую сыпали на тротуары. У нас же везде маразм... Так что уж лучше дождь, чем русская зима с сугробами и заносами на дорогах.

— Да, ты всегда любила, чтобы было жарче... Тебе нужно было родиться где-нибудь в Италии, среди древних руин и виноградников.

— Почему бы и нет? Но у нас сейчас, по-моему, не хуже, чем в Италии. Вон, у Славки друг вино делает какое вкусное. Виноградники у него тут, в Подмосковье...

— А все-таки со снегом было как-то роднее.

Светка пожала плечами и сделала кислую мину.

— Сень, салфетки еще достань, там есть такие зеленые с бордовым...

— Я вот все думаю, где это могло быть. У меня такое ощущение, что я стоял спиной к дороге и смотрел на пустырь и дома вдалеке. А сзади ездили

машины, и, обернувшись, на другой стороне дороги я увидел вестибюль метро. Чувствовалось, что в спину веет теплом оттуда.

— Ну да, вот прямо ты чувствовал тепло через дорогу...

— Я досконально не помню. Но там точно было метро.

— Ну и что?

— Значит, это был большой город...

— Сень, это называется «гадание на кофейной гуще».

— Я вот думаю: может, это был Питер?

— Может, и Питер, а может, какой-нибудь Новосибирск. Там, по-моему, до сих пор снег выпадает.

В прихожей раздался звонок в дверь.

— Славка опять не взял ключи! — всплеснула руками Света и побежала открывать мужу.

Кажется, разговор придется прервать. Слава сейчас будет говорить о баскетболе и очередях в супермаркете. Арсений станет поддакивать и молча соглашаться, пережевывая мягкое маслянистое авокадо. Кому нужен снег в облюбованной теплыми циклонами субтропической Москве? В прихожей уже слышался грохот захлопывающейся двери, шелест пакетов и низкий голос Славы, говорящий что-то неразборчивое. За окнами веранды монотонно и нескончаемо шумел дождь.

Через три дня Арсений взял альбом со своими детскими фотографиями, купил цветы и поехал в Крылатское. Там жила племянница самой близкой маминной подруги, умершей в тот же год, что и мама. Устав от навязчивой идеи брата, после субботнего обеда Светка невзначай сказала ему, что, наверное, о чем-то знала Тамара Григорьевна — та, что когда-то приходила почти каждый день и подолгу просиживала с мамой на кухне. Своих детей у нее не было, а племянницу она приводила несколько раз. Немного пухлая, застенчивая девочка с родинкой на левой руке. Играть с ней было довольно скучно: она не умела запускать даже красных птиц, не говоря уже о желтых, синих и тем более белых. Встав из-за компьютера, она ковыляла в кухню и остаток времени проводила там, со взрослыми, которые наливали ей чай и клали на тарелку разноцветные конфеты. Звали ее Женя. Возможно, в те вечера, когда в Москве еще выпадал снег, она что-нибудь слышала в тесной нагретой кухне, где шумел электрочайник и велись взрослые разговоры.

Арсений долго думал, покупать цветы или нет. И как все это будет выглядеть: вот он явится к подъезду, позвонит в домофон и скажет: «Это Арсений. Помните, мы с вами запускали разноцветных птиц на мониторе компьютера? Не помните? Это было лет тридцать назад...» У Светки не оказалось Женяного телефона, зато в старом маминном планшетнике был записан адрес:

Осенний бульвар, дом, корпус, квартира. И еще Светка знала, что вроде бы Женя воспитывает детей одна, а муж ее то ли бросил, то ли погиб — и уже давно, года четыре как... Странно, что мама в свое время не записала ее телефон. Поэтому Арсений чувствовал себя героем из далекого прошлого, когда искать людей было гораздо сложнее. Метро в старом городе пахло сырными подвалами и каким-то химическим раствором, которым мыли станции. Крылатское когда-то было богатым фешенебельным районом, с разноцветными многоэтажками, выросшими на лесистых холмах, извилистым контуром реки где-то далеко внизу и светло-голубой церковью, тянущей колокольню в такое же чистое лазурное небо. Сейчас все это выглядело слишком скученно и воспринималось как старый непрестижный район на фоне нового города с его малоэтажной застройкой и широченными бульварами, засаженными платанами и кипарисами. Из прежних состоятельных жителей в Крылатском почти никого не осталось — они перебрались за МКАД, дальше на запад или на юг, и с ужасом вспоминали, как раньше делили с соседями воздух в не слишком просторных квартирах.

Жени дома не было. Издав несколько длинных дребезжащих гудков, домофон пискнул и умолк. Тогда Арсений набрал соседнюю квартиру и грубый старческий голос сказал ему, что понятия не имеет, где соседка, но по вечерам она иногда ходит с детьми на каток — это внизу, за парком, в спортивном комплексе на берегу реки. Уже смеркалось. Арсений побрел через старый холмистый парк, где разъезжали велосипедисты и большие экраны транслировали затяжной футбольный матч. Дождь прекратился — такое зимой иногда бывает, когда слой облаков становится тоньше и сквозь него пытается пробиться солнце. Но это продолжается совсем недолго, и вскоре сверху снова начинает лить.

На катке народу было мало. Это зимнее развлечение в последние годы, кажется, подрастеряло популярность, уступив искусственным горнолыжным склонам и ледяным гостиницам, в которых стужа поддерживалась огромными холодильными установками. Женя сидела в первом зрительском ряду и делала знаки кому-то на катке. Она интенсивно крутила рукой, а потом подняла вверх большой палец.

— Ну, смотри, как хорошо! — сказала она. — Попробуй еще разок.

Девочка лет десяти-двенадцати разогналась, двигаясь спиной, а потом, изловчившись, прыгнула и, сделав оборот, приземлилась на левую ногу, выехав «ласточкой».

— Отлично! — крикнула Женя. — Молодец!

В этот момент к ней подошел мальчик лет четырех, начал тянуть за руку и, хныча, говорил, что ему надоело, что он уже давно сдал коньки и теперь хочет идти на улицу, а здесь скучно и холодно.

— Витюш, подожди немножко, — сказала Женя, взяв его на колени. —
Смотри, как Даша здорово катается! Она сейчас прыгала. Ты разве не видел?

— Куда прыгала? — удивленно спросил мальчик.

— На льду прыгала, как большая фигуристка. У нее же соревнования скоро. Пойдем за нее болеть?

Мальчик перестал хныкать и смотрел на девочку, которая стремительно пронеслась вдоль борта, разведя руки в стороны, как крылья.

— Мам, а ты покатаешь меня на саночках?

— На каких саночках?

— Ну, как в сказке про Снежную королеву...

— Где ж я тебя покатаю? У нас в Москве больше нет снега.

— А почему больше нет?

— Потому что зима стала теплее, а лето — жарче.

— А ты меня не отдашь Снежной королеве?

Женя улыбнулась и поцеловала мальчика в затылок.

— Конечно, не отдам! Ведь ты у меня единственный сынок...

Она крепко обняла его. На ее руке, у запястья, темнела родинка.

Огромный белый пустырь начал окрашиваться в желтые и голубые тона. Снег потускнел и стремительно таял, обнажая бурые проталины с прошлогодней травой и, кажется, откуда-то сверху, где над опорами линии электропередачи висели немного изогнутые провода, раздалось громкое птичье щебетание.

Арсений вытащил из-за спины букет и направился в первый зрительский ряд.

— Простите, — спросил он, — вы ведь Женя?

— Да, я, — ответила она удивленно.

— Вы мне очень нужны.

Серафима Орлова

Ловля рыбки в мутной воде

Сегодня мама за Лидой не уследила, поэтому Лида оделась сама. С футболкой ничего выдумывать не стала — какая на стуле висит, ту и напялила. Зато трусы надела поверх колготок. Честное слово, так гораздо удобнее, удивительно, что раньше никому в голову не приходило. Колготки же все время сползают. Подтягиваешь их, подтягиваешь чуть не до подбородка. А мама сердится, по рукам шлепает. Мешает достигнуть совершенства. Мучение потом тащиться из садика — еще и рука одна занята мамой, нельзя колготки подтянуть незаметно, так и чувствуешь, как пониже спины они собираются колбасой. Ну, сегодня такой номер не пройдет. Даже шорты не надо сверху, трусы и так отлично поддерживают.

Лида крикнула, что идет во двор, смахнула цепочку и выбежала на площадку. Шнурки было завязывать лень, и они смешно шелкали по ступенькам, пока Лида спускалась. На крыльце шнурки сразу промокли, потому что там была лужа. И во дворе везде были лужи. Утром прошел дождь, и теперь солнце будто раскрошилось по всему двору, отражалось даже в мокрых скамейках.

Лида с огорчением увидела, что и под качелями налилось. Вышоркали яму своими ножищами, теперь туда вода попадает. Не надо ногами тормозить никогда! Лужа под качелями — так же противно, как сползающие колготки. Лида подошла к качелям и задрала ногу, пытаясь дотянуться до сиденья. Ноги не хватало, чтоб залезть. А если не держаться за столбик, то можно достать, но упадешь запросто. Нельзя падать в лужу, особенно когда так хорошо выглядишь. Красная футболка, красные колготки, трусы белые в красных малинках. Лида критически осмотрела себя, увидела, что из трусов потянулась нитка, обрадовалась — любимое развлечение, стала ее вытягивать. Сначала там вытягивается такая мягкая, будто ватная ниточка — если ее отпустить, закручивается в кольца, а потом можно вытянуть еще и тонкую резиночку. Если резиночку пытаться оторвать, она больно хлещет по паль-

цам. Мама ругается, говорит — так можно совсем трусы распустить. Лида не хотела без трусов остаться, поэтому оборвала ниточку вовремя. Что теперь с ней делать? Недолго думая, залезла в кленовую поросль, сломала прутик и привязала нитку. Потом пошарила по кустам, нашла красную пробку — пластмассовую, тут только пластмассовая подойдет.

Едва Лида, сев на нижнюю перекладину между столбиками качелей, сосредоточилась, как во двор вышел мальчик. Вернее, он не вышел, а выбежал, громко топая ногами. Этот шум еще с лестницы было слышно. Лида поежилась, когда дверь подъезда хлопнула, — бросила косой взгляд, кто это там явился.

Мальчик был одет не по погоде. Несмотря на тепло и лето, на нем была дутая сине-лиловая курточка и смешной красный берет. Берет уж точно мама заставила надеть, этим взрослым лишь бы помучить. Зато внизу у мальчика были шорты и голые ноги, все коленки — в пятнах зеленки, и под носом тоже зеленка, и на лбу. Мальчик подбежал к качелям, крикнул:

— Уйди, ты мне мешаешь!

— Это ты мне мешаешь! — возмутилась Лида. — Сам уйди, распугаешь!

— Кого?

— Рыбу. Видишь, я рыбу ловлю?

— Это у тебя удочка, что ли? — Мальчик разглядел палку в руках Лиды. — Вот у меня деда Петя в деревне живет, так у него — удочка так удочка! У него еще это... гру... грузило есть! У тебя есть грузило?

— Нет, — призналась Лида.

— Значит, ничего не поймаешь! Бе-бе-бе, бе-бе-бе! — Мальчик отбежал немного, потанцевал, кривляясь, потом вернулся: — Ну, отойди! Я на качелях покачаться хочу!

— Качайся, — пожалала плечами Лида. Мальчик задрал ногу, пытаясь забраться на сиденье, нога тоже оказалась коротковата. Он сердито толкнул Лиду в плечо:

— Отойди, я с разбегу прыгну. Ой, а почему ты в трусах?

— А ты что — без трусов? — засмеялась Лида.

— Да нет. Но они же внизу должны быть, подо... всем, — кажется, мальчик засомневался.

— Должны, должны... Как тебя зовут? — проворчала Лида.

— Вова.

— Дядя Вова без трусов, но в зелененьких усов! — выпалила. (Коряво придумала, зато в рифму.) Мальчик подскочил от гнева:

— Не в усов, а в усах! У меня ветрянка! Была... Я заразный вообще-то еще, так что бойся!

— Ой, заразные усы, ой, веселые трусы...

— Пошла вон! А то заражу тебя! — Вова сделал страшное лицо, оскалил зубы. — Будешь вся чесаться! А потом умрешь!

— Ой, увидела трусы, умерла без колбасы, — Лиде уже трудно было остановиться, хотя и чушь полная. Мальчик засопел, покраснел так, что ей показалось — сейчас ударит, и она на всякий случай выставила ветку вперед. Но Вова отдышался немного и сказал мстительно:

— А вот! Я тоже буду рыбу ловить!

— Повторюша — дядя Хрюша из помойного ведра... — тут Лиде даже думать не надо было, дворовая дразнилка сама на язык прилетела.

— Всю рыбу твою выловлю! — Вова, зло сопя, вытаскивал шнурок из кроссовки.

— Тебя кошка целовала и сказала — ты свинья! — выпалила Лида и показала язык. — Иди в своей луже лови! Почему в моей надо!

Вова привязал шнурок к ветке и покорно стал удить в соседней луже, рядом с качелями, но едва Лида отвлеклась ненадолго от поплавка, как обнаружила, что вороватое удилище уже пробралось в ее водоем и зацепило один из листиков, что лежал на поверхности воды.

— А я схватил твою рыбку! А я схватил твою рыбку! Бе-бе-бе! — похоже, по части дразнилок Вова был не силен. Зато радовался искренне, размахивая мокрым гнильем, пока Лида не крикнула:

— Это мусор, а не рыба!

— Нет, это рыба! Слепая ты, что ли!

— Ах, так! Тогда и я у тебя украду! — Лида быстро махнула удочкой, выволокла из Вовиной лужи кусочек коры, который прибил к кирпичу.

— А я тебя... а я тебя! — Вова ткнул палкой с размаху в лужу под качелями, но не рассчитал, и брызги окатили футболку Лиды.

— Что ты делаешь, козел! — завопила Лида, вспомнив хорошее слово из старшей группы детского сада, и стала бить палкой по его луже, забрызгивая с ног до головы Вову. Он орал и колотил по воде палкой, она орала и колотила, оба были грязные, как две чушки, и верещали не хуже, а потом вопль перешел в визг — кто-то схватил обоих за уши и приподнял над землей.

— Безобразие! Ты что творишь! Позоришь мать! — кричала мама. — Как ты одета! А ты зачем дерешься! Зачем ее бьешь палкой! Я родителям все скажу, они тебе задницу надерут! — Ее лицо перекошилось и стало красным, как берет Вовы.

— Я не бил ее палкой! — возмущенно закричал Вова.

— Он не бил! — рассердилась Лида. — Мы играли!

— Что это за игры! Грязная, как чумичка! Позорище мое! Марш домой! Баб Маша, баб Маша! Заберите своего внука, он девочек бьет!

— Что там такое? — закричали из форточки. — Ах ты, оболтус!

Мама волокла Лиду прочь со двора. Опять одна рука была занята и колготки, несмотря на продуманные крепления, потихоньку начали сползать. Лиза, сжав зубы, крепилась. Вова грустно сидел на качелях и не слушал, как на него ругаются в форточку.

Примечай

В холодном городе цветут яблони. Улицы вертят в темных пальцах стеклянную коробку троллейбуса. Дорога, подернутая бело-зеленой каймой, бесконечно уплывает вдаль.

Сидя на коленях бабушки, внук ерзает и канючит:

— Ну ско'го мы доедем уже?

— Скоро, скоро. Куда ты так торопишься?

Внук хмурится и что-то бормочет.

— Ну что ж ты так? Все важные дела надо заранее делать. Теперь уж терпи.

— А я сделал, но только по-маленькому...

— Не переживай, скоро выйдем. У Транспортного выйдем. Вон, пока на машины смотри. Это какая марка?

У внука в силу его обстоятельств мрачное настроение, он зудит:

— Спе'геди машин видно больше. Давай пе'гесядем.

— Некуда пересесть. Да и почему — больше? Здесь у нас и боковые окна, и заднее, а спереди сможем только в одну сторону посмотреть. Где мы сейчас едем, знаешь?

Внук поворачивается к окну, смотрит на проплывающий мимо собор. Глаза его возмущенно расширяются, он тычет пальцем в стекло:

— Вон там у нас т'генировки п'гоходят! Да мы с папой... да мы с папой на двадцать минут 'ганьше сюда доехали бы! На машине!

— Терпи, нам всего четыре остановки осталось. Вон, место впереди осво-бодилось, как ты хотел, давай пересядем. Смотри в окно да примечай, что интересного.

Пересаживаются. Критический настрой внука возрастает вместе с его критическим состоянием; он смотрит в окно на ненавистный бесконечный ряд деревьев, замечает со значительностью:

— Пите'г — го'год п'гимечательный. Так папа гово'гит. Мне Пите'г больше н'гавится, чем Омск.

— А родился-то ты где? — ставит ему на вид дедушка.

— Не знаю... — стеснительно врет внук.

— Не в Омске разве?

— В Омске...

— А где родился, там и пригодился.

Внук теряется, но через пару секунд начинает спорить:

— Пите'г все равно лучше! Я там по камушкам скакал и меня водой обливало со всех сторон...

— Это ты про фонтаны говоришь, — понимающе кивает дедушка. — Только то был не Питер, а Петергоф.

За окном возникает солнечная пыльная площадь. Горб моста поднимается к надречному небу.

— Знаешь, как называется этот мост? Эта площадь?

Внук сердито молчит.

— Это Ленинградский мост. И Ленинградская площадь.

— А почему-у? — губы внука вытягиваются в трубочку. — Это место... отдано Ленинг'аду, что ли?

— Этот мост делался по проекту ленинградских инженеров. — дедушка делает паузу и добавляет: — Ленинград — то же самое, что нынешний Питер... Смотри-ка, нам пора выходить.

Они встают к дверям; острый профиль дедушки вырисовывается на фоне окна, внук жметя котенком к большой руке. В глазах деда вспыхивают искорки, он, повернувшись к внуку, тихо бросает:

— Первый готов? Второй готов?

— Готов, — откликается мальчик.

Двери с шипением открываются. Впереди сквер с большим, черным шумящим фонтаном.

Двое сбегают по ступенькам. Отпустив руку и вырвавшись чуть вперед, внук оборачивается и несмело улыбается деду.

Близ площади Соборной

Ожидание на автобусной остановке. Пот течет по лицам. Жара. Пятна на спинах и боках. Мальчик издергался, исхныкался, вертится вокруг своей оси, повисает на руке — у матери нет сил даже прикрикнуть. Кроме ребенка, все

молчат. Зато надрывается звуковая реклама. Втискивается в уши, пробирается даже под наушники, перекрывает шум машин.

Чуть поодаль, возле светофора, стоит неприметный человек. У него серая рубашка и лицо серое, будто стертое. Человек держит в руках большую картонку с криво оборванным краем. Время от времени он переворачивает ее на другую сторону. На картонке написано: «БОГ ЛЮБИТ ТЕБЯ». А с другой стороны: «ОН ХОЧЕТ ПРОСТИТЬ ТЕБЯ».

«БОГ ЛЮБИТ ТЕБЯ». Переходящие дорогу натываются взглядом на плакат. Морщатся, бормочут что-то насчет сектантов. «ОН ХОЧЕТ ПРОСТИТЬ ТЕБЯ». Капля пота срывается со лба и падает на картонку. Особо смятенные оглядываются на человечка с плакатом, на лицах — брезгливое изумление пополам с горечью.

«БОГ ЛЮБИТ ТЕБЯ». Пьянчужка, ковыляя на косолапых ногах, едва-едва перебирается через оживленную магистраль. «ОН ХОЧЕТ ПРОСТИТЬ ТЕБЯ». Подбирается к плакату, хватается за верх картонки, повисает на нем. Дышит в лицо человечку перегаром: «Хочет простить? Только хочет, но не прощает! Значит, и не хочет, прально я гаарю? Прально я гаа...» Человек начинает что-то выкрикивать в ответ, пытается сунуть алкоголику брошюру, но тот сплевывает и отходит прочь.

«БОГ ЛЮБИТ ТЕБЯ». Нищенка, оставившая на время пост возле собора, идет перекусить в пекарню поблизости. Видит человека с плакатом и крестится с осуждением на лице. «ОН ХОЧЕТ ПРОСТИТЬ ТЕБЯ».

Из-за угла выворачивают полицейские, парой, как обычно. Увидав человечка, они на мгновение останавливаются, а затем, очевидно, им приходит в голову мысль проверить его регистрацию. «БОГ ЛЮБИТ ТЕБЯ». Человечка без лишнего шума ведут прочь от остановки, картонку он опустил и держит в одной руке, как какой-нибудь пакет из супермаркета.

Звуковая реклама, спев про Линки-Тинки, детскую обувь, внезапно говорит хорошо поставленным голосом: «Гороскоп на сегодня. Спонсор выпуска — фильтры «Уберменш»... Овен: день неудачен в плане финансовых вложений, не стоит ехать за покупками, лучше проведите вечер дома с семьей. Телец...»

У большинства овнов на остановке немного вытягиваются лица, но они продолжают волей-неволей слушать про тельца.

Александр Турханов

Курган

Могиловка была разделена рекой на два крыла. Они лежали одно против другого, а там, где должно было быть туловище и голова птицы, протекала, поблескивая на солнце, теплая и мутная речка Водопьяниха.

Один край назывался Нижним, и был он не совсем поселок, а что-то вроде небольшого городишки. Другой гордо звался Верхним. Он располагался на высоком и обрывистом берегу реки. Стены обрыва были песчаными, сплошь в птичьих норах. Песок с бумажным шелестом непрерывно стекал в реку. Над Водопьянихой и обрывом стоял звонкий кавардак — стрижи и ласточки дрались между собой.

В Верхнем не было ничего, что нижние соседи называли «культурой». Но зато верхние гордились своим древним происхождением. Они говорили — сколько себя помнят, столько предки здесь и жили, — и показывали случайному человеку, если такой забредал в их дома, потемневшие фотографии, на которых ничего нельзя было разобрать. И каждый хозяин важно заявлял, что именно его предки основали деревню.

В Верхнем была только одна улица, загаженная коровьими лепешками. Во все стороны от нее отходили переулки и переулочки, не имеющие названия. Нездешний человек мог легко заплутать среди них, и тогда брел по огородам напрямик к обрыву, рискуя попасть в зубы свирепому сторожевому псу или провалиться в помойную яму, стыдливо прикрытую лопухами. Обернувшись, он видел за крышами домов поле, выше, на самой линии горизонта, кресты и памятники кладбища, колющие небо, — вдруг непонятная тоска сдавливала ему сердце, и умаянный гость, плюнув под ноги, спешил вниз к спасительному парому.

За кладбищем тянулась роща. За рощей, сколько хватало взгляда, стлались распаханное поля. А дальше — степь без конца и края. Немного в стороне в одиночестве шумело листьями Немецкое дерево.

Дерево это было непростое. Однажды в Могиловку забрел немец. На вопрос, когда это было, старожилы пожимали плечами. Как он здесь ока-

зался, никто не мог понять. Рано утром, когда хозяйки выводили коров со двора, его вдруг увидели на одной из улиц Нижнего. Он стоял, широко расставив ноги, и озирался по сторонам с таким видом, будто хотел сказать — что это такое, в самом деле?! Бабы с перепугу подняли визг.

Скоро пришьельца окружили нижние мужики. На все расспросы он что-то дрыкал языком, тыкал себя в грудь рукой, говорил: «дойч... я-я... я-я-я...» — скалил желтые от никотина зубы и вздыхал.

На вид ему было лет шестьдесят. Это был худой и длинный немец. Голова у него была лысая и вся в бородавках. На горбатом красном носу, как нежная бабочка-капустница, сидело пенсне с запотевшими стеклами. Одет немец был в клетчатый пиджак; широкие в полоску брюки были заправлены в серые от пыли кирзовые сапоги. За плечами у него висел здоровый рюкзак, обернутый рыжей пленкой. В правой руке немец держал длинную трость. В левой — потухшую трубку.

Его отвели «куда следует». Но там тоже пожимали плечами и не понимали, как он здесь оказался. Никаких директив на его счет не поступало. Решили послать немца в губернию, да передумали.

Немца накормили, поднесли водки, он ее вкусно выпил, крякнул и опять что-то быстро затарабанил языком. Подумали, что он, должно быть, хочет прогуляться по поселку. Начали отговаривать, пугать скорой грозой. Немец обрадовался, закричал: «Я-я... вуй-вуй», — и стал сквозь толпу, глазающую на него, пробираться к выходу. Всей гурьбой высыпали на улицу.

С гордо поднятой головой немец прошел по Нижнему, широкими шагами зашагал в сторону реки. Бабы с ребятишками на руках стали кричать, чтобы он немного придержал беготню, иначе они за ним не поспевают. Но немец ничего не слышал и продолжал нестись как оглашенный. Сначала паромщик отказывался перевозить всю толпу сразу, долго ругался, убеждал. Но ему сунули стакан водки, рот заткнули шматом сала. Паромщик перекрестился свободной рукой и взялся за руль.

То и дело по реке, как мурашки по коже, пробегали поднятые ветром мелкие волны. Низко над водой носились ласточки. В прибрежных деревьях надрывались вороны. На пароме заходились в плаче грудные младенцы. Рыбы сигали из воды на берег, чтобы там умереть. Небо затянуло серой пленкой. Где-то далеко грохотал гром.

Наконец паром подошел к берегу, прополз на брюхе по песку и замер.

Немец первым сошел на землю, мигом одолел обрыв. Наверху обернулся, поднял руки, во всю глотку заорал: «Я-я... вуй-вуй!..» — и сардонически рассмеялся. Нижние, растерянно переглядываясь, толпились у парома. Немец не стал их дожидаться, быстро повернулся и зачесал по дороге. Скоро он пропал из виду, растворившись среди домов, словно его стерли ластиком.

Кое-кто из нижних, кляня свое любопытство, поплелся следом да и заблудился на узких перепутанных улочках.

Что случилось с немцем, рассказали уже деревенские. Он появился в Верхнем одновременно с первым сильным порывом ветра. Вихрем закружилась пыль на дороге. Незакрепленные ставни и калитки оглушительно захлопали. Небо разом потемнело, словно не день был вовсе, а сумерки. На Плешивую сопку, как жаба, стала медленно напоздать черная туча с желтым брюхом. Она поминутно освещалась изнутри. В брюхе у жабы ворчало. Немец, заметив тучу, остановился, опять поднял руки, заорал свое «я-я... вуй-вуй!..» и побежал. Нигде не задерживаясь и ни разу не попав в тупик, он выскочил в поле и, не сбавляя скорости, понесся к кладбищу.

Последние минуты его жизни видела только бабка Иванчикова. Она сидела у окна, любовалась на молнии и рукой, сухой, словно птичья лапка, гладила по спине кота Любомудра. Бабка рассказывала, что странный человек только раз попридержал свой бег. Он остановился перед Курганом, поднял руку, указывая на небо. И хоть каждую минуту грохотал гром, бабка расслышала, как он крикнул: «Я-я... я-я-я...» Она поняла это восклицание так: человек призывал небо в свидетели и клялся в том, что это его предки основали древнюю могилу. Потом он опять побежал. Но не к Плешивой сопке, иначе Иванчикова скоро потеряла бы его из вида, а вдоль крайних домов. Вдруг кривой электрический палец прошил небо, треснул человека по макушке и уронил на землю. Кот Любомудр соскочил на пол, заорал дурным голосом, шерсть у него на спине встала дымом. Бабка Иванчикова медленно поднялась, руками оперлась о подоконник, лицом тюкнулась в стекло и запричитала.

Когда гроза утихла, к немцу подошли люди. Он лежал на спине, широко раскинув руки. В его открытых глазах, как слезы, стояла дождевая вода. Немец был только в одном сапоге. Другой сапог с дыркой в каблуке валялся рядом. Разутая иностранная нога в клетчатом носке еще долго дымилась: и когда несли его «куда следует», и когда грузили на подводу под охраной двух вооруженных людей. Потом несколько дней по поселку стлался густой туман. Могиловцы ходили друг к другу в гости на ощупь. Все шепотом кляли немца и говорили, что это он так надымил, окаянный.

На следующий год, весной, на месте, где погиб немец, проклонулся из земли росток невиданного дерева. Его пытались вырвать, но только зря набивали мозоли на ладонях. Могиловцы долго судили-рядили и в конце концов решили, что, когда немца прихлопнуло молнией, у него из кармана выпало семечко. В благодатной степи оно дало глубокие корни, и теперь никакими силами его не вырвать. За два года загадочный росток вымахал выше самых высоких деревьев Плешивой сопки. Ствол его был гладкий и шершавый и напоминал крысиный хвост. На самом кончике «хвоста» зеленели широкие

листья. Каждого вновь прибывшего путешественника могиловцы подводили к дереву и спрашивали, как называется это невиданное растение. Путешественники говорили разное, но никто не был уверен в своих словах.

Как-то в поселок забрел знатный бродяга Дементий Алексеевич. Его, как и многих других, подвели к дереву. Бродяга усмехнулся, достал из кармана открытку и показал деревенским. Дементий перевернул карточку и прочитал на оборотной стороне название. Это оказалась пальма. А еще он рассказал, что, если повезет, могиловцы узнают вкус банана. Но здесь же предупредил, что вид у этого фрукта несъедобный — он будет как елда у мужика. Или у коня. Мужики сплюнули и поскорее отошли от дерева, решив промеж собой спилить и сжечь его от греха подальше. В ту же ночь с топорами и пилами они вернулись к пальме и встретили такой бабий отпор, что потом долго залечивали нанесенные сковородниками и ухватами раны. Впрочем, лечиться им очень помогали сами бабы.

Роща находилась на сопке и тоже носила название Плешивая. Вокруг голой макушки, заросшей жесткой сухой травой, лепились три-четыре десятка тополей и берез. Роща просматривалась от края и до края. Но отсюда открывались дальние просторы. Часто влюбленные парочки забредали сюда, чтобы поглазеть по сторонам и потискаться среди деревьев.

Но такие забавы были для тех, кому уже исполнилось четырнадцать-пятнадцать. Малышня приходила сюда для дела: красть яйца из гнезд куропаток, играть в войнушку или в прятки, подсматривать за влюбленными. Потом разводили костер у кладбищенской ограды и на горячих камнях жарили яичницу, закусывая припасенным хлебом, черемшой или, что вкуснее, мангыром — диким луком.

Кладбищу, по мнению верхних, была тысяча лет. Они так и говорили, если кто спрашивал о возрасте кладбища: туча... тыща... Потом начинали вспоминать, чья могила самая старая. Но скоро запутывались и принимались ругаться (каждый хотел, чтобы его предок был похоронен на кладбище первым). Но и та, первая могила, чья бы она ни была, ютилась по соседству с еще более древним Курганом, которому могло быть и все сто тысяч лет. Диковинным животным возвышался он над могильными крестами и памятниками и был похож на серого кита в окружении лодок китобойной флотилии.

При царе (каком — никто не знал), когда Нижнего городишки и духу не было, Курган раскопали ученые. Но ничего не нашли. Удивленные бородачи разводили руками. С горя напившись вусмерть, они говорили деревенским, что такого быть не может, курган этот насыпан по всем правилам древнего искусства, секрет которого давно утерян... и по всем признакам в этой могиле должны лежать удивительные сокровища, потому что именно так кочевые племена хоронили своих царей.

Расстроенные бородачи уехали, не закопав яму обратно.

Но на этом раскопки Кургана не закончились. Каждое утро чудесным образом яма становилась глубже на несколько метров. Все делали вид, что не понимают, как такое чудо может произойти, пока несколько семей с рабочими инструментами одновременно не сошлись у подножия Кургана. Подравшись, они опять разошлись по домам. Отныне противники решили следить за соседями. Через месяц все были вымотаны от бессонницы и самых страшных подозрений. Наконец было решено собрать на сходку всю деревню. Собрание проводили у Кургана. После горячих споров и множества обидных слов предполагаемые сокровища разделили. Работа вновь закипела.

Яма стала быстро углубляться и расширяться. Скоро показались по краям истлевшие доски гробов. Один раз на дно ямы свалилась челевечья кость. Ее вбили в стену, чтобы не мешалась под живыми ногами. Работа велась в две смены. Дневная смена приступала к раскопкам в десять утра. Ночная — в десять вечера. Два десятка могил пришлось перенести. Стены Кургана, чтобы земля не рухнула и не завалила работающих внизу мужиков и дюжих баб, закрепили досками. Откопанную землю насыпали в мешки. Бригада наверху поднимала мешки на веревках. Здесь их подхватывали старики, старухи, подростки и бабы, что послабее. Волоком тащили подальше от края Кургана, высыпали содержимое мешков на землю. Возвращали пустую тару обратно.

Но работы по добыче сокровищ пришлось прекратить. В одну из ночей со дна ямы стала подниматься вода. Ворча и хлопая, она быстро набирала ход. Через минуту-другую уже четверть ямы было затоплено. Люди барахтались в густой вонючей жиже. Кто-то посылал последнее прощание белому свету. Рассказывали, как одна баба стала с перепугу каяться во грехе плавающему рядом мужу. Она сказала, что ребенок, которого он считает своим, не его ребенок, а соседа Петра. Пусть муж простит ее перед смертью. Еще рассказывали, что сосед Петр, плавающий здесь же, на миг замер, затем по поясу высунулся из воды, протянул руку обманутому мужу, своему лучшему другу, и тоже попросил прощения. Он сказал, что только неслыханная любовь толкнула его на путь предательства. Одни говорили, что муж простил любовников и, благословив на совместное сожительство, утонул с улыбкой на губах. Другие говорили — да, муж простил любовников, только его успели вытащить, а они утонули. Третьи усмехались и возражали: никто не спорит — конечно, муж простил бабу в такую минуту, — только это их с другом вытащили, а жена утонула. А некоторые говорили, что и вовсе никто в яме не тонул.

Но один пострадавший действительно был. Дед Василий оставался в яме последним, и его долго не могли вытащить. Пока поднималась вода, люди в панике метались по дну, разбрасывая вокруг фонтаны брызг. Стены ямы сде-

лались скользкими, по ним невозможно было ни подняться, ни спуститься к старику. Вода к тому времени уже стала спадать, поэтому никакой опасности не было. Деду Василию кричали, чтобы он перетерпел, пока стены не просохнут. Тогда его за милую душу выташат. Старик в яме только пыхтел и вполголоса матерился. Старуха Василия, желая развлечь мужа, стала петь ему песню, какую они певали в молодости. Многие бабы, подхватив грустную мелодию и вспомнив прошедшие деньки, прослезились. Был тихий предрассветный час. Свет костра, разложенного рядом с Курганом, озарял могильные кресты и людей вокруг ямы теплым светом. На востоке занималась заря. По всей деревне орали петухи и недоенные с вечера коровы. У взрослых слипались глаза. Малые дети, прикорнувшие на руках родителей, уже спали.

Вдруг из ямы завопили: «Пусти, сука!» Затем высоким фонтаном взлетели брызги. Вслед за брызгами вылетел из Кургана дед Василий и шлепнулся на край ямы, точно лягушонка.

Народ в испуге сиганул с кладбища. Впереди всех наяривали дед Василий и его старуха.

Вечером к ним пришли деревенские. Старик лежал на печи, смотрел на гостей, и глаза его горели нездешним огнем. Его жена забилась в угол избы и ни на кого не смотрела. К старику пристали с расспросами. После долгих уговоров дед рассказал, как кто-то в яме схватил его за ногу и стал тянуть вниз. Заметив, что ему не верят, Василий слез с печки, задрал на правой ноге штанину и показал отметины. На бледной прыщавой коже они были хорошо видны — это были следы громадной лапы с шестью пальцами (если хорошо приглядеться).

Гости в смятении затолпились к выходу. Спотыкаясь на каждом шагу, добрались до Кургана и голыми руками закопали яму обратно.

С тех раскопок прошло немало времени. Деревенские с удовольствием рассказывали новым людям о Кургане, пока не стали замечать, что в бесследное исчезновение сокровищ никто не верит. Сначала деревенские обижались на ехидные расспросы. Потом стали ругаться и гнать от себя любопытных палками. Но люди все шли и шли, и расспросы не прекращались. Примерно через год после истории с дедом Василием деревенские узнали, что их поселок по всей степи называют Могиловкой, а их самих — могиловцами; и, как змея среди травы, по степи уже давно ползет слух о некоей карте, на которой подробно нарисовано место перезахоронения богатств.

Понаехавшие в деревню искатели сокровищ были уверены, что карта хранится у местного населения. Они стали поить деревенских дорогой водкой, подкупать деньгами. Могиловцы быстро поняли свою выгоду. В ответ на любые расспросы они научились загадочно улыбаться, всем видом показы-

вая, что не очень понимают, за что им такая манна с неба, но о чем-то приблизительно догадываются.

Когда в какой-нибудь деревенской семье рождался ребенок, первое, чему его учили родители, — хитро улыбаться. И не напрасно — искатели действительно нередко приступали с вопросами к детям, зная, что некоторые легенды принято рассказывать уже при грудном кормлении (чтобы крепче запомнились). В том, что история Кургана была именно та легенда, которую надо впитывать с молоком матери, никто из пришлых не сомневался.

Многие искатели сокровищ, поняв, что деревенские свято хранимую тайну чужакам не откроют, селились за рекой. Сначала у них было только одно желание — прикинуться своими перед местным населением и не мытьем, так катаньем выпытать тайну. Но проходило одно столетие за другим, а тайна сокровищ, как в трясину, опускалась все глубже и глубже.

Прошло сто лет (или двести). У первых искателей сокровищ выросли дети. У этих детей подросли свои дети и внуки. Со временем поселение на низком берегу превратилось в шумный многонациональный городок. Здесь жили русские, таджики, узбеки, калмыки, татары, украинцы, белорусы, киргизы, евреи, удмурты... Забрел как-то в Могиловку даже китаец. Но это был уже старый китаец. Он прожил пару месяцев и умер.

Когда население Нижнего увеличилось до тысячи дворов, они стали называть себя горожанами.

И опять прошло время, лет сто или двести. В официальных документах населенный пункт после очередной переписи населения был записан как Могиловка. Но ни «горожане», ни «деревенские» это название не признали. Если кто-то из могиловцев оказывался в чужом краю, на вопрос, откуда родом, он ни за что не говорил «из Могиловки». А начинал врать о подземных чудовищах и гробах, о немецком дереве и ученых.

С легендой о сокровищах в памяти могиловцев сохранилась еще одна история.

Это случилось во времена первых искателей. Кто-то из них, не иначе как желая выведать тайну, соблазнил внучку старика Игната и увез с собой. Родителей у нее не было, дед один воспитывал девочку. Через год она вернулась с младенцем. Игнат непутевую не принял и выгнал с ребенком вон. Она ушла к цыганам, что стояли на Плешивой сопке табором.

Как-то она с младенцем на руках подошла к дому и встала на колени. Но Игнат к внучке не вышел.

В другой раз она пришла одна. Соседи видели, как она подошла к калитке. Стояла и смотрела на окна. Потом стала что-то быстро говорить. Слов нельзя было разобрать. Кто-то из соседей уже наостриллся подойти поближе и постараться расслышать слова, как вдруг девушка пнула калитку ногой.

Та не подалась на удар, только со стоном покривилась, как лицо человека, куснувшего лимон. Девушка сделала несколько шагов от калитки, обернулась и вновь что-то крикнула. Только одно слово было хорошо слышно соседям. Внучка крикнула своему старому упрямому деду, что он — козел. Потом она ушла. Спустя несколько дней табор снялся с Плешивой сопки. Больше девушки никогда в поселке не видели.

Но через месяц-другой, как тараканы вокруг помойного ведра, поползли по Верхнему слухи.

Говорили, что ее видели верхом на лошади. Она с гиканьем неслась по степи в сторону ушедшего день назад каравана. Потом караван вроде бы ограбили, а всех его сторожей перебили. На место разбоя был снаряжен отряд полиции. Но и их тоже вроде бы перебили.

Говорили, что Игнатова внучка погубила одного богатого бека. Он любил ее, когда она на всем скаку промчалась мимо. Но за сто шагов вдруг вздыбилась коня, обернулась к беку и махнула рукой, чтобы догонял. Бек погнался за ней своих самых лучших всадников, только все они вернулись пешими — эта сумасшедшая забрала у них коней, а беку просила передать, чтобы он полз к ней на карачках, если хочет ее любви. Бек не согласился. Тогда в одну из ночей она прокралась к нему в шатер, приставила к горлу саблю и потребовала стадо белых козлов. Бек сказал, что у него такого стада нет, но есть с десяток баранов и она может взять их себе. В ответ девушка лишь рассмеялась. Бек все понял (он был очень умный, иначе не стал бы таким богатым), всплакнул и сказал, что у него есть еще много слуг, она может также взять их себе. Но девушка опять рассмеялась, сказала, что ей нужны только белые козлы, и отрубила беку голову.

Время шло, и история обрастала новыми подробностями, точно остриженная овца новой шерстью. Болтали, что после очередного кровавого злодеяния Игнатова внучка стала раздваиваться: ее могли одновременно видеть то на одном краю степи, то на другом. Только иногда она была как будто постарше, а иногда совсем еще юная — такая, как до ухода. И эта, вторая, была помилосерднее первой.

Сначала деревенские решили, что это душа разбойницы устала от злодеяний и хочет найти в добрых поступках успокоение. Потом кто-то пустил по Могиловке совсем уж неправдоподобный слух, что молодница — не иначе как правнучка Игната, та, что лежала тогда на руках непрощенной матери. Другие в ответ вертели пальцем у виска и спрашивали, как это младенец мог всего за несколько лет оборотиться взрослой девушкой. К тому же, они это точно знают, цыгане еще во младенчестве продали девочку в рабство. Одним словом, от правнучки Игната сразу поспешили избавиться — так понравилась история о раздвоении сумасшедшей и о покаянии ее души.

Услышав от людей о продаже правнучки, Игнат запил. Два месяца бродил он по Верхнему, от него за километр несло сивухой. При его приближении псы начинали завывать по дворам и рваться с цепи, петухи в курятниках орали как оглашенные и отказывались топтать кур, гусаки забывали о своем воинственном характере и, истошно гогоча, неслись от Игната вприпрыжку... Кутерьма сделалась невообразимая...

Потом Игнат вдруг исчез. На дверях его дома повис амбарный замок, ставни были заколочены досками крест-накрест. Когда он успел заколотить окна, никто не слышал. Верхние пожимали плечами и говорили: не иначе пошел просить прощения у внучки. Только где ее теперь найдешь...

Стали ждать Игнатово возвращения. Но прошел месяц, другой и третий, а Игната все не было. О нем стали забывать и, наверное, скоро забыли бы, если бы ребятня однажды не отняла в степи у бродячих собак некий круглый предмет. Рассмотрев его, малыши прыснули в поселок, как чихнули. Рассказали о находке взрослым. Всей гурьбой, и старый и малый, пришли к предмету. Он валялся там, где ребятня в страхе его бросила. В отдалении сидела стая бродячих собак и жадно смотрела на людей. С высоты нещадно жарило солнце. Как море в легкий бриз, колыхалась от ветра степь.

Предмет оказался высушенным на солнце человеческим черепом. Он скалил на бывших собратьев коричневые зубы и глядел пустыми глазницами так, будто люди ему в новинку.

Череп сдали в полицию. Никто из могиловцев не сомневался, что это — бывшая голова Игната. Значит, внучка деда не простила...

Хоть жалко его, старого, но так ему и надо, нечего было свою гордость выпендривать, — решили все.

В этот же день одни отправились рыть могилу для черепа. Другие пошли срывать амбарный замок с заколоченного дома. Решили так: пока полиция разберется с головой, дом надо прибрать и приготовить к похоронам. Открыли дверь и чуть не наступили на Игната. Он лежал у порога лицом вниз. Правая рука его была протянута к двери, словно он хотел ее открыть, левую Игнат подвернул под себя и прижимал к сердцу.

Позже фельдшер Иван Макарыч дал авторитетное медицинское заключение: «Смерть от сердечного приступа в результате сердечного разрыва». Для дураков Иван Макарыч объяснил заключение другими словами — хотел Игнашка выйти из запою, да силенок не хватило, надоть раньше похмеляться. На вопрос, почему же он на помощь не позвал, фельдшер сказал, что ему жить надоело. Потом добавил: «Да он полз к дверям, но силенок не хватило».

Верхние на Игната обиделись, и даже старухи хоронили его, сжав губы в куриную гузку и без причитаний. Все решили так — если человек отгоразживается от людей амбарным замком, он и есть настоящий козел.

Прошло сто лет (или двести), а потом еще сто или двести, и еще... В начале какого-то века в окрестностях Могиловки геологи нашли богатые залежи каменного угля, построили шахты и стали в них работать. Вслед за шахтами соорудили школу, клуб, детсад, тюрьму, здания управы, суда, родильный дом, больницу, общественные бани и один ресторан — грузинский. В центре поселка разбили парк, выкопали пруд и пустили в нем жить водоплавающих. Потом построили стадион и стали там бегать, прыгать и бороться. Дороги покрыли асфальтом и стали по ним ходить.

Со временем верхние перемешались со своими зареченскими соседями, как овощи в ирландском рагу. Теперь у них общие семьи, дети, заботы и жизненные интересы. Но иногда вдруг в каком-нибудь ребенке заговорит кровь предков. Тогда малыш заворочается во сне, пробормочет что-то о сокровищах и хитро улыбнется.

Анна Ремез

Хульдры

Будницкий был чрезвычайно зол на своего друга и в десятый раз укорял себя за то, что все-таки согласился пойти на дефиле. Он был из тех людей, кому даже слово это — «дефиле» — попало на язык всего раз в жизни, да и то случайно. Весьма далекий от ни к чему не ведущей, но приятной суеты, что называется светской жизнью, Будницкий не стремился влиться в ряды праздных тусовщиков. Среди них, красивых, нарядных, уверенных в себе, он чувствовал себя Обломовым, которого напрасно растормошил Штольц. В роли Штольца выступал его коллега Шубин, у которого всегда находились какие-то связи с теми, кто достает «вписки», то есть пускает зевак туда, где без них вполне могли бы обойтись.

Будницкий и Шубин вместе работали в бюро переводов. И поскольку оба занимались не банальным английским, а все еще редким норвежским языком, им волей-неволей пришлось подружиться. Шубин по легкости природы и ради собственного развлечения решил пролить свет на скучную жизнь молодого аспиранта Будницкого и поэтому постоянно тянул его на люди. А Будницкий на люди не шел. Шубину потребовалось все его обаяние, чтобы убедить коллегу заглянуть на показ коллекции известного модельера. Да и то потому, что модный дом «Huldramide» поддерживало норвежское консульство.

Однако как только они пришли в особняк давно почивших дворян, где проходило действо, к Шубину подлетело длинноногое существо в блестящей юбке и скучный книжечей Будницкий был забыт. Будницкий замер у колонны, под софитом, неловкий и неуместный, не зная, куда девать руки. У него не было ни борсетки, ни мобильного телефона (оставил дома), ни бокала — необходимых аксессуаров, придающих присутствию на тусовке оттенок важного дела. Мимо ходили, громко смеясь, великолепные девушки в смелых и необычных нарядах. Они оглядывались по сторонам, многозначительно перешептывались, то и дело кидались целоваться со знакомыми. Были здесь и мужчины шубинской породы, легконогие, острые на язык, и ради этих-то мужчин сюда приходили великолепные девушки. Были здесь и пожилые бизнесмены, со складками на стриженных затылках, ласкавшие взглядом стройные ножки и оголенные пупки красивых девушек. Были тут и уже увядшие

и потому злые жены бизнесменов, которые могли позволить себе вещи известного модельера, но не могли привлечь к себе внимание мужчин шубинской породы. Были девочки и мальчики, купившие себе место в престижном вузе, уверенные в том, что у них-то еще все впереди. Были конкуренты модельера и его родственники. Были диджеи, промоутеры, стилисты, пиар-менеджеры, журналисты — все те, кто работал для того, чтобы эта трата времени выглядела как важное событие в культурной жизни города.

Будницкому было тоскливо, он хотел уйти, но уходить, не посмотрев дефиле, было глупо: Шубин потом поднял бы его на смех. Поэтому он потихоньку пробрался сквозь толпу, уже распадающуюся на группки по светским интересам, чтобы найти барную стойку. Ему необходимо было чем-то занять руки, и он решил позволить себе коктейль.

Очередь он занял за девушкой. На оголенной ее спине меж лопаток чернела татуировка в виде крылышек. Отвести от них взгляд было не так-то просто. Будницкий был отнюдь не равнодушен к женской красоте, но для возникновения глубокого чувства ему требовалось полное совпадение духовных интересов, что в наше изобильное на интересы время найти подчас весьма сложно. Крылья на гладкой девичьей спине тут же вызвали в голове у Будницкого рой непрошенных видений. Ему стало почему-то грустно. И вдруг...

— Вы можете мне помочь? — девушка протягивала ему два бокала с шампанским.

От неожиданности Будницкий не нашелся, что ответить, и машинально взял бокалы. Девушка снова обернулась к бармену, попросила еще два.

— Мне надо отнести это за кулисы, помогите мне. Это для Татьяны Петровны.

Она улыбалась. Будницкий отметил, что лицо у нее милое, и сказал:

— Рад помочь.

— Идите за мной.

Он снова увидел перед собой два крыла в темно-голубом вырезе блузки. Они прошли вдоль колоннады, мимо подиума, возле которого было не протолкнуться, их дважды окрасил розовый свет софитов, а потом девушка плечом отодвинула драпировку и нырнула в неприметную дверцу. Будницкий шагнул следом и тут же чуть не уронил бокалы: его взгляд уперся в обнаженные девичьи ягодички. Модели шеренгой стояли у квадратной панели, служившей занавесом, вокруг них прыгали визажистки с кисточками в руках, подправляя и подновляя красоту. Все девушки были причесаны и накрашены, но... не одеты. Будницкий никогда еще не видел столько голых женщин сразу, и это зрелище потрясло его. Но как воспитанный человек, он тут же отвернулся и даже покраснел. Впрочем, никому до него не было дела. Девушка с крыльями, велев ему поставить бокалы на столик, заваленный

коробками и вешалками, сказала «спасибки» и куда-то пропала. Он сделал два шага к столу, запнулся о провод, и... Нет, к счастью бокалы он удержал, но немного шампанского вылилось на пол. Голые девушки захихикали. Он поставил бокалы на стол, попятился, стараясь не смотреть туда, куда посмотреть очень хотелось, и поспешил обратно в зал. Открыл дверь, но тут же понял, что не ту.

В комнатухе перед зеркалом сидела маленькая рыжеволосая женщина и поправляла прическу. Будничный сразу с порога увидел ее ухо. Странное это было ухо. Длинное и заостренное сверху, точь-в-точь как у эльфов из фильма «Властелин колец». Секунду он ошалело смотрел на ухо, а потом оно скрылось под густой огненной шевелюрой. Женщина обернулась.

— Скажите, пожалуйста, где выход в зал? — пролепетал Будничный.

Рыжая дама поглядела на него так, будто он спросил, сколько ей лет, и отвернулась, не удостоив его ответом. Будничный попятился, засуетился. Женщина вышла следом и принялась делать вид, что поправляет костюм на одной из моделей. Та почтительно наклонилась к своей низкорослой повелительнице.

— А вы почему не вышли? — строго спросила Будницкого девушка с крыльями, неожиданно появившаяся прямо перед ним. От ее благодарности не осталось и следа.

— Заблудился, — признался Будничный.

— Идемте, я вас выведу. Ой, нет, подождите, уже начинается. Сюда идите.

Она за руку оттащила его от подмостков, за которыми начинался подиум. Моделей от него загораживал кусок декорации, но прямо перед ним стоял экран, куда транслировалось то, что происходило на подиуме.

Вот из-за кулис вышла первая девушка. Вся закутанная в змеящийся зеленый шелк, со шлейфом из сверкающей ткани, в роскошной шляпе с пером. Но ведь только что, секунду назад она была совершенно голой! Выплыла вторая, в чем-то красном, с множеством карманов, в лаковых сапогах. Публика захопала. Будничный выглянул из-за декорации и чуть не упал. Модели, стоявшие у ширмы в костюмах Евы, на подиум выходили одетыми!

Будничный, разумеется, подумал, что бредит. Но от мыслей о собственном нездоровье его отвлекла все та же крылатая барышня.

— Так, вы почему тут стоите? Я вам где сказала стоять? — она набросилась на Будницкого чуть не с кулаками.

— А почему?.. А как это?.. — замахал руками Будничный, но ответа не получил и был водворен обратно к экрану.

«Что за булгаковщина?» — подумал он. Вернее, он уже не знал, что и подумать после эльфийских ушей. Вот тебе и «Хульдрамэйд». Хульдра-то — это норвежская ведьма! Будничный втихаря перекрестился.

— Ты чего крестишься? — обернувшись, рявкнула девушка, разом перейдя на «ты». — Креститься в церкви надо!

«Странно, что она заметила, ведь спиной же стояла...» — отметил Будницкий.

— Надеюсь, Татьяне Петровне ты не попался? Притащила на свою голову... Узнает, уволит и опять отправит в лес, — она уже чуть не плакала.

— В какой лес? — спросил Будницкий. Все-таки неприятно, что у красивой девушки из-за него проблемы

— Знаешь, ты лучше молчи. Надо было этого шампанского чертового просто наколдовать. Только не кричи: «Да они же голые!» Тебе не поверит никто, а мне — проблемы. Морок у меня кончился. На тебя не хватило. Но ничего, сил вот подкоплю, качественный морок на тебя нашла, ничего помнить не будешь.

— Не надо на меня морок, — промямлил Будницкий.

— А ты мучиться потом будешь. С ума еще сойдешь. Я знаю, что говорю.

— Так они правда голые?

— Голые, голые. Зачем на ткани-то тратиться.

— Вы — ведьма, да? — осторожно спросил Будницкий. Все это напоминало ему нелепый фильм.

— Дед Мороз я, — огрызнулась девушка.

— А зачем это все? — Он обвел рукой закулисье.

— А зачем я буду тебе рассказывать?

— Так все равно же морок.

— Ммм... Ты кто? Не похоже, что жертва моды, — она насмешливо оглядела его невыразительный наряд.

— Я за компанию.

— А-а... Это мероприятие для своих вообще-то. Потом шушера по домам, а у нас тут самое главное начнется.

— Шабаш, да?

— Шабаш, да. Оргии, танцы на костях. Хочешь остаться? Каждый год кого-нибудь варят.

— В смысле... варят?

— Книжек не читал?

Будницкий уже не сомневался, что девушка его разыгрывает. В конце концов, чего только в наше время не делают! Весь этот фокус с моделями — не более чем мастерская иллюзия, трюк. Только вот для кого? Зрители же не видят, что творится за кулисами... Но поверить в чертовщину рациональному аспиранту Будницкому было очень сложно.

Он посмотрел на экран. Вспышки фотокамер освещали невообразимые наряды на голых манекенщицах. Зрители хлопали.

— А почему у вас морока на меня не хватило? — спросил Будницкий сочувственно.

— Не твое дело, — девушка как-то даже оскорбилась таким вопросом.

— Я никому не скажу, — улыбнулся он и удивился, что даже шутить еще способен.

В этот момент раздалась овация, умноженные динамиками. Рыжая Татьяна Петровна вместе с девицами поклонилась в зал, на подиум полезли с цветами. Крылатая девушка схватила Будницкого за руку, потащила опять через драпировки, которые он сам по непонятной причине найти не смог.

— Я сейчас очень постараюсь, но может, и не выйдет. Идите и не оглядывайтесь, — сказала она и вытолкала Будницкого в зал.

Не успел он сделать и пяти шагов, как вдруг погас свет. Стало так тихо, словно вокруг никого не было. Будницкий вытянул руки вперед и пошел, нашаривая пол ногами. Запнулся за что-то, чуть не грохнулся.

Вспыхнул свет. Будницкий стоял посреди совершенно пустого зала.

— Эй, мужик, ты чего это?

Обалдевший Будницкий краем ума понял, что «мужик» — это про него. В дверях стояли двое мужчин в спецовках, по-видимому монтировщики. Смотрели они на Будницкого так, будто он только что свалился с луны. Он направился к ним, и рядом пошло его отражение в зеркалах. Будницкий глянул... и вскрикнул. Он был голый.

Шубину больше ни разу не удалось затащить своего коллегу на модную тусовку.

Счастье

К тридцати годам у Аллы наконец появилась вредная привычка, тогда как у всех остальных они обычно возникают на переменах в школе. Ученицей Алла ни разу не курила, из спиртного пила только шампанское, да и то по праздникам. Сладенной она тоже не уродилась. Во взрослой жизни ей так и не удалось впасть ни в одну интересную крайность. А что касается *этого*, то она свято соблюдала принцип насчет поцелуя без любви. Умри, но не давай! В общем, демоны-искусители обходили ее стороной, не чая найти в этой душе легкую добычу.

Единственным мужчиной, который иногда посещал ее во снах, был электрик, молчаливый и аккуратный. Он всегда снимал обувь у дверей, чем Алла и приглянулся.

И жить бы ей дальше в своем тихом мире — скромной библиотекарше — среди книг, с редкими походами в кино, с летними прогулками в городском парке, где утки, статуи, визг детей... Если бы цепкое щупальце монстра по имени «Сетевой маркетинг» не вылезло однажды из Аллиного почтового ящика.

Наверное, вы знаете, как это бывает. Объемистый конверт, на котором очень заметно написано нечто вроде: «Выиграйте 800000 рублей! Отправьте ответ в течение недели, и жизнь удалась!» И потом, даже если выбросили его не глядя, где-то в глубине головы скачет мыслишка: «А вдруг?»

Мания началась вполне невинно. Однажды, придя с работы, Алла раскрыла яркий гляцевый каталог и увидела одно занятное приспособленье — крючок для самостоятельного застегивания браслетов. Купить такую вещь означало признать свое одиночество окончательно и бесповоротно. Стало быть, рядом нет даже человека, который помог бы насадить скользящее колечко на микроскопический крючок. Не говоря уже о том, чтобы подарить эти колечки с крючками...

Алла подумала, что вещь очень удобная, и заказала. Через две недели отправилась на почту в предвкушении своей маленькой радости, еле до дома донесла, разорвала коробку и прямо в прихожей начала испытывать новинку. Браслет застегнулся с первой попытки. Невидимые продавцы оказались очень добры и сверх заказанного прислали Алле косметичку и новый каталог, в котором она без труда обнаружила еще одну необходимую вещь — скобу для выдавливания из тюбика остатков зубной пасты. Алла как человек экономный сочла такое приспособление весьма полезным. Отныне ни один грамм пасты не пропадет зря. А еще невидимые продавцы написали Алле, что если она сделает заказ на крупную сумму, ей бесплатно достанется стиральная машина. И Алла решила — быть посему.

Она, конечно, не знала о том, что у Братства невидимых продавцов существует свой негласный кодекс. Главный его принцип звучал так: «Делитесь базами данных». Неудивительно, что вскоре в Аллин почтовый ящик посыпались красивые каталоги разных (на первый взгляд) компаний, предлагавших ей купить книгу «Роковые очи», соковыжималку, ночник, меняющий цвет, ортопедические стельки, леопардовый халат, набор семян «Цветник на зависть», калоши всех цветов радуги, салфетку для очков, меховой чехол на унитаз и многие другие полезные инновации. И в каждом конверте обязательно содержался призыв немедленно бежать на почту и заказывать товар, чтобы ни в коем случае не упустить свой шанс. Алла верила. Покупала конверт, заполняла бланк заказа, по дороге на работу отправляла его невидимым продавцам и начинала ждать.

Оказалось, что на самом деле для нее было не так уж важно обещанное вознаграждение. Ее притягивал сам процесс. Ощущение того, что ей действительно что-то нужно. На покупки Алла теперь тратила весь доход от комнаты в коммуналке, которую она сдавала студентке.

Она часами листала каталоги, внимательно читала характеристики товаров, представляла, куда поместит свое новое приобретение, как станет им пользоваться. Ей начали сниться соковарки и тапочки для дачи. Даже на работе, когда выдавалось свободное время (а выдавалось оно достаточно часто с учетом популярности районной библиотеки в эпоху интернета), она предавалась своей страсти к директ-мэйлу, изучая новенький каталог.

Через некоторое время она так привыкла к невидимым продавцам, что дома иногда говорила с ними, обсуждая достоинства чудесных товаров.

— Вы думаете, мне нужен этот розовый салатник? — спрашивала она.

— Алла Алексеевна, нам кажется, к вашей кухне больше подойдет оранжевый, — отвечали они.

— Ну нет... Оранжевый — это очень броско, — возражала Алла, обмахиваясь новым веером из специальной грязеустойчивой материи.

Алла заказала набор для вышивания и даже начала возню над желтой курочкой с красным глазом. Она заказала чехол для хранения одежды и убрала туда старые вещи, которые вовсе не заслуживали такой роскоши. Она заказала измельчитель для зелени и однажды искромсала им петрушку, после чего долго не могла отмыть зеленые брызги с кухонных стен. Наконец, она заказала талисман, приносящий удачу в любви, и стала смелее поглядывать на электрика, когда он попадался ей навстречу.

— Ему бы, наверное, понравился этот антистатик для брюк, — бывало, задумчиво говорила она.

— Конечно! А сменные пуговицы для пиджака? Такому мужчине просто необходимо иногда менять пуговицы, — поддакивали невидимые продавцы.

— А вот этот халат ему не понравился бы. Такой вульгарный! Ведь он порядочный мужчина.

— Зато, госпожа, вам понадобится щетка для завивки. Когда он придет к вам в гости, вы встретите его во всем блеске!

И вот Алла, придя домой с коробкой, в которой лежали духи с феромонами, решила на важный шаг. Она испечет блин в форме сердца с помощью специальной блинницы, позовет электрика для какого-нибудь электрического дела, а потом угостит. Тут оправдал себя талисман: у Аллы ни с того ни с сего сломался дверной звонок. Старый, советский, из разряда вечных. Хулиганы подпалили.

Диспетчер велела Алле сидеть дома с девяти до пяти и ждать. Алла даром времени не теряла. Постелила у дверей коврик из микрофибры, волосы уло-

жила с помощью новейших термобигудей, облилась феромонами, надела утягивающее белье и стала выпекать сердца.

В половине пятого задрезжал звонок.

«Как? Уже починил?!» Алла метнулась к двери, открыла ее, теребя талисман.

— Здравствуйте. А где же?.. — неизвестное имя застыло у нее на губах.

— Звонит, — сказал электрик, вот уже неделю как заменивший героя Аллиных снов.

— Сколько? — упавшим голосом спросила Алла.

Он ответил. Алла полезла за кошельком.

— У вас что-то горит... — сказал электрик.

— Это... это блины... Я сейчас, извините.

Она бросилась на кухню, в дыму сдвинула блинницу с огня, на глаза навернулись слезы. Сердце было жестоко опалено.

— А вы, наверное, на обычной сковородке жарите? — спросил электрик. — Вы лучше блинницу купите! По каталогу, знаете, да?

Алла встрепенулась.

— Так это я на ней и жарю.

— Правда? А у вас какая? Да что вы! У меня такая же. Никаких проблем. Странно... А, вот и коврик у вас — я тоже такой заказал. А вы не брали случайно у них решетку для гриля? Я вот думаю, стоит ли... Для духовки, знаете?

Алла улыбнулась. Она уже знала, какой заказ получают вскоре невидимые продавцы.

Виктория Орлова

Горгона

— Горгона! Как есть горгона!

— Цыц ты, валенок!

Утро стариков Колымагиных начиналось обязательным скандалом, транслируемым на весь двор через открытое окно.

Захлопали форточками соседи, а студент Семакин из седьмой, наоборот, открыл раму и врубил на полную мощность «У самовара я и моя Маша» в какой-то омерзительно-блеющей записи.

Скандалили Колымагины всегда. Практически с того самого дня, как Костя Колымагин, тогда еще двадцатилетний оболтус и по совместительству токарь второго разряда, привел в дом молодую жену — выпускницу торгового техникума Аннушку Мезенцеву.

Сначала ругались редко. Да и не ругались даже — так, Костя гаркнет на Аннушку, если она зачитается «Тремя мушкетерами» и сожжет ужин, а Аннушка плачет потом на кухне. Со временем Аннушка научилась отстаивать свои интересы, а вскоре у нее открылся дар сочинять трехэтажные экзотические ругательства, и супруги уже дня не могли прожить, чтоб не поупражняться в искусстве слова. Соседи усвоили привычку закрывать окна при первых признаках грядущего скандала. Некоторые чувствительные натуры даже высказывали во двор и уводили оттуда детей. Неуведенные дети прекращали игры, открывали рот и внимали Колымагиным. Впитывали, можно сказать, всем нутром эти уроки живого великорусского языка.

В этом году Колымагины могли бы отметить золотую свадьбу. Если бы вспомнили. Но они не вспомнили, а напомнить было некому — детей не случилось, друзей не осталось. Но даже если б они и вспомнили, то старик все равно праздновать бы отказался, ибо с возрастом стал патологически скуп. Как на пенсию вышел, даже пить перестал — экономил. Деньги складывал в тайничок, хитро устроенный под половицей. Говорил, на похороны. Жене места не показывал. «Да как же я их найду, когда хоронить тебя буду, валенок ты дырявый?» — кипятилась та. «Не дождеся, горгона!» — запальчиво отвечал старик.

Сейчас ругались как раз из-за денег. Старуха перебирала шкафы и обнаружила, что осеннее пальто ее сожрала моль. В связи с этим она категорически заявила, что пенсию целиком потратит на новое пальто. Потом немножко подумала и потребовала от старика доложить из своих, если пенсии не хватит. На что старик ответил знаменитым «Не дождется!» — и понеслось. У самовара я и моя Маша.

Ругались, впрочем, в этот раз недолго. Минут сорок. Атмосфера все накалялась, и, когда у Колымагина кончились аргументы, он, разъярившись, замахнулся на жену газетой. Старуха отшатнулась, потом зачем-то схватилась за сердце, охнула и упала. И лежала, не двигаясь, с закрытыми глазами, даже не пытаясь продолжить дискуссию. Старик с облегчением вздохнул: то-то же! Потом сказал: «Ну, хватит цирк тут устраивать!» Потом присел рядом с женой и стал ее трясти. Никакого результата. Голова моталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы, глаза не открывались. Зато открылся рот — страшно, как у мертвой. От испуга Колымагин вспомнил ее имя и позвал тихонько: «Анна!» Жена не отзывалась. Кинулся к телефону, вызвал скорую. Пока ждал, сидел рядом с женой и думал, что если она оклемается, то он непременно купит ей пальто, будь оно неладно.

Приехали быстро. Врач оказался молодой, смешливый. Осмотрев старуху, уже пришедшую в себя, но продолжавшую лежать на полу с закрытыми глазами и молчать, хмыкнул: «Удивительно здоровый для своих лет экземпляр», — и велел укладывать ее на носилки. Колымагину дал номер телефона — звонить, узнавать, куда старуху доставят.

— А она не помрет? — выдал из себя старик, когда доктор уже закрыл за собой дверь. — Пальто покупать собирались...

— Непременно помрет, — врач остановился на пороге, повернулся и серьезно поглядел на Колымагина. — Вопрос — когда! — и, довольный шуткой, заржал. — Не дрейфь, дед, все там будем. Может, и поживет еще. Звони, — и ускакал вниз по лестнице. Колымагин закрыл дверь и почему-то заплакал.

Целую неделю он не звонил по страшному номеру — боялся, а вдруг скажут, что жена умерла. В доме стояла тишина и кончились продукты. Выходить на улицу не хотелось. Наконец он насмелился. Холодный женский голос сообщил: Анна Колымагина лежит в десятой больнице, отделение кардиологии, пишите адрес, телефон. «Жива, значит!» — с облегчением подумал Колымагин. И сразу разозлился: «Ходи к ней теперь, передачи носи! Не пойду. Выпишут — сама явится!» Потом все-таки собрался, купил в магазине яблок и печенья и пошел.

В отделение его не пустили, велели ждать в холле. Стал ждать. Вокруг пациенты встречались с родственниками, в углу возле лестницы целовались

мальчик в джинсах и девочка в больничном халате. Девочка сжимала в руке букет, и казалось, вот-вот его уронит. Обоим было не больше семнадцати. Проходя мимо, Колымагин взглянул на них. Что-то екнуло в груди, и он отвел взгляд. Потом ходил уже так, чтобы не видеть эту парочку.

Старуха все не шла. Хотел было попросить у регистраторши узнать, придет ли она вообще. Передумал, решил прийти в другой раз. Вдруг его окликнули. Старик обернулся. Перед ним стоял доктор — седой, борода аккуратно подстрижена, халат наглажен, ботинки начищены. Противный такой.

Оглядев старика, доктор скривился и сообщил, что является лечащим врачом Анны Алексевны (так и сказал, «Алексевны»), и Колымагин устыдился, что забыл отчество жены) и что больная выйти не может и к ней нельзя пока, она в тяжелом состоянии. И еще он сказал, что требуется срочная операция и на это нужно денег.

Колымагин почувствовал, как дрожат его руки, и еле удержал пакет с передачей.

— А без денег? — спросил он осипшим голосом.

— А без денег мы ее поставим в очередь, через год очередь подойдет, но будет поздно, — равнодушно произнес доктор.

Старик словно остекленел на минуту. Потом судорожно сглотнул и уточнил, сколько нужно. Доктор наклонился к его уху и назвал сумму. Колымагин дернул головой, и лицо его посерело. Он еще немножко помолчал и кивнул.

— Деньги нужны не позже чем через два дня, — сказал доктор. — Но лучше завтра. Принесете, спросите Пыжова из кардиологии, ясно?

Колымагин снова кивнул. Доктор попрощался и засеменил наверх. Передачу для старухи Колымагин оставил в приемном покое, обещали отдать.

Всю ночь старик беспокойно ворочался, вставал, пил воду, включал телевизор и снова выключал. Под утро задремал, и снилась ему жена. Как будто она была еще не старуха, а Аннушка, ясноглазая, с толстой косой и крепкими ногами. Она прыгала-вертелась вокруг Колымагина, приговаривая: «Вот помру, и пальто не надо покупать!» — и заливалась счастливым смехом. Колымагину вдруг захотелось плакать. Он хотел взять Аннушку за руку и сказать: «Будет тебе! Может, и не помрешь еще!» — но та ловко увернулась, превратилась в старуху, показала ему язык и исчезла.

Колымагин заплакал и проснулся. Полежал еще. Потом поднялся, задернул шторы и полез в тайничок. Денег там было ровно столько, сколько потребовал Пыжов. Вообще-то больше, но он твердо решил купить жене пальто, если обойдется. Вот как раз на операцию и на пальто. И все. На похороны ничего не оставалось. Старикау стало страшно: как же его похоронят без денег? Но потом он подумал, что если жена помрет, так и хоронить его будет некому. Положил деньги на пальто обратно, а те, что на операцию, тщательно

завернул в пакет и потом час еще искал резинку, чтобы перетянуть покрепче. Нашел только женину пряжу, оторвал длинную нитку, ей и перевязал. Спрятал поглубже во внутренний карман пиджака и пошагал в больницу.

Пыжов вышел быстро, озирался по сторонам. На вопросы о самочувствии больной отвечал скупо, отрывисто. Отвел Колымагина в какой-то тихий коридорчик, взял деньги, тщательно пересчитал. Сказал, что теперь операцию можно назначить через неделю.

— А когда приходиться? — спросил старик.

— Дней через десять, не раньше, — ответил Пыжов и быстро ушел.

Ровно через десять дней старик, побритый и в парадном пиджаке, явился в регистратуру и попросил позвать Колымагину Анну Алексеевну. Глазастая регистраторша хлопнула ресницами в монитор и сообщила, что таковая не числится.

— Померла? — вслух испугался старик.

— Выписалась, — уточнила регистраторша. — Сегодня утром выписалась.

Она ж без ключа, а меня дома нет, спохватился Колымагин и рванул обратно домой.

По дороге сообразил: раз выписали, значит, операция прошла успешно. И чего не сиделось, вдруг обиделся он. Сидела бы, ждала, я бы пришел, забрал, все честь по чести. Так нет. Горгона и есть. Не будет ей никакого пальца.

Дома, однако, старухи не оказалось. Она не пришла ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц. Старик ходил в больницу, искал доктора Пыжова, но ему ответили, что такого врача у них нет. Пошел в милицию, заявление на розыск старухи там приняли, но толку, ясное дело, не было никакого.

Пришла осень. Колымагин притерпелся жить один, сильно сдал. Почти каждую ночь снилась ему Аннушка. И каждый раз после этого сна просыпался он в слезах.

Однажды ему приснилось, что они в скверике напротив библиотечного техникума — там, где когда-то познакомились. Он проснулся радостный. В окно ласково светило осеннее солнце. Колымагин встал, оделся и пошел в тот самый скверик.

Он не бывал здесь уже лет сорок. Шел словно по чужому городу: ни скверика не было уже, ни техникума. Нестерпимо хотелось выпить. Увидел магазин, решил зайти. Толкнул дверь — и замер. Прямо на него, улыбаясь накрашенными губами, двигалась жена. На ней было новое пальто — белое, в нелепых красных розах. Красная шляпка была кокетливо нахлобучена на уши. В левой руке она держала красную сумочку, а правой... а правой держалась за доктора Пыжова.

В одну минуту Колымагин понял все.

— От горгона! — выдохнул он. И умер.

Умер и уже не видел, как старуха побледнела и кинулась к нему с криком: «Костя! Костенька! Кто-нибудь, скорую!» Не видел, как Пыжов цеплялся за нее и причитал: «Аннушка, дорогая он ведь жизнь твою погубил!» — а она неловко карабкалась в нутро скорой, куда только что погрузили его самого. Не слышал, как уже оттуда гаркнула размазанным красным ртом на Пыжова: «Да отвяжись ты, мухомор!»

Очнулся он в палате все той же кардиологии. Рядом на стуле дремала жена — в халате и тапочках, без всякой помады. Колымагин подумал, что, наверное, это он упал в обморок, а все произошедшее приснилось ему.

Он шевельнулся. Жена встрепенулась и запричитала что-то, он не разобрал что. Он был так рад, что оба они живы, что вся эта страшная жизнь без жены — всего лишь морок, болезнь и ничего больше. Надо бы поласковой с ней, думал он. Хорошая она у меня. Добрая. Вот, сидит. И позвал, вспоминая вкус ее имени:

— Аннушка!

— Я сейчас, родненький, сейчас, врача... — жена торопливо заковыляла к двери, а Колымагин провожал ее взглядом и думал, как они пойдут покупать пальто.

Выписали его только через полгода. Жена ждала его внизу, в приемном покое. Он торопливо собрался, попрощался с соседями по палате, спустился по лестнице — и обомлел.

Она стояла возле лестницы, сияя накрашенным ртом, одетая в белое пальто с красными розами.

Колымагин пошатнулся. Потом налился краской и издалека еще гаркнул: — Ах ты, горгона! Вот горгона и есть!

Красный рот старухи Колымагиной широко раскрылся — и понеслось.

Они еще долго ругались — по дороге домой, и дома, и опять хлопали форточками соседи.

А вокруг снова была весна.

Виктор Чигир

Обещание

Мурата подселили к нам в конце августа. Он был худощав, высок и смугл, а глубокие морщины вокруг рта выражали недовольство. Тогда еще никто не знал, что он бывший зек. Мы видели просто немолодого человека, который давно научился отличать приходящее от всего остального и который очень редко дергался по пустякам. Он вел медлительную молчаливую жизнь, но в его глазах читалось дерзкое высокомерие. Он небрежно косился, когда кто-то проходил мимо, и всегда менял положение, если кто-то оказывался у него за спиной. Если его дружески касались, он сначала заставлял себя не напрягаться и только потом что-то кратко отвечал. Говор у него был плавный, но твердый, с командирскими нотками убеждения. И если затевался спор и Мурат принимал в нем участие, его доводы мы всегда слушали в молчании. Он был мусульманин и верил, что на все воля Господа, а атеистов считал неразумными детьми и был убежден, что каждый рано или поздно повзрослеет и обратится к вере. Если мы спорили о религии, последнее слово всегда было за ним: наговоримся, накричимся, выдохнемся, Мурат угостит самого заядлого атеиста яблоком и направится к выходу, а выходя, с улыбкой бросит: «Кто, по-твоему, придумал яблоко?» Уйдет, и мы хохочем, будто нам рассказали анекдот. Всегда хохотали над этой его привычкой.

Тогда мы еще не знали, что он бывший зек. Наверное, не смеялись бы, если б знали. Это потом Челик случайно увидел у него татуировки на ногах. Мы сначала не поверили, подумали: что может знать турок о тюремных знаках, но потом увидели сами. На правом колене Мурат носил розу ветров, на лодыжках — маленькие паутинки. И прятал их как только мог: спал в носках, переодевался в уборной. Даже когда мы прямо спросили, откуда они, все равно продолжал прятать.

Узнав, что он бывший зек, Андрей вдруг тоже заговорил о тюрьмах. У него, оказывается, сидели все родственники: брат, двоюродный брат, дядя, тетя, муж сестры, их сын. Лишь отец давно вышел и теперь доживал век где-то под Астраханью. Андрей рассказывал вдохновенно, оживленно жестикулируя, но он был глупец и бездельник, и, даже если говорил что-то интерес-

ное, звучало это как обыкновенный треп. Так что прислушивался Мурат недолго. И вскоре почтительность его сменилась снисходительностью.

Хотя стать приятелями они успели. И не раз их можно было видеть сидящими на одной кровати, с блестящими от алкоголя глазами, доказывающими друг другу свои хромые правды.

— Да у тебя в Астрахани сидят одни браконьеры, — говорил Мурат.

— Да, — соглашался Андрей, — браконьеры. Представь, человека за убийство на шесть лет закрыли, а моего дядьку на восемь — за браконьерство!

— Ничего, — говорил Мурат. — Нехрен государственную дичь воровать.

— Рыба — не дичь, — возражал Андрей, показывая желтые зубы. — И не воровал он, а семью кормил.

— Ага, — ухмылялся Мурат. — Шестьдесят кэгэ на пузо, да?

— А что? — улыбался Андрей. — Будто ее меньше станет.

— Вам волю дай, воду из Каспия по бутылкам растащите!

Или:

— Если к бабе серьезно, она тебя изнутри съест, — говорил Мурат. — Если она знает, что ты без нее никуда, она всегда будет это учитывать и дела до тебя ей мало будет. Не нужны им верные псы, таких волки первым делом грызут.

— Бросила тебя? — спрашивал Андрей серьезно, на что Мурат злобно огрызался.

А иногда он, бывало, разгонялся и говорил один, никого вокруг не видя, и, если не замечать пьяного бормотанья Андрея, можно было подумать, что Мурат беседует сам с собой. Редко на Мурата такое находило, конечно, но, когда находило, смеялись мы от души. Можно было даже забыть, что он бывший зек и сидел за двойное убийство...

Убил он в трезвом уме и со знанием дела. Однажды сел с бутылкой коньяка в шесть вечера да часам к двенадцати все нам и выдал. Было все до жути просто. Мы как сидели, так и остались сидеть, а потом еще долго не могли заснуть.

— Друзья как друзья, — говорил он отстраненно. — Не лучше и не хуже, чем у других. Выручали друг друга, когда надо было. И когда не надо было, тоже выручали. А когда у Мети жена родила, а он в командировке мерз, я с Романьчем ее навещал. Цветы ей носили. Тогда не было этих телефонов, и с мужем Лизка месяц связаться не могла. А в роддоме холодно, отопления нет, вот мы и воровали ей одеяла с дома. Моя очень ругалась. Не дружила она с Лизкой. Ну, бабы на то и бабы, чтобы ссориться по пустякам. Потом и Романьч жену нашел. Юбку даже самый нерадивый может найти. Каждой твари по паре, как говорится. И зажили по-семейному. Вместе выросли, вместе повзрослели, вместе старость встречали. Дети, жены, покупки, комму-

нальные. Планировали поженить сорванцов, чтобы уж наверняка. Сводили их специально, в летние лагеря возили...

Помню, поссорились с Романычем. Из-за пустяка. Отсюда и началось. Недоверие, шептания. Шептались с Метей. А Метя по природе глупый... похож на нашего Андрюху. Глупый и безответственный. И вместо того чтобы помирить, наоборот... В общем, и с Метей поссорились. А потом узнал, что Метькин сынуля мою Айну... А она что? Бабы на то и бабы... Им только нашептать приятностей — и готовы. Этот толстолюб, видно, не в отца пошел. Соблазнил, влюбил, показал, научил. В общем, деваться моей Айночке было некуда. А мы тут вдобавок не ваших кровей. У нас, знаете ли, даже в трусах при дочери появляться не принято. И что прикажете делать?.. Нет, дочь я пальцем не тронул, она у меня единственная. А своего Метя так спрятал, что не найти. Увез и сдал кому-то в охранение. Поженить бы их, что ли... Но нет. И он, и я знали — я скорее убью этого недоделыша, чем снова подпущу к Айне. Да и какая женитьба в их возрасте? Одной четырнадцать, другому шестнадцать. А недоделыш за свои шестнадцать такого навидался, чего я за свои сорок даже не нюхал. Чахнет ваш народ. Глаза огромные, зрачков не видно, кадыками пугаете. Девочке четырнадцать — сосет! Мальчику шестнадцать — взрослою хочет, чтобы умела! Тьфу!.. А с другой стороны моралисты поют, вещают об упадке культуры! Кому вещают? Избранным убогим, кому средства еще не позволили? Сами домой придут, а детки за стеночкой стонут. И плевать им на родителей, у них переходный возраст! Ма, па, это мой новый парень, познакомьтесь. И моя Айна туда же. Ест меня это все изнутри, а наружу только слезы. Кулаки сжимаю, а они мне: успокойся, дружище, все наладится. Я Айну на аборт, а она, дура, к бабушке с дедушкой от кровотечения. Я волосы на себе рву, а они мне руки на плечи кладут и приговаривают: не надо, Мурат, не надо. Что «не надо»?! Я что, так много просил? Нет. И до сих пор не прошу. Дочь отняли, жене надо было только дождаться. Не просил ждать, сама принялась месяцы считать. Зачем, скажите, дарила мне надежду целых четырнадцать месяцев? Чтобы больнее было оттолкнуть?.. Пускай! И это пережил. Назло... И их нужно было наказать. Назло. Потому что некому больше наказывать. И Метя, и Романыч, они ведь с самого начала все знали. И как там у Айны с этим начиналось, и как продолжалось. Им ведь просто нужно было все приостановить... Ни о чем не жалею. Свое я отсидел. Топор мой — орудие палача.

Конец рассказа был внезапен. Мурат вдруг замолчал, опустил голову и надолго уставился в пол. Мы же, поняв, что продолжения не будет, молча разбрелись по своим постелям, но еще долго лежали и смотрели в темноту.

А вообще он людям нравился. Было в нем что-то. Чтобы понять, нравится тебе человек или нет, достаточно единственного взгляда. К Мурату каждый волей-неволей испытывал симпатию. Так бывает, если лицо у человека

испито не распутной жизнью, а большими духовными страданиями. Мурат многое пережил. Это всегда как-то проявляется в чертах лица, во взгляде. И несмотря на то, что в глазах его читалась и дерзость, и ненависть, и брезгливость, то, что притягивает, преобладало над всем остальным втрое.

И мы, пускай не сразу, приняли Мурата за своего. Никто его не судил. И не боялся. Чего тут бояться?..

Ночлежка наша с каждым днем становилась все популярнее. Стали к нам не только бомжи и работяги селиться, но и люди звеном повыше. Хозяин накопил наконец денег и отстроил половину нашего зверинца более-менее сносно. Кухня засверкала новой мебелью и посудой, входная дверь стала железной, коридор от парадной до пожарного выхода выложен паркетом и не скрипел теперь. Селиться к нам стали и заезжие туристы. По-русски ни слова, а все прибывают и прибывают. Разноцветные, надушенные. Пахло от них знатно, аж голова кружилась. Мы за иностранными красавицами хвостиком по коридорам бегали, лишь бы принюхаться. Глазели на нас, как на медведей, — дикари, мол, русские, — бочком в коридоре обходили, шептались, будто мы что-то понимаем. У них неважно, немец ты, француз или вообще из Италии, все разговоры строго на английском, так что не разберешь, кто из них кто. Иногда здоровались. Правда, как-то понарошку, через силу, но здоровались.

Так Мурат с ней и познакомился. Ее звали Клаудия Пенья, и она была чилийка. Он столкнулся с ней на кухне рано утром, когда все еще спали. Она сказала «хэллоу», он «доброе утро», и все бы тем и кончилось, если бы утро не было столь ранним и если бы их что-то стесняло. В комнату он вернулся только через два часа, когда все уже проснулись. Кружка остывшего чая у него в руке была нетронута. Он сел с ней на кровать и залпом выпил. А потом лег и проспал до обеда.

Андрей потом рассказывал, что они только разговаривали: Мурат по-русски, Клаудия по-английски. Но мы не верили. Во-первых, такое даже представить сложно, а во-вторых — просто невозможно говорить таким образом целых два часа. К тому же Андрею верить было нельзя. С чего это ему взбрело в голову проснуться ни свет ни заря и пойти искать своего друга?

Так или иначе, Мурат с ней сблизился. И они действительно как-то умудрялись общаться. Сразу после ужина они садились на диване в общей гостиной и беседовали.

— У нас так не делается, — говорил он ей, улыбаясь. — Нужно все время носить с собой паспорт, до-ку-мент.

Она хмыкала, кивала и тоже что-то быстро говорила.

Каким-то непонятным образом Мурату даже удавалось смешить ее. У нее был очень звонкий смех, от которого по спине пробегали мурашки. Смеясь,

она прикрывала одной рукой рот, а другой хлопала Мурата по плечу. Мы косились на них и втихую завидовали.

Иногда Мурат замечал на себе наши взгляды и его глаза вспыхивали неподдельной злобой. Но, возвращаясь в комнату, он был весел и всегда что-то нам рассказывал. Иногда про Клаудию, иногда о чем-то постороннем. Мы, конечно, не подавали вида, но будь мы все прокляты, если не ждали рассказа только о ней!..

Это было как лучик ослепительного света. Мы чувствовали себя пещерными жителями, которым впервые в жизни показали солнце. Даже ее имя — Клаудия Пенья, — даже оно светилось. В нас подымалась неподдельная тоска, душившая нас, когда мы слышали ее быстрый звонкий говор. И все бы ничего, если бы не Мурат. Он был одним из нас, но его допустили до этого света. Он говорил, что она родом из Копьяпо, и мы, понятия не имея, где это, жмурились от этого слова, как от вспышки. И, чего греха таить, немного ненавидели их.

Ей было лет сорок, и волосы у нее были естественного черного цвета. Они курчавились и пахли чем-то резким. Она носила блузки светлых тонов и широкие темные юбки. Юбка, конечно, все скрывала, но красоту ее ног мог угадать даже слепой. Как все туристы, она не считала нас достойными внимания, но нам было все равно.

А Мурат этого не замечал и все больше поглощался ею.

Через неделю его было не узнать. Он беседовал с нами, казалось, только из необходимости. При Клаудии же менялся полностью: сутулости как не бывало, морщины разглаживались, глаза начинали лучиться добротой. Это было два совершенно разных Мурата. Какой из них настоящий, решать мы не брались.

Мы уже знали, что она разведена, имеет троих детей и держит овощную лавку у себя в Копьяпо, что приехала к нам «налаживать дело» и что здесь ей практически ничего не нравится, особенно дождливая погода.

Такие мелочи он рассказывал охотно, всегда с улыбкой на лице. Андрей считал, что Мурат многое приукрашивает, но и завидовал намного больше остальных. Даже больше Вовы, из-за которого все и получилось...

Вова жил с нами в одной комнате и занимал почетное место у окна. Он был сыном блокадницы и обитал здесь с мамой на птичьих правах. Его мать, встретившая войну маленькой девочкой, вместо платы прибиралась на кухне и в уборных, а он клал за городом асфальт и пил по выходным. Он был обаятелен и мог преподнести себя с выгодной стороны, но за этим ничего не стояло. Мы недолюбливали его.

Клаудия ему тоже понравилась. И так как было понятно, что общаться с «русскими варварами» она не прочь, Вова тоже за ней приударил. Результат

скоро дал о себе знать — их стали видеть вместе за чаепитием, а иногда и в коридоре. Он тоже научился смешить ее и порой разыгрывал, отчего она хохотала до слез. Разок их даже видели в городе, гуляющими мимо витрин...

Мурат старался этого не замечать. Его беседы с Клаудией продолжались, правда, прежней теплоты в них уже не было. Он как бы потух и теперь просто тлел. Мы чувствовали, как дым этого тления, едкий и плотный, распространяется вокруг, и это все больше нам не нравилось. «Таких людей нельзя обижать», — сказал как-то Челик на ломаном русском, и мы были полностью согласны...

Такие, как Мурат, не умели прощать. Жизнь трепала их слишком долго, и они не могли не бить в ответ. Есть такие. Со стороны может показаться, что им всегда больше, чем остальным. Обжигаясь, они всегда кричат сильнее...

Однако выяснять отношения с Вовой Мурат не спешил. Они как-то негласно решили не замечать друг друга. И если им случалось оказываться в одном коллективе, один из них молчал или уходил курить.

Так продолжалось долго.

Потом Мурат принес кота и каким-то чудом уговорил хозяина заселить его к нам.

На время Клаудия была забыта.

Это был большой черный кот, лохматый и хромой. Мурат сказал, что спас его от двух взбешенных собак, решивших загрызть его прямо на детской площадке. Очень храбрый котище, говорил Мурат с гордостью. История действительно была невероятная. По словам Мурата, кот и не думал бежать или лезть на дерево. Он шипел, выгибался дугой и прыгал на морды своим обидчикам. Если бы бой был на равных, говорил Мурат, он бы вышел победителем. Кот слушал с ленивым достоинством, иногда чуть приоткрывая сонные глаза хищника, и всем своим видом показывал, что ему приятно слышать такое. Но особенно он наслаждался, когда вспоминалось, как он ударил собаку по морде и как та взвыла. «Как обожженная!» — говорил Мурат с азартом. Кот ухитрился не просто вдарить. Вдарив, он вцепился когтями в собачью щеку и потянул на себя. Щека растянулась, как жевательная резинка, собака завывала от боли, прижала голову к земле, а кот все не отпускал и, недобро блестя глазами, тянул. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы у собаки не было подмоги. Вторая псина кусала, толкала, бодала боевого кота, у того только шерсть летела. Он как мог отбивался, но силы были на исходе. И если бы Мурат не отогнал озверевшую братию, рано или поздно кто-то достал бы до шеи храброго кота и все бы закончилось.

Кот хромал, плохо спал и с трудом взбирался на кровать. Людей он сторонился. И если не было рядом Мурата, отсиживался под его кроватью

до вечера. Хозяина в Мурате он признал сразу и очень волновался, если тот задерживался на работе. Это было самым настоящим доверием, на какое только способно животное. Когда Мурат возвращался, кот осторожно выглядывал из-под кровати и с надеждой смотрел вверх, на лицо хозяина — в настроении ли он, и если Мурат приветственно протягивал руки, быстро, насколько позволяла хромота, бежал к нему навстречу. Мурат подхватывал покусанное ободранное тельце, прижимал к груди, а кот терся о хозяйскую рубашку и громко натужно мурлыкал, как бы что-то запоем рассказывая.

Мурат называл его просто: «Эй» или «Эй, малыш». Кот откликался. Вскоре он и на наше «Эй» стал откликаться. «Эй, — говорили мы, — давай поужуй, а то вообще раскис!..» Так что, наверно, это было его имя.

Разок он встречался с Клаудией. Он сразу понял, как хозяин относится к этой женщине, и попытался приласкаться к ней. Но у Клаудии была аллергия на кошек, и кота пришлось отправить обратно в комнату. Мурат сильно расстроился. А когда увидел победно злорадствующего Вову, не удержался и нарычал на всех нас. Сорвался. Андрей от неожиданности даже обиделся. А потом, сам не понимая смысла своего поступка, принял сторону Вовы, и вместе они принялись рычать на Мурата. В ответ Мурат сжал кулаки и нахмурил брови. Мы попытались их утихомирить, но ничего не получилось. Наши руки отталкивали, нам затыкали рты, Челик даже получил пребольный тычок в грудь. Драка назревала на ровном месте. Мурат уже перешел на личности и просто ждал удобного момента для первого удара. А может, ждал, чтобы ударили его. Мы не узнавали нашего Мурата. Лицо его исказили боль и ненависть.

Хорошо, что пришла Клаудия и все остановила. Мы очень вовремя замолкли, и она даже не поняла, что случилось. А может, поняла, только вида не показала. Она поманила Мурата, и он вышел в коридор. Дверь за ними закрылась, но мы все слышали.

— Клаудия, я не знал, извини, я бы не принес его, — голос Мурата звучал виновато.

Она пролепетала что-то на своем, быстро-быстро, как бы оправдываясь, мы поняли только «аллэджи».

— Ты не думай, что я специально.

— Но-но! — сказала она и опять быстро-быстро запела, а потом что-то спросила.

— Что? — переспросил он. — Не понял.

Она повторила.

— Грусть? — спросил Мурат. — Нет, все нормально, — и повторил: — Нормально. Вот, видишь, у-у, — он, наверно, фальшиво улыбнулся. После-

довало недолгое молчание. Потом он сказал: — Красиво ты сегодня выглядишь, — помедлил: — Как коза во время течки.

Это было так неожиданно, что кто-то из нас запищал от удовольствия. Мы схватились за животы и попадали кто куда. Смех распирал нас, но мы держались.

А Мурат ласково продолжал:

— Дед всегда рассказывал. Бараны голову теряют, когда приходит время. Дерутся, бодаются. А что? Так и есть. А если коза еще пострижена да помыта. Понимаешь? Не то что баран, человек не устоит!..

У нас уже текли слезы. Клаудия сказала на своем, что ничего не поняла. Она действительно не понимала, Мурат говорил слишком ласково, чтобы можно было что-то заподозрить.

— Ты мне очень нравишься, — говорил он. — Я бы с тобой зажил по-человечески, но мне еще дед сказал, что кучерявых лучше не надо. А он в этом понимал. Вы ведь...

Здесь Вова не выдержал и вышел к ним. Ему, оказывается, весело не было. Он взял Клаудию за руку и повел по коридору прочь от нашей комнаты. Клаудия не сопротивлялась, а Мурат не мешал.

Когда они ушли, он зашел к нам и закрыл дверь, на лице его играла улыбка. Он был доволен собою, как человек, только что получивший первую зарплату на новом месте.

И тут нас прорвало. Мы хохотали, наверное, минут десять. Кот от греха подальше спрятался под кроватью, Андрей забыл, что поругался с Муратом, а Мурат и не думал напоминать об этом. Ну ты дал! Это ж надо! Как ты ее! Сука не захочет — кобель не вскочит, да? Пусть теперь гадают!.. Это был вечер веселья. Андрея тут же послали за выпивкой, Челика за гостями, а гостей — за магнитофоном и кассетами. Мы танцевали, пили, спорили. Люстра шаталась, пол скрипел. Мурат все порывался услышать одну песню, которую когда-то крутили за стеной, но не находил ее среди кассет. Артем, хозяин магнитофона, дважды бегал к себе и нес все, что было. Но и там нужной песни не находилось. Тогда Мурат сам принялся напевать: «Что-то там про дымку сигаре-ет! А мне плевать на белый све-ет!» Во второй раз, когда Андрей пошел за выпивкой, его «побили». По его словам, верзилы на иномарке, но это был треп, никто его не бил. Ему просто нужно было оправдаться за разбитую бутылку (наутро мы даже нашли осколки на лестнице). Потом вернулся Вова, очень тихий и неестественно приветливый. Мурат старался не замечать его, но вскоре не выдержал и стал орать: «Что, доволен? Отдаю, не жалко!.. Дай только до рожи твоей дотянусь!» Их растащили. Потом Челик рассказывал анекдоты. С поправкой на его непередаваемый акцент нас просто сбивало с ног. Он знал десятки русских анекдотов, а главное, понимал

их. Особенно хорошо получались про льва и обезьянку, а еще про золотую рыбку и три желания. К полуночи, когда все стали расходиться, обнаружилось, что Мурата нет. Мы проверили всю ночлежку, но нигде его не нашли. Кот испуганно моргал из-под кровати и время от времени призывно мяукал. «Гулять пошел», — сообщила недовольная вахтерша, и мы махнули рукой. Не бежать же на поиски посреди ночи.

Он вернулся к утру. За окном было темно, по стеклам шуршала тихая морось, а мы пьяно сопели. Кот неуверенно мяукнул из-под кровати и услышал хрипкое: «Эй, малыш». Сквозь сон мы поняли, что это Мурат. Кот проковылял до хозяина, Мурат поднял его на руки и поцеловал в мордочку, потом, не раздеваясь, улегся на кровать. От него смачно разлило перегаром, потом и анашой.

Вскоре Мурат сильно изменился. Его речь стала грубой и неприятной. С ним уже не беседовали, а говорили, не интересовались делами, а спрашивали о них. Он мог без причины вставить какое-нибудь выраженьице из жаргона, или оскорбить, якобы в шутку, или просто прогнать. Он портил людям настроение и был доволен собой.

Когда Андрей наконец-то нашел работу, Мурат его обсмеял.

— Где Андрюха? — спрашивали его.

— Андрейке теперь не до нас, — отвечал он с напускной важностью. —

Он теперь птица высокого полета, бизнесмен...

На самом деле Андрея просто пригласили расклеивать объявления. Ему было неудобно, но Мурат веселился.

— Смотрите! — говорил он. — Скоро дела в гору пойдут, с пилочкой ходить будет!

Прибегал Андрей, пристыженный, мокрый до нитки, с протекающими туфлями, менял одежду, пил чай и уходил, а Мурат молча давил довольную ухмылку.

— Что, турок, по турецкому времени живем? — спрашивал, когда бедный Челик просыпался после полудня, выжатый как лимон после ночной смены.

Для него это стало игрой — расковырять человека поглубже и посмотреть, что из этого выйдет.

Лишь к Вове он не лез и гордо молчал, когда видел его и Клаудию вместе. Только однажды не сдержался. Как-то услышал, как Вова пытается объяснить Клаудии, что значит блокада, и взорвался. Прибежал к нам в комнату, хлопнул дверью и начал:

— Блокада! Единственное, что у них осталось. Память о блокаде и культурный фон! Все! Ключют только туристы с фотоаппаратами. Вымирают ваши блокадники! Не осталось! Те, кто остался, живут по общагам, по ночлеж-

кам... В долг живут. Питаются не лучше, чем в сорок втором. Что он понимает? Чем хвастается?!

Андрей как-то сказал, что Мурат похож на человека, которому плюнули в лицо. Челик посоветовал ему держать язык за зубами.

Еще Мурат стал пропадать ночами. Уходил довольный, возвращался скупаящий. Когда его не было, ему звонили женщины с неприятными прокуренными голосами и просили передать, что они его ищут. Мы записывали имена на бумажках: «Светлана», «Нонна», «Карина», «Ира». Вся его одежда пропахла анашой, и запах не выветривался. Кот поначалу отфыркивался и вырывался, если запах был особенно сильным, а потом просто перестал подходить. Мурат только рукой махал.

Кот постепенно начал сдавать. Сказывался бой с собаками. Теперь он даже хромать отказывался. Когда Мурата не было, мы ставили миску ему под кровать, потому что к нам он больше не вылезал. Ночами было слышно, как тяжело он дышит. Теперь повсюду валялись клочки черной шерсти и остатки непережеванной еды. Мурат звал его, когда после очередного похода пьяным лежал на кровати, но кот его больше не слушал.

— Малыш, эй! — хрипло говорил Мурат, опуская руку с кровати на пол. — Иди сюда.

Кот не отзывался.

— Эй, это я.

Кот молчал, и от этого молчания нам становилось грустно.

— Ничего, — говорил Мурат устало, — я еще свожу тебя к ветеринару.

Потом он засыпал и вскоре начинал храпеть. Под его храп и нас клонило в сон, но мы все же успевали увидеть, как кот высовывает исхудавшую мордочку из-под кровати и опасно обнюхивает ладонь хозяина, лежащую на полу.

К середине сентября зарядили дожди и у Мурата разболелись суставы. Ночные походы прекратились, правда, женщины звонить не перестали. Мурат просил нас «отмазать» его. Теперь перед сном он подолгу растирал ступни и колени и жаловался, что они мерзнут. Мы уже свет потушим и спим давно, а он все сидит и растирает, сустав за суставом, будто молится. Иногда так и засыпал: склонится к ступням в позе лотоса и качается взад-вперед до самого утра, а под утро, когда Андрей его растолкает, невнятно пробурчит, как бы оправдываясь:

— Жизнь на бетоне со временем сказывается.

Вова, наверное, объяснил Клаудии, о чем говорил ей тогда Мурат, потому что теперь она открыто воротила от него нос. Он делал вид, что ничего не изменилось: так же здоровался с ней, интересовался ее делами, но их разговоры стали скоротечными.

Мурат приходил к нам с улыбкой на лице, но, как только дверь закрывалась, эта улыбка гасла. Он тихо звал кота, но тот не откликался. Он пробовал затеять с нами ссору, но и это не получалось. И тогда он начинал топить горе в разговорах. На время Андрей снова становился его лучшим другом, и они часами болтали о тюрмах.

Потом приходила трезвость, Мурат отталкивал Андрея и снова пытался с кем-нибудь поссориться. Он спрашивал нас, где Вова. Мы молчали. Может быть, он просто делал вид, что не знает, но нам все равно было неловко.

Вова был у Клаудии. Это знала вся ночлежка. Они уединялись и запирали дверь на ключ. Возвращался Вова под утро, надевал обувь, куртку и спешил на работу. Мурат еще спал.

Все решилось в один вечер. Клаудия сама зашла к нам. Вова спал после трудного рабочего дня, Мурат растирал больные суставы, Андрей штопал носки, а Челик читал турецкую прозу. Дверь вдруг приоткрылась, и в щелку мы увидели ее. Она была в белой ночнушке и в тапочках на босу ногу, лицо ее бледно светилось и выражало смущение, подталкивающее нас на пошлость. В комнату она не вошла, и это создало напряжение. Мы притихли. Мурат затаил дыхание. А она тихо, невинно так позвала: «Вова», — с ударением на «а». Но Вова не проснулся. Она позвала требовательней, но слишком тихо, чтобы быть услышанной. Мы молчали и не решались встретиться взглядом с Муратом. Мурат окаменел. Клаудия позвала Вову снова, и Андрей, не выдержав, встал и растолкал спящего.

Вова встал, косолапо проковылял до двери и вышел. До нас долетели обрывки шепота. Потом все стихло. Назад Вова не вернулся. Андрей закончил штопать носки, и Мурат тут же потушил свет. Мы были благодарны ему за это. Разговаривать не хотелось. Улеглись и уснули. Мурат еще возился со своими суставами, но и он вскоре затих.

Мы проснулись от удушья. Что-то едкое и горячее забиралось в ноздри и заставляло кашлять. Андрей кричал и звал на помощь, его тошнило. За дверью слышалась беготня и ругань. За окном стояла ночь, и там, в ночи, что-то пылало. Багровое зарево освещало наши лица. Челик первым побежал к двери и щелкнул выключателем, но света не было. Андрей раскрыл раму, и то, что не давало дышать, потянулось на улицу. Мы кинулись за воздухом к окну и увидели людей во дворе. Это были наши соседи. Человек десять. Они смотрели вверх, кричали и махали нам руками. Из окон этажом ниже бил огонь, жар обжигал нам лица. Дверь вдруг раскрылась, и в проеме появился Вова в одних трусах. «Вы еще здесь?» — его рык вывел нас из ступора. Не одеваясь, мы выбежали в коридор, заполненный дымом. Люди бежали к выходу. Отчаянно звали Сашу, Сергея, Эмму, Мигеля. Вова держал за руку

Клаудию и пытался ее успокоить. Она плакала. Ее белая ночнушка была опалена, кудрявые волосы стояли дыбом. Вова спросил нас, где Мурат, но мы не знали. Нас начали толкать, и пришлось двигаться. Клаудия спотыкалась. Мы наступали друг другу на пятки. Комнаты по правую сторону были в огне. Пламя вырывалось из проемов и обжигало плечи. Приходилось толкать людей в спину, чтобы не сгореть. Кто-то бежал в обратную сторону, но его разворачивали. Кто-то падал, об него спотыкались. Вова искал свою маму. Но те, кого удавалось догнать, не видели ее. Мы толкали Вову к выходу, а он все стонал на одной ноте: «Ма-а-а!» Потом Андрей увидел ее в проходной. Она, скрючившись, стояла у стены и кашляла. Вова подхватил маму на руки и кинулся вниз по лестнице. Теперь Клаудия держала его за плечо. Ее ночнушка порвалась до талии. Кто-то подвернул ногу, и Андрей вызвался помочь. На лестницах было много мусора и осколков стекла, люди резали ноги. Дым уже заменял нам воздух, все кашляли, закрывали рот руками и спускались на ощупь. Кто-то громко молился. На первом этаже у выхода была чудовищная давка. Толпа кричала единым голосом. Челика угораздило быть с краю, его пронесли по стенке до самого выхода и, выйдя, он не удержался на ногах. Андрею повезло больше. Вова как-то смог уберечь маму, но сам качался, как пьяный. На улице он звал Клаудию, но она плакала в стороне от всех и не подходила. Вовина мама тоже плакала и без конца причитала: «Где ж нам теперь жить, Вовик? Где ж нам теперь жить?..»

Мы не могли надыхаться. Ноги не держали нас. Ночлежка пылала десятками окон, из некоторых валил черный дым, стекла лопались, но это уже не волновало. Почти все люди вокруг ходили босыми. Кто-то успел вынести простыню и теперь кутался в нее. Некоторые смеялись, особенно те, кто не пострадал в давке. На них косились и запоминали. После быстрой переключки оказалось, что выбрались все. В толпе мы быстро нашли Мурата и не смогли не обняться с ним. Он почему-то прятал глаза. А на вопрос, где был, когда все началось, холодно отмахнулся. Мы не понимали причины его спокойствия. Он поглядывал поверх нас в сторону Вовы и Клаудии и теребил в руках наполовину скуренную сигарету. Андрей попросил закурить, но Мурат сказал, что эта последняя. В следующий миг из пылающей ночлежки донесся протяжный кошачий стон. В глазах Мурата появился животный испуг, он обронил сигарету, дернулся в сторону подъезда, но Андрей навалился на него всем весом и рывком свалил на асфальт. Люди отшатнулись. Мурат начал отчаянно вырываться, Андрей кричал: «Не надо, Мурат, не надо!» — а он, кусая губы, повторял: «Я ж ему обещал, я обещал!..»

Ирина Маруценко

Из цикла «Медальки»

Аверс: Мифик

Она терпела-терпела, но не очень долго. Долго она не умела. Потом как рывкнула:

— Да что ж это такое?! Что ж ты меня изводишь?

И лицо приблизилась так, что оно стало огромным и преогромным. А лбом стала волноваться и краснеть. Котик подумал, что лоб похож на комара, который вчера сел на Котикову ногу и давай насасывать. А Котик ловкий, он его ладошкой шмяк! Кровь тогда из комара — брыз! Мифик сказала, что это его, Котика, кровь, а своей у комаров не бывает. У комаров внутри только кишки.

Лоб тем временем совсем стал как комариное наетое брюшко, и Котик не выдержал. Крикнул:

— Мяу! — и ложкой по лбу дал. Интересно ведь, а вдруг бы тоже брызнуло.

— Сво-о-олочь! — взвыла Мифик и за лоб схватилась. — Ух ты ж ешь твою треть, больно-то как! Сволочь малолетняя! Сядь на место!

Сядь — это потому что Котик на всякий случай со стула спрыгнул и отбежал немножко.

— Я котик, мяу, — сказал Котик. Тоже на всякий случай, а то вдруг она не поняла. Так и оказалось, не поняла. Проворчала:

— Да какой ты нафиг котик. Ты — Константин Засранович Засранский. Вернись за стол и ешь кашу. Все уже остыло.

Котик вздохнул. Чем можно одолеть эту кашу — непонятно. Мифик как всегда наварила клейкой резиновой массы, плюхнула ему целую тарелку, а сама-то не ест. Она хитрая, вообще не завтракает, только пьет вкусенькое черное кофе.

— Дай мне твое кофе! — сказал Котик.

— Твой кофе. Кофе — это он, сколько можно повторять. Ты вон кашу ешь.

— А облако — тоже он?

— Облако — оно.

— Почему?

— По кочану. Ешь давай.

Лучше бы Котику в детском саду завтракать. Там хрустяшки всякие дают, молочко с трубочкой, банан. Но сразу после завтрака Котик начинает ждать Мифика и скучать. Мифик приходит вечером, когда скука становится совсем тяжелой, и тут Котик начинает носиться по раздевалке, прыгать и махать руками. А Мифик держит его уличные штаны и говорит:

— Ты будешь одеваться или где? Я тебя ловить не собираюсь. Может, тебя в группе на ночь оставить?

А просто Котик так стряхивает скуку, чтобы потом идти спокойно домой. Когда последний кусок скуки отвалится, можно наконец подбежать к Мифику, обнять за коленки:

— Мифик! Мифинек! Я скучал за тобой...

— И я тоже, Котинька мой. Только неправильно говорить — скучал за тобой, надо — скучал по тебе. Понял, Котька?

Но сегодня выходной, сегодня каша. Каша такая липучая, что сама собой, даже без помощи Котика, склеивается в горку. С катком! А ложка как будто сани, вжж, вжжж... Снег летит в разные стороны, мороз скрипит, сани крепчают...

— Ты измываешься? Ты нахрена кашу вокруг разбрасываешь?! Жри давай, жри! — закричала Мифик, полные санки снега набрала и прямо в Котиков рот! Больно же!

Котик понял, что у него хватит сил промолчать, не подать виду, как это ужасно, когда тебе насильно запихивают в рот стылый комок каши не по размеру. Промолчать, как отважная рыба дельфин! И тогда Мифик не узнает, что обидела его, не узнает никогда. Но никогда оказалось еще ужаснее каши, и Котик разрыдался.

— Хватит выть. Сам виноват.

Каша во рту становилась текучей, мешаясь со слюнями. Легко переливалась через губу вниз, словно пластилиновый водопад.

— Ну прекрати уже. Я тебе что, зуб там ложкой высадила? Дай посмотрю... вроде все на месте.

Мифику было стыдно, это Котик понимал. Такое случается, если обижать чересчур. Один раз они бесились на кровати и Мифик была веселая, добрая, красивая, прямо до Котикова сердца, — вот он ее и укусил. Челюсти свело слаще, чем от шоколадки, в ушах случился мультяшный радостный гул. А потом Котик отпустил зубы и увидел, что Мифик плачет. Совсем как девочка Женя из группы, если у нее отобрать заколку. Так что Котик про стыд многое

понимал. Главное: пока человеку стыдно, из него можно что угодно выпросить. Укушенная Мифик потом три дня его заставляла самостоятельно одеваться. Говорила:

— Ох ты ж еш твою треть, больно-то как... никто бедного Мифика не любит... — и Котик руками расправлял штаны, путался в ногах, застревал головой в вороте майки. А потом снова стал бесстыжим.

— Мифик, одень мне штаны!

— Не одень, а надень. Сам надень, а то у меня тут рука укушенная болит. Никому не жаль бедного Мифика... — заводила она вольнку.

Но Котик пропускал ненужное мимо ушей:

— Я не умею! Надень мне штаны...

И Мифик понимала, что стыд закончился, и одевала его и в штаны, и в футболку, и даже сандалеты застегивала. Котик очень все это любил.

Теперь пришел черед Мифику стыдиться. Она выдала Котику чай с печенькой, а сама стала собирать тряпкой с пола и стола куски каши. Котик через жевательный грохот печеньки внутри головы прислушался к бормотанию Мифика.

— Еш твою треть, — бубнила она, — что за жизнь у меня говенная, — и дальше целый набор интересных, но запрещенных почему-то для Котика слов.

Про интересные слова — отдельная тема. Один раз Котик придумал песню. Это случилось сразу после завтрака в садике. Целый день он томился, боялся забыть до Мифика. Не забыл! Пропрыгал мимо шкафиков, мимо Мифика, которая сидела на детской скамеечке — так что коленки ее торчали почти до ушей, — и запел:

— Продаются ремешки, продаются попы! Продаются пись-пись-пись, продаются слопы!

И кинулся обниматься, свободный от садииковской скуки.

Мифик посмотрела как чужая тетя:

— Что такое слопы? — и тут же продолжила, не дожидаясь Котика: — И вообще, Константин, пора прекращать эти все попы, писи и прочую ерунду. Сначала вот выучись, получи два высших образования, а потом ругайся сколько влезет.

Котику была знакома эта присказка, знакома — и непонятна. Что у него должно образоваться выше? Может быть, уши как у зайца? Они тянутся от головы высоко-высоко, прямо до неба, и ими можно шевелить в свое удовольствие. Зайцы ругаются?

Мифик говорила:

— А ты даже букву «эр» выговаривать не умеешь, зато плохие слова умный, я погляжу, употреблять. Ну-ка, скажи лучше — эрррр!

Котик надул щеки. Будто бы она не знает, что у него получится. «Эй» получится вместо дурняной буквы, которая словно морда справа на тощем тельце. А слопы — это такие майки, но куда уж ей объяснить.

Но тем же вечером Мифик нежданно-негаданно развеселилась и спать его укладывала совсем развеселая. И хотя Котик согласился бы и на песенку про звезду по имени Солнце, она вдруг стала щекотать его под одеялом и петь на мотив маленьких утят:

— Здрасти-здрасти, туалет, мы не виделись сто лет, мы не виделись сто лет, ля, ля, ля, ля! Ах, простите, унитаз, ах, простите, унитаз, я обкакаюсь сейчас, ля, ля, ля, ля!

А Котик старался не упустить ни слова и все равно что-то пропускал из-за бешеного смеха и счастья. Но было по-прежнему непонятно, почему ему, Котику, про попы нельзя, а Мифику про унитаз — можно. Хотя она, конечно, выше его ростом. Но без ушей как у зайца.

Доев печеньку, он попросил:

— А давай включим мультики про Тома и Джерри?

— Не включим, а включим, — ответила Мифик. — И вообще, Константин, сколько можно одно и то же смотреть. Заколебал уже своими томаи-джерями. Человеку почти четыре года, а он читать не умеет. Иди вон букварь полистай.

Сразу стало понятно, что стыд у Мифика закончился. Быстренько чего-то. Котик пошел в свой уголок, вытащил из-под кровати маркер и нарисовал внизу обоев утюг. Черный и страшный! Известное дело — если нарисовать плохое, тогда оно ночью являться не будет. О, а вчера еще Котику приснился злой гриб, который стрелял. Пришлось рисовать и гриб — на обоях он получился ужасней даже, чем во сне. Пыщ-пыщ-пыщ, а это заряды такие летят из гриба...

— Сво-о-лочь! Ты зачем обои испоганил?! Да что ж это за нахрен такое! — и Мифик распустила руку прямо Котику по затылку. По затыльнику дала, ни за что ни про что, даже не разбираясь. А сама-то, сама говорила: нарисуй плохой сон, нарисуй плохой сон! Котик почувствовал, что все запретные слова скопились разом во рту, затолпились перед зубными воротами. Немного повезло — первыми полезли рыдания, и Котик успел отогнать самые ужасные слова внутрь, но только одно оказалось слишком юрким и вырвалось.

— Ты, Мифик, — говно! — выкрикнул он, чувствуя, как глаза лезут на лоб от страха. Что же сейчас будет... что он наделал...

Губы у Мифика стали как засохшие дождевые червячки, глаза спрятались за ресницами — и тут зазвонил телефон. О, как она вздрогнула, даже и Котик вздрогнул вслед за ней, словно между ними висел невидимый провод с током.

— Я сейчас, — бросила она и умчалась навстречу песенке Цоя. Котик знал, что Цой умрал (правильно не «умрал», а «умер» — поправила его Мифик в голове), но все равно любил его песни. Потому что его песни любила Мифик.

Мифик говорила с телефоном долго. Даже ушла курить на балкон. Котик похлопал соплями, попытался вытащить хоть одну, но они были слишком жидкими после рева. Надо подождать часок: подсохшие будут ловко выколупываться. А если их еще дольше не трогать, сопли превратятся в козявки, которые можно пулять. Котик положит козявку на большой палец, толкнет ее указательным, будто делает щелбан, и умчится козявка в неведомые дали. В неведомые — потому что Котик отпулянные козявки никогда не находил.

Мифик вернулась, присела рядом с Котиком на корточки. Он шумно задышал — на всякий случай, чтобы сразу заплакать, когда начнет ругать.

— Эй, — сказала Мифик ласково. — Извини меня, а? Я злая сегодня была. Мне просто один человек не звонил. Я ждала, ждала, рычала на тебя...

— А теперь позвонил? — спросил Котик, закапываясь носом в Мификову подмышку. Странное дело: Мифик худая и прехудая, а рук у Котика не хватает ее обнять, как будто она больше всего мира.

— Теперь позвонил.

— И ты теперь добрая?

— Ага.

Котик любил «ага» Мифика. Ага — оно улыбочливое, как кусок арбуза. Вот когда Мифик говорила «угу» — это было плохо. Угу — это ночной унылый филин.

— Люблю тебя, Мифик, — простонал он сквозь сжатые, чтобы не укунить, зубы.

— Ну, значит, у нас это взаимно, — непонятно ответила Мифик. Покашляла и сказала еще: — Это и есть счастье, Котька.

Тогда Котик сообразил, о чем она.

Реверс: Папочка

Молодая женщина сидела возле стандартного окна стандартной кухни с книжкой, являя собой (в силу именно близости к стандарту) иллюстрацию тезиса о самой читающей стране — если на первое место выносить количество читаемого, а не качество. Книжка у нее на коленях тоже была весьма

стандартная и, как это обычно случается со стандартными книжками, немало увлекательная.

Уже во второй, или даже нет, в третий раз за полчаса на кухню, звонко хлопотнув дверью, вбежала семилетняя девочка. Умудрялась она мешать матери так, как не мешал тихо блекочущий под потолком телевизор.

— Мам, смотри, мам.

Теперь в руках у девочки была картина, исполненная черным фломастером: некое существо (предположительно мужчина, на что указывало отсутствие кудрей и бантов) кидало (предположительно сыпало) кирпичи (зерна?) в скопление стрекоз (или же птичек). Минут десять назад девочка приносила на суд матери куклу Блум, наряженную в одежды Текны, а до того заскочила спросить, можно ли ей расплести наконец косичку и походить рас-пу-щен-ной.

— М-м-м, очень хорошо, — сказала женщина и перелистнула страницу.

— Но ты даже не смотришь, — упрекнула девочка. — И вообще, когда папочка вернется?

— Ух ты, уже и темнеет, — женщина подняла глаза от книжки. — А я-то думаю, почему мне буквы почти не видно. Включи свет, Маринк. И сама никогда не читай впотымах. Зрение береги.

Женщина бросила книгу вверх обложкой на стол, потянулась и с каким-то необъяснимым унынием сказала:

— Задерживается что-то наш папочка. Скучно без него, да?

Маринка потянулась к выключателю, щелкнула. Кухню залил бледный холодный свет — и сразу стало понятно, что за окнами почти наступил вечер.

— Ничего, не расстраивайся, — сказала женщина скорее для себя, чем для дочери. — Ну подумаешь, может же человек раз в сто лет сходить в гараж покопаться в железках.

Маринка залезла в ящик буфета и вытащила себе печеньице. Подумала, положила обратно и достала сушку.

— Маринк, ну-ка на место верни. Придумала тоже, кусочничать до ужина. Или давай тогда не жди папочку, а сядь покушай. И после хватай сладкое.

— Мам, но сушка же не сладкая.

— Господи, что ты вечно споришь. Я же говорю тебе положить не затем, чтоб ты спорила.

Маринка бросила сушку в ящик и пошла на выход, мотыляя темными волосами по прямой спине.

— На обиженных воду возят! — крикнула ей вслед женщина. Подождала, прислушиваясь: — Маринк, а Маринк?

Словно в ответ, перекрывая бубнеж телевизора, нежно заурчал холодильник. Женщина набрала в грудь воздуха и насупила брови, будто собралась

вступить с холодильником в спор — или, исходя из ее мрачного взгляда, даже предъявить обвинение. Хотя бы в том, что по паспорту холодильник отмечен как совершенно бесшумная модель. Но женщина только вздохнула и промолчала.

Она достала из холодильника кастрюлю с закопченным донцем, понюхала содержимое и сморщилась. Отставила кастрюлю ближе к мойке, открыла морозилку.

— Что ж ты вье-ошься, черный во-орон, над моею да над головой... Маринк! Маринка! Я сколько орать должна, чтобы ты услышала?

— Чего?

— Ты на ужин что будешь?

— Ничего!

— Господи, — прошептала женщина, — вот тоска-то. Это из-за света. Свет от сберегающих лампочек депрессивный; надо обратно нормальных купить и поставить. М-м-м, ты добы-ычи не дожде-ошься...

Во входной двери зашкрябали ключом — но еще прежде, чем женщина уловила этот звук, по квартире пронесся топот детских бесцеремонных ног. Примерно так, кажется, сотрясает саванну стадо заполошно бегущих бегемотов.

— Папочка!

Женщина захлопнула морозилку и кинулась в прихожую — довершать случившуюся там во тьме кучу малу. В тесном пространстве все трое пихались локтями, наступали друг другу на ноги и перебивали друг друга:

— Ну наконец-то, господи, дай поцелую!

— Папочка, папочка, смотри, какую я тебе картину нарисовала!

— Да погодите вы обниматься, я холодный с улицы. Соскучился, родные! Свет включи, Танюша. Бублик, слезь с меня. Дай хоть ботинки снять.

Зажегся свет, и встречающие выдали хором, будто многие годы репетировали и вознамерились теперь исполнить композицию «Ой, цветет калина»:

— Ой!

Но слаженность на том и закончилась, а продолжились — и даже усилились — всеобщий разброд и шатание (в выкриках, потому что при свете толкотню прекратили):

— Господи, что с твоим лицом?

— Папочка, у тебя штанина порвата! Порвана! И грязная! Ты упал?

— Господи, и очки! И тут царапина! Ты цел, цел?

— Все в порядке, Танюш. А ты, Бублик, угадала — я упал. Все, все, что мы тут стоим, как неродные. Двинули в комнату. Джинсы, наверное, выбросить теперь. А очки ничего, подумаешь — стекло треснуло. Танюш, да что ж ты так взволновалась. Говорю же, что цел.

— У тебя щека поцарапана... мрак какой, — женщина всматривалась в лицо мужа: а ну как он врет и (во имя семейного покоя) скрывает острую боль в сломанном ребре или отбитых почках.

— Не тревожься, говорю. Царапину намажешь мне чем там у тебя есть. «Целителем» каким-нибудь. Очки завтра в «Меге» куплю новые. Поедем же завтра в «Мегу»?

Папочку умыли, переодели в чистое, обработали руку йодом, а лицо живительной мазью. Вообще-то он бы мужественно сам со всем справился, но и дочка, и жена желали проявить первейшее участие (чем несколько замедляли процесс).

Сели ужинать. Бледный и размякший папочка поигрывал вилкой в длинных, будто бы с дополнительными суставами пальцах. Гонял по тарелке жареные пельмени — а правильно поджаренные пельмени с хрустящей корочкой прелестно скользят по фаянсу — и рассказывал:

— Там нормальная дорога, если от нас идти в обход. А это лишних полтора километра. Я, конечно, срезаю. Через овраг возле парка, помнишь, Танюш? И уже сколько раз говорил этому гаражному председателю — сделай ты нормальную дорогу. Ну не асфальт, так хоть гравийку. Там многие из нашего района в гаражи ходят.

— Да ворье этот твой председатель. Сволочь. Ты, Маринка, не обращай внимания, что я ругаюсь, — просто раздражает такое отношение. Все в карман свой, все в карман, и как только не треснут от жадности.

— Вот я и шмякнулся. Там кругом земля мокрая, ногой по глине заскользил. И схватился за какую-то ветку. Еще не понял толком ничего, а уже другой веткой по лицу хлестнуло. Очки вниз, я за очками...

— Мрак! Ты кушай, кушай спокойно, хватит отвлекаться, — и Таня потянулась за пультом.

— Ну куда ты звук увеличила? И вообще, выруби эту говорильню. Бухтит и бухтит сутками.

— Я только кабельное — там районные новости сейчас будут.

— О, новости Зюзина! Пенсионеры Перекопской улицы одержали победу за чистоту района, да? Или детский ансамбль «Зюзкинды» выступил на утреннике в школе. Бублик, ты хочешь попасть в телевизор?

Маринка хихикнула и проткнула пельмень вилкой:

— Не-а.

— Тогда я отказываюсь смотреть ящик, в котором не показывают Бублика. Поставь чайник, Танюш. Давай поедим без телика. В тишине и отраде.

Таня поднялась и начала убирать со стола — перенесла плетенку с хлебом, со стуком положила в мойку свою тарелку, звякнула крышкой заварочного чайничка.

— О, да мы надулись. Так дело не пойдет. Ну включай, включай. Пусть победительные пенсионеры примкнут к нашему чаепитию.

Он как раз доел пельмени — без аппетита, зато с вежливостью аристократа (и с земляной каймою под ногтями), оставив тарелку почти чистой. Маринка лезла к нему на колени, протягивая на вилке последнюю пельмешку из своей порции:

— На, папочка, я больше не могу.

— А ты через не могу. Знаешь ли ты, Бублик, что путь к мужеству лежит через желудок?

— Нет!

— Тсс, вот и пенсионеры. Съедай скорее, а то эта бабка начнет тебе снится.

Таня несколько истерически захохотала: по телевизору и впрямь показывали репортаж о пенсионерах Зюзина. Не по сезону усыпанная медалями старушка рассказывала про местный компьютерный класс для тех, кому за.

— Кому до и по, — хмыкнул папочка и пощекотал Маринку. Та пискнула от удовольствия.

— Мы прерываем наш выпуск для экстренного сообщения, — тревожно сказала ведущая, едва только отгремел сюжет с медалисткой. Ведущая как будто пыталась выглянуть из телевизора в кухню. И совсем уж неприлично распахивала глаза, так что Тане на секунду показалось: сними тележенщина очки, и ее глазные яблоки влажно шлепнутся на пол их кухоньки. Прямо на стопку старых газет у стенки (и насмерть прилипнут к бумаге).

— Неподалеку от входа в Битцевский парк со стороны Балаклавского проспекта только что обнаружен труп молодой школьницы... молодой девушки... простите. С места событий передает наш корреспондент. Студия на связи, говорите.

— Да, студия, слышу вас, — из ночной уличной темноты выплыло возбужденное лицо с тонкими усиками. Усытками. — Около часа назад в милицию, э, полицию поступил звонок про обнаружение трупа. Убитой оказалась девушка лет тринадцати, э, четырнадцати, ведется опознание. Нам удалось узнать, что убийство совершено с особой, э, жестокостью.

Маринка была занята мстительным щекотанием папочкиных подмышек. Таня, приоткрыв несколько по-идиотски рот, внимала усыткам на экране. И некому было удивиться на стремительно набрякающее темной кровью лицо папочки. Папочку, очевидно, раздражали плохие новости.

— На месте преступления, мы видим, сейчас работает группа следователей, — усы задергались в явном возбуждении. — К сожалению, нашей группе запретили снимать труп, э, пострадавшей. Однако то, что мы смогли увидеть...

— Папочка, ну я же щекотю тебя, тебе же разве не щекотно? — пыхла Маринка, елозя по папочкиным коленкам.

— Пока рано что-то говорить, но уже говорят, э, то есть подозревают, что это дело рук очередного битцевского маньяка, — возвысил голос корреспондент. — Два подобных убийства были совершены несколько месяцев назад в октябре прошлого...

— Где пульт?! — заорал папочка. — Выключи эту мерзость! Выключи. Выключи!

Его колотило мелкой дрожью; лицо папочки не выражало никаких специальных эмоций и — поэтому — пугало.

— Господи, да что за срочность, что с тобой, — Таня заоборачивалась, ища вокруг пульт. Не нашла и выключила телевизор вручную. — Что за безумие, в самом-то деле?

— Еще в дом эту мерзость, еще не хватало, да, Бублик? — смущенно сказал папочка, обнимая дочь одной рукой. Второй рукой он потирал вспотевший висок. — Голова даже разболелась, давление, что ли.

— Бедный папочка, — Маринка обхватила ладошками его щеки.

— Беги-ка, Бублик, готовь домино. Мы лучше в домино с тобой сыграем, правда? Я вот маме с посудой помогу и приду. Ну, пулей.

— А у нас в классе есть девочка по фамилии Маняк. Наташа Маняк.

— Пулей, я сказал.

Таня подошла к освободившимся нагретым коленям, села:

— Не тяжело?

Он сунул нос в теплую затылочную ямку и сказал:

— Хорошо. Извини, я чего-то...

— Да я понимаю. Давление, голова. Я тоже сегодня какая-то вареная весь день.

— У меня такое чувство, знаешь, как будто внутри пружина разжалась. Такая слабость во всем теле, понимаешь? Глаза еще режет.

Таня привстала с его колен, протянула руку к выключателю. Лампочка жажнула слепящей синевой и звякнула — будто кто с силой закрыл стеклянные двери. Наступила темнота.

— Господи! — она покачнулась и упала бы, не подхвати он ее за талию. — Мрак какой, ну я и испугалась. О господи, чуть сердце не выскочило. Ффу.

Он обнял ее, похлопал по спине, шутливо побаюкал:

— Ну-ну, все нормально. Папочка в обиду не даст.

— А давай, — заканючила она, — а давай мы сюда стандартную, неэкономную лампочку ввернем? Чтобы свет снова был такой желтенький. Ну, такой стандартный.

— Стандарты скоро изменятся. Вот примут очередной закон про энергосбережение, и привет. Но пока не приняли, желтый свет тебе вернем.

— Я тебя люблю-люблю. Дай носик поцелую.

А за окнами набирала обороты тревожная удивленная ночь.

Дэн Шорин

Звезды для дочки

— Папа, а космос — это далеко?

Мы гуляем по парку, и маленькая Инга смотрит на меня влюбленными глазами. Наташа идет рядом, по выражению лица я понимаю, что она не разделяет щенячьего восторга дочери.

— Космос начинается вот тут, дочка, — я хлопаю себя по груди.

— Папа, я хочу в космос!

Поднимаю ее на руки и заглядываю в карие глазенки.

— Если человек к чему-то всю жизнь стремится, рано или поздно он к этому придет. Даже если для этого придется перешагнуть через вселенную.

Наташа недовольно бурчит за спиной. Насколько я знаю, сейчас она больше всего на свете хочет отобрать у меня дочку и крикнуть, чтобы я замолчал. Но в органах ей это, конечно, запретили. Они все еще пытаются получить секрет Нуль-Т. Людям порой трудно понять самые простые вещи, они всегда пытаются искать секреты там, где их нет. А для меня многие тайны перестали быть тайнами. После Ветрянки.

— Максим, пожалуйста, не пудри дочери мозги. Инга, девочка, папа шутит.

Наташа совершенно не умеет мечтать. Она никогда в жизни не смотрела в небо.

— Мама, смотри, звезды совсем рядом!

— Максим, отпусти Ингу!

Чаша терпения Наташи переполняется. Сейчас ей плевать на особистов, плевать на всю вселенную. Есть ее ребенок, и есть безответственный отец этого ребенка, который уже не совсем человек и который хочет сделать драгоценному ребенку что-то непонятное — но обязательно плохое.

— Мама, но почему? — хнычет Инга.

— Девочка, мама не видит звезды, — отвечаю я.

— Она слепая? — девочка доверчиво смотрит на меня.

— Нет, дочка, она домашняя.

Наташа забирает у меня Ингу и крепко прижимает к себе.

— Инга, не верь ему, твой папа плохой... человек, — на слове «человек» Наташа делает едва заметную паузу.

— Зато он хороший папа! — заявляет Инга. — Мама, знаешь, когда я вырасту, я ни за что не буду домашней.

— Максим, что ты делаешь с ребенком? — произносит Наташа назидательно-официально.

— Он меня взрослеет! — отвечает девочка.

Наташа фырчит, а я поднимаю взгляд в небо. Нахожу взглядом Сириус и перешагиваю через бездну.

Он подошел, когда я через прозрачный купол старбара наблюдал восход Сириуса. Валера всегда находит меня, не знаю, как это у него получается. Думаю, ему помогает кто-то из наших. Впрочем, Валера ни разу не подтвердил это мнение. Как и не опроверг.

— Красиво, не правда ли?

— Здравствуй, здравствуй, — прячу улыбку я. — Как дела?

— В личной жизни или в институте?

— Могу поспорить, что личной жизни у тебя до сих пор нет. Ты трудоголик, Валера, а женщинам нужно иногда уделять время.

— Когда-нибудь найдется та, которая сможет принять меня таким, какой я есть, — улыбается Валера.

— И говорить вы с ней будете исключительно о квантовой физике.

— Говорить мы с ней будем о жизни. Знаешь, Максим, жизнь нечто большее, чем пришел-ушел-вернулся, даже если каждый твой шаг длиной в десяток светолет. Вот ты о Наташе подумал?

Натянуто улыбаюсь. Ну и кто тянул меня за язык начинать разговор о личной жизни? В некоторых вещах Валера просто невозможен.

— А как дела в институте? — без тени смущения спрашиваю я.

Будь на месте Валеры кто угодно другой, мой финт просто не прошел бы. Но для Валеры работа — все, он просто представить себе не может, что я просто ухожу от неприятной темы.

— Все по-прежнему. Все говорят про колоссальные достижения института пространства и времени, но успехи пока остаются только на бумаге.

— Сегодня все открытия делаются на бумаге, — тяжело вздыхаю. — Времена ученых-одиночек ушли со смертью Альберта.

— Согласен. — Валера долго смотрит сквозь выпуклое стекло купола на медленно выползающий из-за горизонта слепящий диск. — А знаешь, мы почти поняли, как вы ходите.

— Расскажи-расскажи, — я с интересом смотрю на Валеру.

— Электромагнитные поля. Сложная модуляция, способная к созданию информационного двойника. А поскольку при переходе нарушается закон сохранения энергии, то оригинал просто исчезает, а копия возникает на новом месте.

— Эксперимент «Филадельфия»? — я вежливо улыбаюсь. — По-моему, давно доказано, что это умная мистификация.

Валера смущенно кашляет. Я прекрасно понимаю его. Человечество слишком долго обманывали, и теперь люди не верят простым решениям. Бывает.

К нам подходит официант. Местный. Человек.

— Что изволите? — спрашивает он.

— Дежурное блюдо, — заказывает Валера.

— А мне графин воды, — я вежливо улыбаюсь официанту. И когда он отходит, медленно сообщаю Валере: — Он из безопасности.

— С чего ты взял?

— Знаю.

Валера задумчиво смотрит на восход.

— Все-таки многое вам дала Ветрянка. Гораздо больше, чем человек может выдержать.

— Не Ветрянка нас научила этому знанию. Земля.

— Земля? — он недоверчиво улыбается.

— Знаешь, сколько раз меня пытались убить?

— Может, это иммунная система человечества?

— Обычная ксенофобия.

Официант приносит заказ. Из тарелки Валеры вкусно пахнет ванилью и какими-то пряностями. Наливаю воды в стакан и залпом выпиваю.

— Чего ему надо? — спрашивает Валера, торопливо жуя.

— Нуль-Т, — отвечаю я. — Новая игрушка для человечества. Не думаю, что он здесь, чтобы причинить мне вред. Просто шпионит. Космическая опасность наконец-то поняла, что сами они Нуль-Т не откроют.

— Максим, расскажи о Ветрянке, — просит Валера.

— Что тебе рассказать? Про Источник писали во всех газетах...

— Нет, расскажи с самого начала. Я хочу понять вашу мотивацию.

— Мотивацию? — задумчиво гляжу на Валеру.

— Мотивацию, — повторяет он.

— Ладно, слушай.

Первый раз о Ветрянке люди услышали три года назад. «Титан» в тот раз возвращался на полутора тысячах световых со стороны Ядра. Настроение было хорошее, мы открыли три пригодные к терраформированию планеты,

а впереди маячил двухгодичный отпуск. Я постоянно торчал на камбузе, пытаюсь снять антиалкогольную защиту с синтезатора. Всей команде до чертиков надоел отдающий хвоей самогон, перегоняемый Лыскиным у себя в генераторной, а синтезатор на камбузе был способен выдавать даже марочные вина. Вот только между этой эстетикой и экипажем стоял код, поставленный капитаном Юдиным, убежденным трезвенником и тираном. Согласно теории вероятности, поставленная передо мной задача не имела решения. Пятьдесят миллиардов вариантов — это вам не фунт изюма. На практике, вероятно, тоже. Только меня что-то дернуло поспорить с Димкой Аковым, что я этот код сделаю. Наверное, причиной столь опрометчивого заявления был пятый или шестой стакан самогона; впрочем, о мотивах импульсивных поступков я задумывался крайне редко.

Сначала подобрать код мне показалось занятием плевым. Когда дни рождения кэпа, его жены, тещи и старшего сына во всех формах синтезатор принять отказался, я призадумался. Человеческий разум не может охватить пятьдесят миллиардов абстрактных чисел. От силы — несколько тысяч. Только как определить нужную мне комбинацию? Я курил прямо на камбузе, благо Санька Норкин благополучно забил на обязанности кока и целыми днями торчал у себя в каюте, проводя досуг за изучением порнодисков. Скорее всего, я бы переиграл Юдина. У меня тогда были и стимул, и необходимая квалификация, и, как я думал, масса свободного времени. Но судьба распорядилась иначе. Мои потуги прервал противный зуммер.

Сам по себе сигнал маршевой тревоги чем-то экстраординарным не является. Галактика похожа на большую свалку, в которой временами встречается самый неожиданный мусор. Когда этот мусор оказывается на пути «Титана», Юдин включает маршевые двигатели. И корабль слегка подправляет траекторию, избегая нежелательной встречи. Но мое счастливое неведение длилось всего несколько секунд. До того как я посмотрел на пейзаж и зафиксировал плановый промежуток работы маршевых двигателей. Полтора часа. При нашем ускорении за это время можно повернуть под прямым углом. Или обогнуть без потери скорости черную дыру среднего размера.

В рубку я влетел ровно через три минуты, пренебрегая всеми правилами безопасности. Кроме Юдина, здесь сидели особист Симагин и бортмеханик Димка Аков.

— Что за фигня происходит? — от души рывкнул я.

— Сядь в компенсатор, — спокойно сказал Юдин и повернулся ко мне. — Через две минуты включатся маршевые, а кататься по полу во время ускорения достаточно некомфортно.

Я уселся в эластичное кресло гравикомпенсатора и застегнул ремень.

— Ну а теперь мне кто-нибудь объяснит, что случилось? Вы что, черную дыру нашли на занесенном во все лоции маршруте?

— Не дыру. Планету, — коротко сказал Симагин.

— Ерунда. Откуда здесь взяться планете? Хочешь, я тебе докажу, что все это чушь. Во-первых, пять месяцев назад приведенным курсом шел «Альбатрос». Никакой планеты он, разумеется, не нашел. Во-вторых, чтобы обогнуть по оптимальной траектории планету, достаточно включить маршевые ровно на пять минут. В-третьих, во время проведения штатной корректировки курса присутствие бортмеханика в рубке управления не предполагается.

— Присутствие виртуальщика — тоже, — буркнул Дима.

— А ты посмотри показания приборов, — посоветовал мне Юдин. — А потом делай выводы.

Я надел шлем и считал информацию с корабельного компьютера. Планета была. Без звезды, без спутников. Просто блуждающая планета. А еще в ней имелась какая-то странность. Я не смог сразу понять, в чем дело, но определенно что-то здесь было не так.

— Объясните, что происходит, — попросил я.

— Нет, это ты объясни нам, что видишь, — сказал Симагин. — Ты виртуальщик или где?

— В двенадцати градусах относительно курса фиксирую блуждающую планету земного типа. Корректировать курс не вижу необходимости, мы проходим мимо.

Словно в ответ на мои слова, включились маршевые двигатели и компенсатор со свистом принял мой возросший вес.

— Расскажи нам подробнее про эту планету, — попросил Юдин.

— Планета земного типа размером с Марс. Гравитация на поверхности 0,8 же. Атмосфера по плотности близка к земной. По составу ничего сказать не могу, нужно посылать зонд. Температура поверхности около двухсот пятидесяти кельвинов. Атмосферное давление...

— Как ты думаешь, что может поддерживать такую температуру на поверхности планеты, у которой нет звезды? — бесцеремонно прервал меня Юдин.

— Внутренние тектонические процессы? — ляпнул я.

— Чушь, — возразил Юдин. — Источник внешней энергии все равно нужен.

— Ядерный синтез внутри планеты? Масса маловата. Холодный термояд? Считается, что в естественных условиях он невозможен. Единственное объяснение — тектонические процессы. Но хорошо бы посмотреть на это поближе.

— Вот мы и летим посмотреть на это поближе, — ответил Юдин. — Эта планета может оказаться самым громким открытием века.

Капитан как в воду глядел. Ветрянка стала эпохальным событием. А еще судьбой. Говорят, человек сам делает свою судьбу. Я пытался. Не получилось. Мою судьбу сделала Ветрянка. Впрочем, это справедливо для всего человечества.

Валера тем временем переводит взгляд за окно. Сириус будто передумал подниматься из-за горизонта и сейчас медленно отползает назад. Для Валеры это в диковинку. Не удивлюсь, если он это сугубо астрономическое явление припишет моим проискам. Что делать, если сочетание вращения планеты вокруг своей оси в совокупности с замысловатой орбитой второго спутника временами дают столь незабываемое зрелище. Моей вины здесь нет никакой, я просто люблю смотреть на Сириус. В такие минуты мне кажется, что необратимых поступков в этой вселенной не бывает.

— Откуда она взялась? — Валера переводит взгляд на меня.

— Кто? — теряюсь я.

— Ветрянка. Ты же говорил, что «Альбатрос» ее не обнаружил.

— Может быть, плохо смотрели, — равнодушно замечаю я. — Может быть, она появилась там за эти пять месяцев. Не суть.

— Ты что, не понимаешь, это же контакт! — Валера в замешательстве.

— Ну да, люди не одиноки во вселенной, есть кто-то еще, старший брат, который будет нас опекать, прогрессорствовать. Ерунда это все! Ветрянка суть зеркало. Мы увидели там всего лишь свое отражение. И перепугались.

— Послушать тебя, все так просто.

— Да не просто, Валера. Не просто. Я не знаю, откуда взялась Ветрянка и куда она потом делась. Но даже если бы Ветрянки не было, ее стоило придумать. Чтобы мы могли узнать, чего на самом деле стбим.

Ветрянкой планету назвали из-за атмосферы. Скорость ветра на ней даже в периоды затишья не опускалась ниже ста метров в секунду. Моя версия относительно тектоники, казалось, получила первое подтверждение. Вулканическая активность вполне могла быть причиной образования областей с разным атмосферным давлением, следовательно, бешеные ветра были вполне объяснимы. Более-менее приемлемое место для посадки обнаружилось недалеко от экватора. В течение трех дней там стояло безветрие, что для Ветрянки было чудовищной аномалией. Вообще-то полагалось выяснить, почему всюду ураганы, а здесь ни ветерка. Но мы побоялись, что другой такой возможности просто не представится. В первую группу высадки вошли шесть человек. Дима Аков, Паша Круглов, Илья Дегтярев,

Илья Лузгин, Роберт Шнитхе и я. Нашей задачей было разведать местность и взять образцы грунта. Ну и дальше — по обстановке.

На грунт мы опустились без особых проблем. Шнитхе, как всегда, поворчал по поводу турбулентности, но посадил челнок аккуратно. Атмосфера за бортом была вполне сносной, но мы выходили в утепленных скафандрах — снаружи было минус тридцать. А потом мы набрали на Источник.

Первооткрывателем Источника можно считать Круглова. Именно Паше пришла в голову мысль, что прямо в центре зоны спокойствия находится подозрительно правильная долина. Естественно, мы теорию Круглова решили проверить. Других предложений не поступало, а в кромешной тьме нарезать спирали, выковыривая образцы мерзлого грунта, никому не хотелось. Это было совсем непохоже на артефакт. Просто в центре зоны затишья оказалась долина, посреди которой бил родник. Откуда-то из глубины родника пробивался свет, так что, стоя возле Источника, мы прекрасно видели друг друга. А потом раздался голос.

Тогда мы не думали ни о чем судьбоносном. Дегтярев что-то болтал про особые свойства воды, позволяющие ей оставаться жидкой даже при сугубо отрицательной температуре. Голос услышали все. Слова звучали совершенно отчетливо, Лузгин умудрился их даже загнать в аудиофайл. Тогда меня просто поразила их банальность. Эту фразу можно было прочесть где-нибудь в детских комиксах. «Перед тобой выбор. Выпей — и получишь могущество. Не пей — и останешься человеком». Мы обошли родник по кругу. Каждого из нас сверлила мысль: «А что если?» А потом мы, не сговариваясь, приняли решение.

— Максим, почему вы не отдадите Нуль-Т людям? — Валера съезживается и внимательно смотрит мне в глаза.

— Хороший вопрос, — улыбаюсь я. — А ответ прост и банален. Человечество еще не созрело.

— А судьи кто? — заносчиво спрашивает Валера. — Почему вы решаете за всех? Да кто вы такие? Случайные баловни судьбы, по воле космоса получившие могущество и теперь не желающие делиться.

— И Остапа понесло... — ухмыляюсь я. — Ты хоть сам-то понимаешь, о чем говоришь?

— Понимаю. Даже слишком хорошо. Я считал тебя другом...

— Ветрянка все поставила с головы на ноги, — я наливаю еще воды и залпом выпиваю. — Знаешь, почему Эйнштейн уничтожил открытую им единую теорию поля? Потому что человечество не созрело.

— Эйнштейн сделал изобретение сам, а вы его украли.

— Ты так считаешь? — я непроизвольно улыбаюсь.

— И не надо лыбиться. Ветрянка поднесла Нуль-Т человечеству на блю-
дечке. А вы решили оставить его себе.

— Человечество не прошло испытания.

— Это вы не прошли испытания. Вы перестали быть людьми. Человече-
ство всегда стояло на титанах. На людях, которые оказались выше своей
эпохи. А вы... Вы антититаны. Титаны со знаком минус.

Валера вскакивает со стула и, не оглядываясь, выходит из зала.

— О, sancta simplicitas! — раздается у меня за спиной голос Симагина.

Только его мне не хватало для полного счастья. Рука машинально тянется
к кобуре с шестизарядным «глоком». С некоторых пор я постоянно ношу его
с собой. Почему я остановился именно на «глоке»? Естественно, из-за мага-
зина. Пять пуль — мало. Семь — слишком много.

Председатель совета миров садится напротив и кладет локти на стол. Под-
нимаю глаза и холодно смотрю на Симагина.

— Чего тебе надо?

А он улыбается. Почему отрицательные герои всегда улыбаются? Может,
потому что они уверены в себе? Ничего не боятся, ни в чем не сомневаются.
Совесть находится в зачаточном состоянии, амбиции обнимают галактику.
Противно.

— Ничего, — Симагин опять улыбается. — Хотел посмотреть, как от тебя
отвернется последний друг. Это забавно.

— У меня много друзей, — автоматически отвечаю я.

— Давай посчитаем. — Симагин растопыривает пятерню. — Круглов,
Аков, Дегтярев, Лузгин, Шнитхе. Пальцы кончились, друзья тоже.

— Ошибаешься, — моему голосу не хватает уверенности.

— Это ты ошибаешься, щенок. — Симагин умеет заставить почувство-
вать себя ничтожеством. Несколько слов, несколько случайных взглядов, и
ты смешан с грязью. — Других друзей у тебя нет. Тебе не нужны друзья. Ты
пытаешься противопоставить себя людям. Потому что сам уже не человек.
Ты — выродок. Космополит. Ничтожество. Слово «родина» для тебя ничего
не значит.

— Не значит, — покорно соглашаюсь я. — Но еще меньше для меня зна-
чат твои идеалы, Симагин. Потому что ты как был жандармом, так и остался.
И таким умрешь. Ты просто не сможешь понять Нуль-Т.

— А ты попробуй объяснить. Без этих своих «почувствовать прикосно-
вание звезд сердцем».

Долго смотрю на Симагина. Он так ничего и не понял.

— Без «этих своих» не могу.

— Или не хочешь?

— Или не хочу.

Других доводов Симагин понять не способен. Он морщится, словно от зубной боли.

— Ты сам подталкиваешь нас к крайним мерам.

— А ты попробуй арестуй меня, — я широко улыбаюсь. — А я пройду сквозь стены твоей тюрьмы, потому что у меня есть Нуль-Т.

— Знаешь, Максим, иногда мы можем воздействовать через близких людей.

— Ты сам сказал, у меня нет друзей, — отвечаю я. — А упомянутая тобой пятерка способна о себе позаботиться.

— У тебя есть дочь, — мимоходом замечает Симагин.

— Ее ты не тронешь. Сказать почему? Потому что у тебя есть сын. Ради его блага оставь в покое Ингу.

Симагин смотрит на меня тяжелым взглядом.

— Тебе говорили, что ты чертов ублюдок?

— Если ты пришел сюда, чтобы сказать мне об этом, иди гуляй.

Сириус тем временем вторично выползает из-за горизонта. Наслаждаясь моментом, гляжу на светило.

— А ты не боишься, что я решу, что благо цивилизации важнее жизни моего сына? — спрашивает Симагин.

— Не боюсь. Потому что ты тоже был на Ветрянке.

— Не хочу вспоминать об этом.

— Именно поэтому вы никогда и не поймете Нуль-Т, — сообщаю я.

— Почему «вы»? — кривится Симагин. — Ты имеешь в виду человечество?

— Я имею в виду вторую группу высадки.

Примерно через час после того, как мы обнаружили Источник, совершил посадку второй челнок. Изначально его спуск в гравитационный колодец Ветрянки не планировался. Впоследствии мы с ребятами обсуждали этот вопрос и пришли к выводу, что Симагин напихал в наши скафандры жучков. И, получив данные телеметрии, тут же рванул вниз.

По возможности он, конечно, подобрал бы экипаж из своих людей. Вот только команда челнока формируется согласно штатному расписанию, и ни малейшего шанса обойти процедуру у Симагина не было. Да и время поджимало — мало ли что мы успеем натворить с артефактом иной цивилизации. Хотя правильнее будет сказать «предположительно артефактом предположительно иной цивилизации». Тогда у нас не было ничего, кроме предположений. Да и сейчас много ли мы знаем о Ветрянке? Короче, кроме Симагина, на поверхности оказались Евсеев, Гришин, Полухин, Жаворонков и Лимонов. Как они нашли Источник, мы не знаем. Сперва мы их банально

прошляпили, пребывая в состоянии эйфории. А потом что-либо предпринять было уже поздно.

Когда Дима Аков заметил их, они стояли вокруг источника и слушали голос. И остановить вторую группу высадки мы были уже не в силах. Я часто задумываюсь над тем, почему две группы людей одного статуса, одного социального положения в критических ситуациях принимают полярные решения. Может быть, судьба каждого человека predetermined от рождения? Вот родился фрукт по фамилии Симагин, и у него на роду было написано, что он должен оказаться на Ветрянке и сделать выбор. И существует специальный подген, отвечающий за этот выбор. Конечно, я прекрасно понимаю, что футурогенетика — всего лишь лженаука, вошедшая в моду в начале двадцать второго века. Но иногда так хочется все свалить на природу; хочется верить, что люди не виноваты в том, что они такие свиньи.

— Скажи мне, почему вы сделали это?

Председатель совета миров Симагин долго молчит, потом задумчиво смотрит на меня.

— Сделали что?

— Знаешь, вот только красивые слова оставь для общественности, — взрываюсь я. — Мы оба были на Ветрянке. И ты прекрасно знаешь, что не первая, как считается официально, а именно вторая группа высадки пила из источника. Мы сделали свой выбор — остались людьми. И в качестве утешительного приза получили Нуль-Т. Вы — пили из источника и людьми быть перестали. Что вы получили от этой сделки, трудно сказать. Но в любом случае — немало. Иначе ваша шестерка не стояла бы сейчас на вершине власти.

— Человечество само выбирает себе правителей, — жестко говорит Симагин. — Ты сейчас себе представил горстку инопланетян со склизкими щупальцами, в одночасье захвативших федерацию. Хочу тебя разочаровать, самое совершенное оборудование не нашло никаких аномалий. Мы люди, Максим. Люди.

— Это физически. А морально?

— Раньше с тобой было проще общаться, — вздыхает Симагин.

— А с тобой всегда было трудно, — парирую я. — Лучше скажи мне, почему составленная в результате случайной выборки первая группа единогласно принимает одно решение, а следующая — прямо противоположное. Тебе не кажется, что здесь пахнет мистикой?

— Первооткрыватели всегда получают славу, а сливки снимают идущие следом. Таковы законы общества.

Сириус уже поднялся над горизонтом. Прозрачный купол стал матовым, защищая клиентов старбара от жестких излучений. Встаю из-за стола и пере-

шагиваю через пространство. Хочу увидеть Ингу. Симагин меня всерьез напугал своими разговорами о методах непрямого воздействия. Где ты, моя дочурка?

Инга сидит в саду и обдирает кусты сирени. Ветки тугие, не хотят гнуться, Инга, прикусив губу, пытается сделать из них грубое подобие венка.

— Давай помогу!

— Папка! — восторгу дочурки нет предела. Она виснет у меня на шее и заглядывает в глаза. — Я знала, что ты придешь!

— И откуда же? — спрашиваю я с долей иронии.

— Чувствовала.

Именно так, не «чуяла» и не «чувствовала», а «чувствовала».

— А что ты еще чувствовала? — смотрю на дочку, слегка прищурившись.

— Что ты не пил водичку.

Мою беззаботность как рукой снимает.

— Послушай Инга, это очень важно. Откуда ты знаешь?

— Мы в вас игрались.

— Игрались? — настороженно переспрашиваю я.

— Это Колька Аков выдумал.

Колька Аков — сын Димы Акова. Сколько раз я слышал от Димы о его талантах, и вот на тебе...

— Инга, кто с вами еще играл?

— Света Лузгина, Ира Полухина, Андрей...

— Симагин, — машинально подсказываю я.

— Андрей Симагин, Ева Шнитхе... Я всех фамилий не знаю.

Инга смотрит на меня виновато.

— Расскажи, как вы игрались.

— Колька сначала придумал планету с родником. Кто выпьет из этого родника, становится плохишом и получает какую-то способность. Потом он объяснил, что плохиши всегда имеют способности. А кто не выпьет, тот тоже получает способность, но другую... Это чтобы плохиши сразу не победили.

— И как вы играли?

— Света сказала, что мы еще маленькие, а с маленькими чудеса не случаются. И что мы должны играть за родителей. Я играла за тебя! Я хорошо играла?

— Ты просто замечательно играла.

Крепко прижимаю дочку к себе.

— Инга, скажи, как вы определяли, кто будет хорошим, а кто — плохим?

— Мы посчитались. Я была хорошей.

Вот вам и стопроцентная выборка, ниспровергающая теорию вероятности. Они посчитались. Долго рассматриваю Ингу. У нее действительно есть способности. Через пару десятилетий этим детишкам будут принадлежать звезды. А может, даже и раньше.

В голову приходит бредовая мысль.

— Сегодня вы будете еще играть?

— Ага, — девочка энергично кивает.

— Хочешь, я научу тебя играть в войнушку?

Достаю «глок» и протягиваю его девочке.

Почему я чувствую себя в этот момент последним мерзавцем?

Наверное, потому, что сумел остаться человеком. Не иначе.

Алексей Зайцев

РЫБНЫЙ ДЕНЬ

Федор Барсуков стоял у пивного ларька и доказывал приятелю Антону Метелкину, что так жить нельзя.

— В смысле? — спросил Метелкин, поднося до краев наполненную пенистым пивом кружку к губам.

— Неужели ты не понимаешь, что в этой стране творится черт знает что?

— В смысле? — снова спросил Метелкин, которого пиво интересовало куда больше, чем собеседник.

— Я вот, например, вчера покупал в магазине красную рыбу, и что же ты думаешь?

Метелкин, который вообще думал редко, промолчал.

— Рыба стала в два раза меньше! — подсказал Федор. — А цена ее при этом удвоилась! Ты можешь себе представить такую гадость?

— И что же? — Метелкину вдруг нестерпимо захотелось спать.

— А то, что делают паразиты со страной что хотят! Вот взять бы эту рыбу за хвост да президенту по башке!

— Это еще зачем? — перепугался проснувшийся сразу Метелкин.

— А чтобы знал, как такой рыбой торговать!

— Да он-то причем?

— А притом! И он, и правительство это! Только о себе думают! На нас им наплевать! Как же... я, положим так, гардеробщик... и что с того? Я, может, на большее способен, но так уж жизнь сложилась! И что же, я теперь должен за уменьшенную рыбу в два раза больше платить? А они знай воровать будут в этом своем правительстве? Не о гражданах заботятся, тунеядцы, а карманы набивают!

Вдруг откуда ни возьмись за спиной Барсукова выросли две громадные фигуры милиционеров.

— Пройдемте-ка с нами, голубчик, — сказал один.

— Куда это? — испугался Барсуков.

— В машину, — ответил милиционер.

— Зачем это? — попятился Барсуков.

— На месте узнаете, — сказал милиционер.

— Нечего языком было молоть, — добавил второй милиционер.

— Никуда я с вами не пойду, — хотел было сказать Барсуков, но не сказал, поскольку милиционеры вдруг вывернули ему руки и затолкали в стоявшую поблизости машину. Поэтому все, что сказал Барсуков, это «ой-ей-ей!»

В ту же секунду машина уехала, оставив Метелкина одного у пивного ларька, с наполовину выпитой кружкой. Впрочем, долго он стоять не стал. Сметнув, что произошло, Метелкин мигом помчался домой, залез под диван и не вылезал оттуда до следующего утра.

— Куда вы меня везете? — спросил Барсуков два сидящих перед ним милицейских затылка.

— В суд, — хором ответили те.

— Но я не хочу в суд, — промямлил Барсуков.

— Хочешь не хочешь, суд сам к тебе придет, — сказал один из милиционеров.

Тут Барсуков и впрямь увидел в окно здание суда. Машина остановилась, и Барсукова попросили выйти.

— Черт с вами! — смело сказал Барсуков. — Я даже рад, что вы меня сюда привезли. Будет кому пожаловаться на ваши вопиющие действия.

Тут его толкнули и он чуть было не упал.

— Поосторожней! — Барсуков поправил одежду и гневно посмотрел на втолкнувшего его в судебный зал милиционера.

— Поговори мне, — сказал милиционер, показывая Барсукову большой, как булава Ильи Муромца, кулак.

— Я требую объяснений! На каком основании вы меня задержали?

— Суд решит на каком, — проговорил второй милиционер, кулаки у которого были еще больше, чем у его напарника.

— Мы, в конце концов, живем в правовом государстве, и я имею право знать, в чем меня обвиняют!

— Ты что, не слышишь? — сердито произнес милиционер № 1. — Суд тебе все объяснит!

— Но послушайте! Это же неслыханно! — Федор Барсуков в негодовании почесал лоб. — Это попирает все мои законные права и свободы.

— Я вот щас тебе, — сказал милиционер № 1.

— Обожди, — остановил его милиционер № 2. — Я хочу ему объяснить.

— Хочешь объяснить? — милиционер № 1 неуверенно посмотрел на напарника.

— Да. Хочу объяснить.

— Ну что ж, объясняй.

— Слушай меня сюда, зять! — сказал милиционер № 2 Федору Барсукову прямо в лицо.

— Я вам не зять! — отступив на шаг, произнес Барсуков.

— Вот послушай... что ты там говорил про права?

— Я сказал, что вы их попираете. Мои законные права и интересы.

— Вот я хочу тебя научить. Понимаешь? Чтобы тебя не били потом по голове и по почкам. В правоохранительной системе нынче действует такой закон — каждый, кто говорит о своих правах, тут же получает по почкам, а кто о законных интересах — по голове. Так что лучший способ сохранить в порядке здоровье, столкнувшись с правоохранительной системой: вообще не говорить о своих правах. Понял? Я тебя научить хочу.

— А как же мне поступать, если вы их нарушаете? — презрительно усмехнулся Федор.

Милиционер № 1 достал из-за пояса резиновую дубинку.

— Я научить его хотел, — произнес милиционер № 2, глядя в глаза напарнику.

— Он не учится, — ответил напарник и подошел к Барсукову на два шага ближе.

— Я учусь, — возразил Барсуков, увидев дубинку, и отступил на два шага.

В этот момент в зал вошла Инна Свитерная — секретарь судебного заседания. У Инны были красивые карие глаза, которые она носила в кармане, и аккуратный римский нос, висящий на ключах вместо брелока.

— Судебное заседание объявляется открытым, — проговорила Инна, лукаво подмигнув прекрасно сложенным милиционерам.

— Ну вот, теперь ты можешь пойти и занять свое место, — милиционер № 1 поправил ремень и выжидающе посмотрел на Барсукова.

— Какое место? — спросил Барсуков.

— Видишь ту скамейку? На ней обычно сидят обвиняемые. Ты должен пойти и сесть на эту скамейку.

— Не желаю, — проворчал Барсуков.

— Я хотел его научить, — покачал головой милиционер № 2.

— Я сам его научу, — сказал милиционер № 1 и, поигрывая дубинкой, подошел к Барсукову.

Барсуков быстрым шагом молча направился к скамейке. Несколько секунд постоял возле нее, сел.

— Кажется, он начинает учиться, — сказал милиционер № 1.

— Это я научил его, — улыбнулся милиционер № 2.

— Встать, суд идет! — торжественно сияя синими глазками (то есть не теми, что были у нее в кармане) произнесла Инна Свитерная.

В ту же секунду в зал вошел суд. Суд выглядел как три женщины разных возрастов, одетые в черные мантии.

Барсуков продолжал сидеть на скамье.

— Встань, скотина! — закричал милиционер № 1.

Барсуков поднялся, окинув всех собравшихся недовольным взглядом.

— Суд ведется достопочтенной судьей Кабановой. В составе... в составе... — Инна Свитерная покраснела и зашуршала лежащими на столе бумагами.

— Присяжных заседателей, — засмеялся милиционер № 1.

Инна Свитерная покраснела еще больше и, запинаясь, произнесла:

— Председателю суда помогают еще две судьи. Судья Полубедрова и судья Камилова.

— Помогают? — усмехнулся Барсуков. — Ну что ж, посмотрим, как они помогают.

Когда суд в лице трех женщин уселся в красивые кресла, обитые красным бархатом, судья Кабанова — самая старая (взрослая / пожилая / женщина в возрасте) из троих — внимательно посмотрела на Барсукова.

— Молодой человек (Барсуков и в самом деле был моложе нее лет на двадцать), в чем вы обвиняетесь? — строго спросила она.

— Это я как раз у вас хотел выяснить, — ответил Барсуков.

— Молодой человек, — заорала судья Кабанова, — я, слава богу, бурлаком уже давно не работаю! Вы должны приходиться в суд подготовленным и прямо отвечать на поставленные вопросы! Если вы являетесь в суд, даже не зная, в чем вас обвинили, как я могу начать заседание?! Скажите, до какой наглости надо дойти, чтобы явиться в суд, не зная, в чем тебя обвиняют?! Вы отнимаете время не только у меня и у моих коллег, но и у государства и у других людей, которые, между прочим, тоже ждут своей очереди занять ваше место! В конце концов, вы будете подходить к делу серьезно или нет?

Ошеломленный подобной речью, Барсуков молчал.

— Я жду вашего ответа!!! — закричала судья Кабанова.

— Почему вы на меня кричите? — тихим голосом спросил Барсуков.

— А как мне еще разговаривать с преступником?! — опять закричала судья. — Если до вас не доходят законы, то как я могу надеяться на то, что до вас дойдет моя речь?! Как я могу надеяться, что вы ее услышите?!

— Я действительно уже почти ничего не слышу из-за вашего крика. Вы меня оглушили! — сказал Барсуков, потирая правое ухо.

— Да как ты смеешь разговаривать с судьей в таком тоне, червяк? — закричала со своего места судья Камилова, ровесница Барсукова.

— А как я разговариваю? Я нормально разговариваю. Это вы меня оскорбляете.

— Бессовестная скотина! — закричала Камилова. — Ты думаешь, суд создан для того, чтобы ты мог делать судьям замечания? Суд создан совершенно для иных целей! Суд создан для того, чтобы подобные тебе преступники и

негодяи, попав сюда, явственно ощущали свою ничтожность. Суд создан для того, чтобы вы трепетали перед ним!

— Это правда, — позевывая, проговорила молодая судья Полубедрова, — иначе нас, судей, не сажали бы на возвышенность. А так мы сознательно сидим сверху, чтобы вам было страшно. Чтобы вы ощущали себя, как справедливо заметила моя коллега, червяком. Вы должны чувствовать себя так, будто находитесь на самом дне, а мызираем на вас, подобные богам, свысока.

— Ты понял, жалкое ничтожество?! — закричала Камилова.

— Разве суд не создан для защиты моих интересов? — удивился Барсуков.

— Это уже высшая степень наглости, — сказала Кабанова. — Приходит в суд и не знает, для чего он создан. Читайте кодекс, молодой человек! Суд — это вам не увеселительное заведение! Сюда нельзя явиться неподготовленным! Вы обязаны, придя сюда, тщательно изучить всю законодательную базу, регулирующую вопросы судебного производства! Понятно вам?!

— Но я не приходил к вам, — сказал Барсуков, — меня приволокли сюда силой. Эти два милиционера, — он указал рукой на стоявших в углу милиционеров, старательно подмигивающих Инне Свитерной. — Схватили меня на улице, когда я позволил себе высказать легкое неудовольствие действиями нашего правительства, посадили в машину и привезли к вам. Признаться, я надеялся, что вы разберетесь в этом деле и поставите их на место. Ведь мы, в конце концов, живем в правовом государстве, и здесь нельзя так просто хватать людей за то, что они имеют собственную точку зрения на происходящие в стране события.

— Ну, слава богу, хоть один вопрос выяснили, — с облегчением вздохнула Кабанова, — теперь хоть ясно, в чем вы обвиняетесь. Итак, вы политический преступник и демагог, распускающий гнусные сплетни о нашем прекрасном правительстве.

— Что за вздор?! — возмутился Барсуков. — Никакой я не преступник и не демагог, почему вы приписываете мне то, чего я не делал, и обвиняете меня в том, в чем я не виноват.

— Он все еще не понял, для чего нужен суд, — печально покачала головой Полубедрова.

— Поразительно, как вы непонятливы, молодой человек! — воскликнула Кабанова.

— В чем же моя непонятливость?

— Проклятая скотина! — закричала Камилова. — Ты снова имеешь наглость обращаться к судье?! Да сколько раз тебе объяснять, что ты червяк и вести себя должен соответственно! Не можешь ты обращаться к тому, кто сидит тебя выше и одет в черную мантию!

— Я могу подняться к вам и надеть точно такую же! — огрызнулся Барсуков.
— Неужели? — рассмеялась Кабанова.
— Конечно, — кивнул Барсуков, — тут подняться-то всего на несколько ступеней.

— Между прочим, у некоторых на это уходит вся жизнь, — улыбнулась Полубедрова.

— И до тех пор, пока ты сюда не поднялся, для нас ты червяк, — проскрежетала сквозь зубы Камилова.

— Больно мне надо к вам подниматься! — усмехнулся Барсуков. — Я не нуждаюсь в подобных вещах. Я и так вполне удовлетворен своей жизнью. И для того чтобы чувствовать себя человеком, мне абсолютно ни к чему натягивать на себя эту дурацкую мантию.

Тут Барсукову вдруг померещилось, что перед ним сидят не три судьи в черных мантиях, а сама смерть в трех лицах, в темном своем одеянии. Барсуков вздрогнул, и видение тут же рассеялось.

— Ладно, не будем тянуть понапрасну. Приступим к делу, — проговорила Кабанова. — Что именно вы говорили о правительстве?

— Я просто сказал своему приятелю, что, по моему мнению, нынешнее правительство заботится не о гражданах, а о самом себе. На мой взгляд, правительственные чиновники заняты лишь тем, чтобы набить карманы бюджетными деньгами. Тут вдруг меня схватили эти двое молодцов, — он снова посмотрел в сторону милиционеров и увидел, что они теперь сидят вместе с Инной Свитерной на полу и распивают бутылку вина, — и притащили сюда.

— Понятно, — сказала Кабанова. — Что ж, ваше дело становится куда серьезнее, чем я думала. Такое мы до обеда не рассмотрим.

— Помилуйте! — воскликнул Барсуков. — Чего же здесь серьезного? По мне так это очевидная вещь — нарушение свободы слова и права гражданина на частное мнение.

— А по закону это называется бездоказательная клевета, порочащая честь и достоинство членов правительства.

— Да что за ерунду вы городите?! Какая еще клевета, черт возьми!

— Элементарная клевета, — сказала Кабанова. — Ведь вы при свидетеле заявили, что убеждены, будто члены правительства перекаладывают в свои кошельки деньги из государственного бюджета. А где ваши доказательства?

— Что за ерунда?! Я же сказал об этом приятелю! Кроме того, это мое личное мнение. Подозрение, если хотите. И доказательств у меня нет. Они мне ни к чему. Но думаю, что при желании их не так трудно получить. Достаточно сравнить сумму их оклада и уровень жизни, которую они ведут. Готов поспорить, что уровень жизни куда выше, чем тот, что на подобный оклад можно себе позволить.

— Это хамство, — покраснев, сказала Камилова.

— Почему же? — удивленно поднял брови Барсуков.

— Во-первых, Барсуков, положите брови обратно на пол, — сказала Камилова, — а во-вторых, эдак можно договориться до того, что и у судей уровень жизни не соответствует получаемому окладу.

— Ну и что? — спросил Барсуков, аккуратно положив брови на пол.

— А то, что исходя из ваших слов можно предположить, будто бы судьи иногда берут взятки, — покраснев еще гуще, сказала Камилова.

— Что ж, думаю, и такое бывает.

— Такого не бывает! — сказала Кабанова. — Ведь если бы хоть один судья когда-нибудь взял взятку, об этом непременно стали бы где-то говорить или писать, а этого не происходит. Стало быть, судьи никогда не брали взятки. Да и не могут они их взять, потому что в судьи принимают лишь самых честных и самых нравственных граждан.

— Понял, урод? — спросила судья Камилова.

— Понял, — ответил Барсуков, мрачно разглядывая лежащие на полу брови. Те никак не желали лежать спокойно, постоянно хмурились и нервно подергивались.

— Я требую адвоката, — сказал Барсуков и тут же поразился киношности этой фразы.

— Все требуют адвоката, — улыбнулась Полубедрова. — А лично мне — жарко!

И Полубедрова сняла с себя мантию, блузку, лифчик, юбку, туфли и вскоре сидела абсолютно голая.

— Разве ж это суд? — возмутился Барсуков. — Это бордель какой-то!

— Выпишете ему штраф за неуважительное отношение к суду, милочка, — сказала Кабанова, повернувшись к сидевшей от нее по левую руку Камиловой.

— Уже пишу, — ответила, улыбаясь, Камилова.

— Но почему судья сидит совсем нагая во время заседания?! — воскликнул Барсуков. — Разве это нормально? Разве суд не должен быть для своих граждан камертоном нравственности?

— Тебе сколько раз повторять? — прошипела Камилова. — Не тебе говорить о судьях. Полномочий таких у тебя нет. Понял?!

— Беспредел какой-то, — пробормотал Барсуков, оглядываясь по сторонам в поисках какой-либо поддержки.

Но поддержки нигде не было. А Инна Свитерная всюду целовалась с милиционерами. То с одним, то с другим.

— Они мне оба нравятся, — засмеялась она, поймав на себе взгляд Барсукова.

— Я требую адвоката! — вспомнил Барсуков.

— Ишь чаво захотел, адвоката! — проворчала вошедшая в зал старуха-уборщица. — А ты хоть знаешь, почем адвокаты нонича? Адвокаты-то не каждому по карману-то! Так-то вот! Шобы адвоката-то нанять, зарабатывать хорошо надо!

— Государство должно предоставить мне адвоката бесплатно, — неуверенно возразил Барсуков. Как и у любого гардеробщика, больших денег у него, конечно же, не водилось.

— Ладно, обойдемся пока без адвоката, — произнесла обнаженная Полубедрова, поглаживая бедра. — Давайте лучше потанцуем.

— Нет. Для начала мы должны вызвать свидетеля обвинения, — сказала Кабанова.

— Добрый день, — поздоровался вошедший в зал человек с бородой.

— Здравствуйте, Никифор, — сказали по очереди судьи, будто три головы Змея-Горыныча.

— Здрасьте, здрастьте, — сняв шляпу, поклонился человек с бородой.

— Итак, вы свидетель, — сказала Камилова.

— Да, я свидетель, — согласился человек с бородой. — Вообще-то я работаю судебным приставом при нашем суде, но в данном случае я, безусловно, свидетель. Причем, прошу заметить, свидетель независимый.

— Совершенно верно, — с довольным видом кивнула Кабанова.

— Вот только я забыл, я свидетель защиты или обвинения?

— Обвинения, — подсказала Кабанова.

— А я буду танцевать! — воскликнула Полубедрова и, выбежав из-за стола, закружилась в танце.

— Вот в кого превратилась Фемида, — мрачно произнес Барсуков.

— Что вам не нравится? — нахмурился человек с бородой. — Ее нагота, между прочим, лишь символ женской красоты, правящей в этом здании.

— Это я уже понял, — кивнул Барсуков. — Кстати, а где судьи-мужчины? Почему меня судят лишь женщины? Неужели они все выродились?

— Будто бы вы не знаете! — прервав поцелуи, произнесла Инна Свитерная. — Все мужчины давно уже работают милиционерами и гардеробщиками.

— Проклятые уроды! — проговорила Камилова. — Всю жизнь мне испортили!

Спустя секунду Камилова заплакала, и слезы громко забарабанили по секретным судебным документам.

— Но ты мне за это ответишь! — сказала она, злобно взглянув на Барсукова. — Ты ответишь мне за все нанесенные мужчинами раны!

— Что за вздор?! — вскричал Барсуков. — Я не желаю, чтобы меня судили подобные люди! Это безумие! Вы все психически нездоровы!

— Я как символ весны! — засмеялась Полубедрова, кружась все быстрее.
— И вечной женственности! — добавил, улыбаясь в бороду, Никифор.
— Дрянь какая! — проговорила старуха-уборщица.
— Итак, свидетель Никифор, расскажите нам, что вы видели, — попросила Кабанова.

— Я видел, как обвиняемый совершил преступление! — прошептал, будто по секрету, Никифор.

— Какое именно преступление? — спросила Камилова, утирая слезы.

— Ужасное! — произнес Никифор.

— Спасибо. Нам этого достаточно. Свидетель, вы свободны, — сказала Кабанова.

— Эй, постойте! — вскричал Барсуков. — У меня тоже есть вопросы к свидетелю!

— На том свете задашь свои вопросы! — проскрежетала Камилова.

— Действительно, — кивнула Кабанова. — Ну какие у вас могут быть к свидетелю вопросы? Чушь! Вздор!

— Во-первых, где и когда он меня видел? Во-вторых, что именно я говорил? В-третьих, что конкретно я совершил? В-четвертых, почему сотрудник суда выступает в этом суде в качестве свидетеля?

— Удивительно глупые, бессмысленные вопросы! — сказала Кабанова. — Мы не можем из-за такой ерунды задерживать свидетеля.

— К тому же ему надо работать, — добавила Камилова.

— Я символ женской красоты! — снова засмеялась Полубедрова.

— И я! — закричала старуха-уборщица и тоже стала кружиться.

— Свидетель, вы свободны, — проговорила Кабанова.

— Спасибо, — сказал человек с бородой и неспешно двинулся к Полубедровой, которая в этот момент как раз упала на пол.

— Что, милая, голова закружилась? — спросил человек с бородой.

— Типа того, — сказала Полубедрова и, сев на корточки, попыталась уснуть.

— Сборище сумасшедших! — пробормотал Барсуков.

— Смотрите, — сказала Камилова, повернувшись к Кабановой, — он все еще продолжает заниматься клеветничеством.

— Должно быть, молодой человек думает, что ему все сойдет с рук, — нахмурившись, сказала Кабанова. — Нам придется его в этом разубедить.

— Людям, которые способны наглотать до такой степени, нужно показывать, на что способна власть, — кивнула Камилова.

— Так, я ухожу из этого балагана, — произнес Барсуков. — Возможно, у меня и нет власти, возможно, я и не занимаю высокой должности, но я, по крайней мере, в своем уме. Я ухожу!

— Стоять, собака! — вскричала Камилова.

— Я не собака, — сказал Барсуков. — А вы не судите и не судимы будете! На каком основании... по какому такому праву вы считаете, что...

— Ну, это ты заврался, заврался, — сбривая бороду, засмеялся Никифор. — Всем нам давно известно, что ты бы и сам, если б имел возможность, сел на их место. Но такой возможности у тебя нет. Вот ты и бегаешь туда-сюда, похожий на пеликанчика.

— Ты-то сам на кого похож? — огрызнулся Барсуков.

— Ну, на судейского чиновника я не похож, — проговорил Никифор, пытаясь разбудить Полубедрову, — я больше похож на клоуна.

— Вот именно! — сказал Барсуков. — И чем вы только тут в суде занимаетесь?

— Ну, пиво мы пьем каждый день, — проговорил милиционер № 1, который ждал, пока Инна Свитерная вдоволь нацелуется с его напарником и вновь уделит внимание ему, — только количество варьируется от двух до десяти бутылок. И еще мы пьем вино. Вино мы покупаем дешевое. С краниками.

— Позорище! — только и сказал Барсуков.

— Сам позорище! — проговорил человек, сбравший бороду.

— Надо наказать его наконец, — сказала Камилова.

— Да, мы должны вынести ему приговор, — кивнула Кабанова. — Строгий, но справедливый.

— Есть хочется, — сказала проснувшаяся Полубедрова.

— Да, сперва надо сходить на обед, — согласилась Кабанова.

— Пообедаем и приговорим, — сказала Камилова, — нечего из-за этого ничтожества голодать.

— Я слышала, сегодня должны быть пирожки с тушеной капустой, — произнесла Кабанова.

— Лично я буду компот, — сказала Полубедрова, накидывая мантию на голое тело.

— Стойте! — завопил Никифор. — Я так хотел поцеловать ваши голые ноги! В особенности ступни!

— Я прикрыла свои бледные ноги, — эрудированно ответствовала ему Полубедрова.

— А я борща наверну, — сказала Камилова. — Борщ лучше всего выражает мою женскую сущность.

— Мы не пойдем, — милиционер № 2 почесал пальцами похожий на брюкву нос, — у нас с собой чесночные бутерброды.

Похожий на брюкву нос звонко чихнул.

— А вас никто и не приглашает, — сказала Камилова. — В столовую пускают только работников суда.

— И свидетелей, — добавил Никифор.

— И свидетелей, — согласилась Камилова.

— А преступникам там не место, — Кабанова сурово посмотрела на Барсукова.

— Преступников надо наказывать! — сказал Никифор.

— Мы обязательно его накажем! — проговорила Кабанова.

— После того как пообедаем, — добавила Камилова.

— После того как прожужим пирожки с капустой, — сказала Кабанова.

— И поьем компоту, — произнесла Полубедрова.

— И навернем борща, — сказала Камилова.

— Вот тогда, на сытый желудок, мы придем и, вспоминая про вкусные пироги, посмотрим в глаза этому ничтожному червяку-преступнику и вынесем приговор.

— Прежде всего это будет приговор нашей судебной системе! — сказал Барсуков, гордо скрестив на груди руки.

Судьи, а вместе с ними и Никифор с уборщицей, молча покинули зал. Барсуков сел на скамью и принялся ждать. Он смотрел то на втянувших его в эту беду милиционеров, то на часы. Минуты шли, а судьи все не возвращались. Когда прошло полтора часа, Барсуков не выдержал.

— Какого черта они там делают? — вскричал он, глядя на целующихся с Инной Свитерной милиционеров.

— Не кричи! Кричать не разрешается! — еще громче прокричал милиционер № 1.

— Идиотизм! — сказал Барсуков и снова принялся ждать. Прошло еще сорок минут, но судей было не видно и не слышно.

— Это безобразие! — прошептал Барсуков, помня о том, что кричать ему запретили. Сколько я еще должен ждать?

Но никто ему не ответил. И тогда Барсуков закрыл глаза и начал думать о том, как здорово ему жилось, пока он не попал в этот ужасный суд. Он уже даже готов был заплатить за злосчастную рыбу, из-за которой влип в эту историю, втридорога — и на секунду ему почудился рыбный запах, потом вспомнился вкус пива, которое они пили с Метелкиным, и он уснул.

— Вставай! — разбудил его крик милиционеров.

— В чем дело? — спросонья проговорил Барсуков.

— Тебя приговорили к смертной казни.

— Что?! Когда это?! — Барсуков даже со скамейки вскочил от этой новости.

— Когда это? — передразнил его, противно кривляясь, милиционер № 2. — Пока ты спал.

— Но как же так? — растерялся Барсуков.

— А нечего было ворон считать, — сказал милиционер № 1.

— Но это же... чудовищно!

— Хватит болтать, торопиться надо! — сказал милиционер № 2.

— Куда? — в страхе спросил Барсуков.

— Исполнять приговор! — милиционеры схватили Барсукова под руки и повели его куда-то далеко-далеко — туда, где кончается жизнь.

СТИХИ

Любовь Глотова

Андрей Хамхидько

Анна Грувер

Дмитрий Курилов

Ольга Мельник

Дмитрий Гасин

Елена Захарова

Дмитрий Гузь

Надя Делаланд

Сергей Славнов

Молодые, «хорошие и разные»...

Интересная подборка! Скучать не приходится. Тут и там вспышки живого таланта, если в целом — то все участники хорошо владеют словом, успешно добиваются прямого соответствия формы и содержания. Прочтете — убедитесь. Я же хочу отметить любопытный факт: подборка отчетливо делится на два рукава: на творчество молодых поэтов, которым двадцать-тридцать лет, и тех, кто постарше. К первым относятся Любовь Глотова, Елена Захарова, Ольга Мельник, Анна Грувер (почему-то в данном случае — ни одного юноши!). И что характерно — все отличаются одаренностью и... похожей интонацией, повествовательно-разговорной, ровной, порой даже приглушенной, похожей на раешник, исходящей от стихотворно-прозаического стиля, открытого Бродским. Вот, например, Глотова:

У Змея Горыныча
работенка на площади рыночной:
рыночному народу
кипятит воду,
разливает чай,
продает горячие пирожки.
А по ночам
сочиняет стишки.

Это сверстникам нравится. Отстраненность с определенной долей лукавства, игра смыслов. Такие интонации, такой менталитет весьма близки данному поколению.

Иное дело у молодых, которые постарше. Это Надежда Делаланд, Сергей Славнов, Андрей Хамхидько и три Дмитрия — Гузь, Гасин, Курилов. У них немало публикаций и литературного опыта, их имена звучат не впервые. И у них больше интонационного разнообразия, разлета тематики. Вот Дмитрий Гузь. Бравада, грубоватая самоирония и вдруг — выстраданный прорыв, повеяло драматизмом и верой:

Чем дольше я живу, тем больше верю в Бога.
Чем строже верю я, тем мне спокойней жить.
Я знаю, что уйду и кончится дорога,
Но не померкнет свет, не оборвется нить.

Пронзительные лирические ноты отчетливо слышны у Сергея Славнова:

Эту зимнюю тишь, эту длинную ночь,
этот город, уснувший в снегу,
я могу перепить, перепеть, перемочь,
но вместить никогда не смогу.

Лирика лирикой, саксофон, гитара и скрипка, но наш маленький оркестр был бы неполным без звука трубы и барабана. Эту роль в данной подборке исполняет Дмитрий Курилов. Громко и резко:

нас не мочат не глушат
не ведут на расстрел
нас наверно засушат
как траву чистотел

и воспитанный в лести
равнодушный к стихам
сложит новую песню
торжествующий хам

Вечные крайности. Одна: искусство для искусства. Другая: искусство должно служить народу. Обратимся к Пушкину. Он за первое? — «...не для битв, / Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв». «Цель поэзии — поэзия». И — «Подите прочь! Какое дело / Поэту мирному до вас!» Но он же за второе: «...долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал, / Что в мой жестокий век восславил я свободу...»

И то и то правда. Служить поэзии и воспевать свободу — это вовсе не разные принципы, а единое в своей цельности призвание поэзии. Другое дело, что перевес в ту или иную сторону зависит от особенности конкретного творца и от конкретного времени.

Не в первый раз пишу вступительные слова к сборникам или подборкам молодых поэтов. И с каждым разом всё определенной испытываю, так сказать, амбивалентные чувства. С одной стороны — это радость, что неуклонно и щедро прибывают новые и новые таланты. С другой — ожидание, сродни голоду — когда же наконец появится тот, кто много на себя берет, кто предъявит себя как наследника русской поэзии, ответственного за ее живое продолжение. Это пусть рискованное, опасное, но прекрасное самозванство.

Примерно сто лет назад стало модным — и в этой сомнительной моде было живое рациональное зерно! — называть себя первым и единственным.

«Предо мною другие поэты — предтечи», — вызывающе заявил молодой Бальмонт. — «Я, быть может, последний поэт», — подхватил Маяковский. — «Говорят, что я скоро стану знаменитый русский поэт», — не отставал Есенин, уже не говорю о знаменитом: «Я, гений Игорь Северянин!»

Через полстолетия, когда молодое поколение поэтов вырвалось из тисков соцреализма, похожим, почти подобным образом заявили о себе Евтушенко и Вознесенский (последний громко выкрикнул: «В прозрачные мои лопатки / Вошла гениальность, как / В резиновую перчатку / Красный мужской кулак»).

Сегодня, после мощного, но скептического Бродского, а верней — после резкой смены уклада и разочарования из-за мировых последствий двадцатого века, в поэзии возобладали интровертные тенденции, неприятие внешнего мира, эмиграция в себя самого, отдаление от читателя (я сейчас не касаюсь внешних — рыночных — причин).

Однако оправдана ли ностальгия по прошлому? Возможно ли повторение пассионарного всплеска русской поэзии начала прошлого века или поэтического бума шестидесятых?

Увы. Роль поэзии в обществе существенно и необратимо изменилась. Ее социальная функция уже никогда не будет востребована так, как прежде, когда она была живым оазисом в пустыне мертвой речи. Пусть эта функция не исчезла, но ее действие ограничено.

Действует на этом поле Дмитрий Быков, популярны Емелин, Родионов, Орлов (Орлуша). Вместо стадионов у них газетная полоса, а чаще — интернет. Нельзя, однако, не видеть и другое «крыло». Общество болезненно расколото — слепая ненависть, злоба и кликушество тоже рождают своих стихотворцев — они бесконечно хоронят Россию, оплакивают вчерашнюю империю, ищут (как правило — мнимых, мифических) внешних и внутренних врагов.

А в европейской поэзии возобладало пристрастие к герметичным, элитарным, изошренным текстам — к внутрицеховым, замкнутым на себя достижениям, пренебрежительно оторванным от нормального читателя. Общение с живыми современниками предоставили уличным бардам...

Слава Богу, русская поэзия еще не состарилась, в ней достаточно жизненной энергии, потому я верю в ее будущее — пусть в иных условиях оно будет иным. В талантах недостатка нет. Личности встречаются редко. От всей души желаю молодым сильным чувствам, отважного характера, ненасытной открытости миру. Мало быть мастером, да будет личность!

Кирилл Ковальджи

Любовь Глотова

* * *

это чувство к тебе я коплю в специальной копилке
кидаю в нее случайные взгляды прикосновения
в голове у меня солома и пух в твоей металлических опилки
поэтому одна надежда на встречу во сне
или в Сене

в этой реке вряд ли плавают нормальные люди
но скажи мне кто из наших друзей нас назовет такими
и когда мы во сне видеться больше не будем
мы поедем к реке с теплым соломенным именем

я нырну в нее ты окажешься неподалеку
и конечно ведь ты героический и самый лучший
тут же прыгнешь спасти меня выловишь пальцами мокрую
вынесешь на берег и бросишь одну на суше

попытаюсь вдохнуть и пойму что дышать не нужно
попытаешься выдохнуть и подумаешь разучился
мы на собравшихся поглазеть поглядим сконфуженно
и прыгнем обратно не помня слова и числа

и если кто-то скажет что я суицид воспеваю
я отвечу это образ а я суету отпеваю

и если кто-то скажет что рифмы пошли глагольные
я поспорю с ними ведь рифмы растения вольные

их не привяжешь не вырастишь их в теплице
на них дождики ливни и снега должны пролиться

и зеленые
сочные
вырастут такие как есть

а я буду думать
какую
кому
прочесть

Облако

•

он облако он озеро в осколках
дневного света

•

я печаль свою никому не дам я ее оставлю своим годам
пусть они почтят ее и простят только если голуби прилетят
и в решетку биться мою начнут то печаль мою каменную качнут

•

в темном холодном царстве обрастаю картошкиной кожей
ни на кого не похожий посторонись прохожий
руки твои ветви ветви твои пальцы
раз пролетал ветер тебя называл скитальцем
раз прошмыгнул полем перекасти-поле
назвал он тебя бродягой назвал тебя доходягой

•

чуть пробирались звезды из полутьмы облаков
будто опавшие листья под ногами шурша
не пей со мной звездное млеко
из одного ковша

•

постелив себе степь занавесив окно чем попало
я как велено было к врачам обращаться не стала
только о нибелунгах об игоровом полку
только солнечными лучами по потолку

•

вот я усну и уснете вы
и нам будет сниться речной песок
так сладко мороком сон-травы
нас вечер облаком обволок
река во сне унесет тоску
и сблизит дальние берега
и мы пойдем с тобой по песку
в песке проваливаясь слегка

* * *

нету опции разлюбить
в наших дебрях водорослевых
но не принято о любви
кушай праздничный оливье
не получится объяснить
слов не хватит мне а без них
только стертые письма
празднуй праздник свой без меня

* * *

Провода висят на столбах,
как морщинки на лбах,
а между морщинками небо
с облаком на губах.

Под облаком желтый лучик.
Я думаю, это Фучик
Юлиус.
Он говорит:
«Люди,
люблю я вас!» —
и горит.
«Будьте бдительны,
мои удивительные!» —
и горит.

* * *

Одиночество-мужесыночество,
научи, что сказать отцу.

Вот,
допустим,
прошу его —
отче,
дай поглядеть в глаза
твоему лицу.

Вот,
допустим,
взять хочу под руку,
вместе зайти в дом.

Но слышу,
шелестит крыльями,
невидим и невесом.

Улетает,
а я пересыпаюсь
из одного в другой
сон.

Каждому древу, зверю любому

•

в начале был первичный бульон
(или первичный плов
возразит узбек)
но не важно что именно было
потому что не было слов
все говорят было слово в начале
и все-таки не было слов
и варился в своей печали
не ведая о добре
бульон на адамовом на ребре

•

вот прежде
бродили себе динозавры
и прочие аммониты
и не знали что они динозавры
не знали что они аммониты

а нынче мир не таков
кубиками бульон пирамидками плов

•

страшно себе представить дикий мир безымянный
да ведь солдатик мой оловянный

(без ребра вояка да без ноги под глазами круги от ночи бессонной или тоски
беспробудной в этой жиже бульонной словно в степи безлюдной ногу вторую
бы и убежать но куда бежать лучше уж так лежать в суете побрякушек как
в коробке игрушек нечем дышать)

•

а после возник язык
сперва неловок и невелик
только ага да угу да я дальше идти не могу
только угу и ага разболелась моя нога

а после каждому древу зверю любому
досталось по имени словно дали по дому
а некоторым тварям досталось по паре имен

вот тебе и бульон первичный
только ага и угу вот тебе и рагу

* * *

У Змея Горыныча
работенка на площади рыночной:
рыночному народу
кипятит воду,
разливает чай,
продает горячие пирожки.

А по ночам
сочиняет стишки.

А по ночам
звезды болтают с его душой.

И он сочиняет левой башкой,
потому что левша левшой:

«Космос такой большой,
и рынок такой большой...»

* * *

Выйдешь со дна на берег, долго идешь пешком
в гору, в город с золотым петушком
на единственной башне, на умной башке.

Это твоя родина, с родинкой на гребешке,
в любую дверь постучишься, за каждой тебе — приют,
а они говорят:
там воруяют и пьют,
воруют и пьют.

Это твоя родина, в ней кто брат тебе, тот и волк,
ей много названий разных, одно из имен:
совок

(из детства песочничного, из окающего далека
слово, в нем мутная, невыговоренная тоска),
прихлопываешь по ведерку — что там, кулич или пирожок.

И, шелковая бородушка, с башни слетит петушок,
он клонет по темечку времени в дышащий родничок,
а тебе нет еще года, ты никому, молчок.

Взлетают ракеты, шумит ракита,
спит братец серый волчок,
у тебя зарастает темечко,
времени родничок.

Андрей Хамхидько

* * *

А может, по-простому — взять
Билеты в Тверь,
Напиться на вокзале.
Лечь на асфальт,
Закрыть глаза и видеть
Пустое небо
Опрокинутой столицы.
И уронить желтеющую книгу,
И, поднимая, не забыть страницу.
И дочитать на волжском берегу.
И птиц кормить,
Кричащих в темноте,
Что Тверь не та
И мы уже не те.
И на углу поломан телефон —
Испорчен так,
Что скажешь — отзовется
Молчанием. На том конце Бейрут.
И карты врут,
И звезды тоже сбиты.
А может, без коня и свиты
Уйти неслышно
К горным пастухам
И на свирели нацарапать имя
Чужой жены
И перейти к стихам.

* * *

Мы были здесь,
Похожие на вальс
В пустом ангаре.
Нас окликнут скоро —
Мы постоим
На красном светофора.
И оглянемся —
Песня не про нас.

Мы жили так,
Как учат словари, —
В углах всегда
Движенье паутины.
Нам скоро желтый,
Как и в прошлый раз.
Для нас они
Изобретали джаз
И примеряли
Револьверы к спинам.

А здесь апрель
Как будто бы грядет,
Мы смотрим весело.
«Весну в Фиальте»
Про нас напишут,
В насморчном марте
Чай из малины
И цветочный мед

Нам принесут,
Как прежде холода,
Почти зеленый
Нас отправит следом
За ними. Мы,
Забутые под пледом,
Забудем это
Раз и навсегда.

Собаки бродят,
Полные чудес
Непостижимых
Превращений пищи,
И ничего
Давно уже не ищут.
И паутина
Догоняет лес.

Воронежское

И будет молчащий услышан,
Не понят и проклят.
И чье-то предчувствие осени
Не обманет.
И мир, разделенный навечно
На тех, кто любит и знает,
Его не забудет, конечно,
Припомнит, помянет.
Его имена
За бортом знают рыбы,
Играют с селитрой
Уставшие дети,
Войну отражая глазами.
Война — его дом,
Жена его и пол-литра.
И тишина без конца
Нас меняет местами
С ним, знающим, как
Крылья ложатся на плечи,
Щекочут, щекочут, щекочут
До этого до упаду.
Мы так далеки,
Но ищем друг с другом встречи.
И хочется пить,
Так дайте хоть лимонаду!

За миг до глотка
Мы вспомним названия улиц,
Уйдем из сетей
Тенями Кольцовского сквера.
Еще поворот —
Кольцовская, дальше — налево.

И потом еще долго глядя
В помутневшие пузыри
Запотевших окон,
Мы, узнавшие, что
Чудеса неизменно приходят сзади,
Будем слышать —
Крылатые
Покидают
Кокон.

* * *

Ручных синиц
Кружение уже
Не скажет «нет»
На верхнем этаже,
Не крикнет «да»,
Сжигая города.
Встает чуть свет,
Уходит навсегда.
Звон кола солнца
Ветром под дугой
Мне скажет: «Ты»,
Да я уже другой.
По чешуе,
По голосам ручья
Мне непонятное
Войдет во сны. Кричать
Твоих имен беззубые стихи —

Все, что осталось, —
Мне не даст руки
Ни свет,
Ни тьма,
Ни белое стены
На крыльях до
Той стороны холма.
Наверно, это
Исполнение снов.
Рецепт так прост,
Что лучше и не знать.
Живя в лесу —
Не наломаешь дров,
Всю зиму думая,
С чего начать.
Всю зиму думая,
Все весны напролет,
Поняв, зачем,
Так медленно кружа,
Все падало,
Дотронуться ножа
Сухим запястьем —
Видеть: дождь идет.
А летом нас
Укроют поезда.
Нам скажут «нет»,
Но будут слышать... — мы
Всегда боялись белого — зимы,
Затем теперь не зажигаем свет.
Ручных синиц
Кружение уже
Меня ведет
Сквозь «да» умения жДАть.
И крошки хлебные,
Как глина на ноже —
Настолько остром,
Что рукой не взять.

* * *

На Васильевском,
Трясаясь от близости океана,
Мы учились
Отделять тепло от стекла
Стакана,
Не пьянея,
Не провожая взглядом
Корабли.
Истина где-то рядом.
Двор-колодец.
Все начнется не здесь,
Не с нами.
Мы искали ответа в Летнем.
Август в окна бросался снами,
И бессонниц слепые слепни
Пили чай на знакомой кухне.
Даже малая доля дюйма
От земли — бесконечно много.
Мы висели клубами дыма,
За окном — не туда дорога
Начиналась, мы ждали чуда.
Чудо было за каждым словом.
Все дороги вели отсюда,
Но потом возвращали снова
В города, по которым плачут,
Где не ходит другая почта,
Кроме снов, и никак иначе.
И в парадных так пахнет
Ядом
Океана и винных пятен,
Точно,
Истина где-то рядом.
Мир так тесен. И непонятен.

Крымское

предположим даже голуби долетают
врагу темно
а крыльям не надо света
вся империя держит пальцы крестом
не поможет и это

ни быстрый перевод взгляда
ни хождение по комнатам
ни чай в полтретью не спасают
поезда движутся
в кранах достанет яда
стаканы звенят все ближе к краю

предположим даже время не лечит
а как и все остальные книги
стоит на полке
вся империя курит дрянной табак
и воют волки
из попутчиков только млечный

путь а он беседу поддержит едва ли
от пива откажется
ему карт не сдашь
сделан из газа и лязга стали
в общем тот еще
персонаж

предположим в конце каждой спешки крым
как ни кидай рубли
падают верхом вверх
выйдешь за солью
вернешься совсем молодым
черное море на пальмах снег

Вишневое варенье

Вишни цвели
Дольше обычного.
Дело к войне —
Дело привычное.

Вишни варили
В сахаре розовом.
Небо на юге
Очень уж грозное.

В дом над рекой
Ветры случайные
Птицей прибили
Вести печальные.

Плачет заря
Рыжими веками.
Стынет варенье —
Есть его некому.

Анна Грувер

Пустыня

Бумажные самолетики рвутся с ниток в окно, поздно держать за хвосты.
Я разделил всю историю на две части, но вместо плюсов видел кресты.
Встречая январь, я простыл. Я потерял перчатки. Я подобрал кота.
Снова зима в моей кухне — кофе пролит на стол и не исправна плита.
Я не придумал оперу. Книгу не написал. Я не открыл новый участок суши.
Так забывать день за днем великаном в доме, который разрушит...

Я свои страхи прятал в кладовке. Я тайны свои пеленал, как пеленают нелюбимых детей, как некрасивых кукол. В чем же его вина — зайца с оторванным ухом? Свертком остался в пыли, из паутины в тихой своей колыбели. Вот и твоя гильотина, умирающий Буратино, — так засыпай (песком). Сплетены сказки корней, ветра и каракурта, вот твой последний театр — снов, лихорадки, теней, театр абсурда.

Ключ хоронил у обочины (детство не отмолить, будто самоубийц).
Снился потом караван солдат и Щелкунчиков. Стая больных синиц в небе летела. Крылья их перебиты в мертвой последней петле...
Так и приходит старость, маленький добрый принц, — в саване из пергамента? в рыхлой сырой земле?

Нет иероглифов с пламенем — древних времен язык — как у собак, шершав.
Так обнимал колени и на окно дышал, в комнатах свет погасив.
Прятал лицо в съеденный молью вязаный длинный шарф.

— Антуан,
отдайте ему мою розу! и заберите все, о чем он просил!

Город

1

Гаражи подслушивают. Гаражи разевают железные пасти,
их темнота и сырость, их одиночество хочет меня сожрать.
Я клянусь, скрестив за спиною пальцы, не красть и
не танцевать на лезвиях крыш и ночей. Мне наплевать
на законы, заборы, решетки —
цепью и клеткой, верой и правдой вам не удастся меня держать.

...Я боюсь черных птиц, отражений в воде. Я — ничей.
Его пальцы — сталь. Город стал мне мал,
он молчал и курил, когда я выросал.
Он курил, а я клялся не вешать нос, не терять ключей.
«Отпусти» — прочти в тишине по губам. Господи, я устал.

Так пришел сентябрь. Я смотрел с моста, как гремит вокзал,
как уходят в прошлое поезда, как гудит земля и по рельсам дрожь,
как деревья рвутся с корнями вдаль, и у боли были твои глаза,
обжигал мне кожу холодом нож.
Город молча курил, а в небе — луна и грош.

Я все клялся, что больше не буду врать, саксофон и ветер заменят мать,
и что буду кормить бродячих собак,
только стал я одной из них.
Только, Господи, я не знаю, как, но попал в этот город из пыльных книг,
этот город любит только табак, онемевший седой старик.

Я устал искать путь назад.
Я поклялся вернуться в срок, опоздал, а теперь, не зная дороги, хочу бежать.
Забери меня, Тень, и приходи к ногам. Я хочу опять перестать расти.
Отпусти меня, Господи. Отпусти!

...Оставайся —
 в этом городе ты никому не нужен.
 Чай остыл, снег растаял, твой карточный дом разрушен.
 Отраженье тебя не узнало в витринах и в грязных лужах:
 ты стареешь не изнутри —
 ты стареешь (как все) снаружи.

— Меньше думай и больше ври, —
 в унисон нараспев — поезд, литература, виски.
 Перемешаны пазлы:
 вчерашний сон,
 нарисованный холм Капитолийский,
 ее резкий смех и дрянной английский,
 а на утро — похмелье, и такое низкое
 небо — только
 шагни
 вперед...

Ты в ухмылке Джокера кривишь рот,
 пароходы мира и моря отбой по тебе трубят,
 ты играешь в покер, но карты играют — против тебя,
 и там-там играет — в тебе, а она играет — тобой.
 Ты устал жить на ощупь, словно слепой.

Оставайся.
 Тебя разыграют в цирк, тебя разыграют в тир.
 Развинтят, заново соберут. *О дивный и новый мир*
 затянет на шее в петлю резиновый жгут.
 Маски рыб, крокодилов и птиц
 без сердец и без лиц
 над тобою уже начинают суд.

Если ночь расколется

Если ночь расколется, пусть сперва проломит мне крышу.
Бросьте ворованные «чувствую», хватит ваших «предвижу»!
Утро щекочет трубы домов пером взъерошенным, сизым.
Я не пишу записок, я не люблю письма, я уйду по карнизу.

Кукольный марш по улицам — косятся, морщатся, плятятся.
Ах, на затылках бантики, ах, на ключицах платьица,
ах, ну все вы красавицы, только прогнило яблочко,
только червиво, только внутри... ах, достаточно?
В землю врасти корнями, семечко горькое, горькое!
Я промолчу, не задену плечом, утро мое тонкое,
утро мое — дунешь — картами в небо, птицами,
тронешь его пальцем — пеплом и пылью осыплется.

А по проспектам, а в рассыпную трамваи катятся —
на остановках слепо и запоздало хватятся,
но не спасают зонтики от дождей и камней.
Время — пуля в висок, время — воздушный змей.
Время выходит тихо. И запирает дверь.
Если расколется ночь, больше не верь мне.
Не верь.

В тени украинских черешен

«В тени украинских черешен», — ты машешь руками,
словно взлетаешь, словно одними немymi губами
прощаешься: «до-сви-да-ния». Дания тебя встречает,
как сказочника со спичками: безумным ча-ча-чаем,
игрушечными домиками с не-имя-верным количеством
раскрашенных башен и придуманными приличиями.

«В тени! Украинских! Черешен!» — я маленькой рыжей
Пеппи — случайным мальчишечьим стеклышком выжженной,
пешкой сбежавшей пешком из слишком уж добрых книжек —

иду вверх торماشками среди воришек, вершин и вышек.
Заборов, калиток, соседок, соседей, собак, и созвездий, и вишен.
И я — многолика, я — иго-го-рука, я — Шива, и Брахма, и Вишну!

«В те-ни-и укра-и-инс-ких чере-е-ешен...» — в карманы
запихиваешь кулаки и запахиваешь пальто. И рванными
джинсами метешь тротуары, чушь — мелешь и донкихотишь,
кругом великаны, лесные пожары, фазаны — охотишь-
ся целыми днями в зарослях, в джунглях и прочих природ-
ах и ох (Алиса хохочет: о, бойся меня, Бармаглот!)

«В тени украинских черешен...» — устанем и сядем на мель,
на иглу и на берег. И будет вот это: «Ты веришь мне? верь!»
и это: «Ты врешь и краснеешь». Такое бывает во сне лишь:
часы отмеряешь шагами, шаги же — часами меришь,
и гори-гори-зонты съедают на завтрак солнце — дикое-дикое,
оно по кругу тарелки долго прячется зайцами-бликами.

В тени украинских черешен осенью — детской старушкой
листаю гербарий страниц. Прости все, что было, Пушкин!

Время убито

Время убито из лука. Крыша тихого домика — сито.
Вечер — чернильная клякса в окне чердака. Время убито.
Стоит ли плакать, Золушка! Песенка вовсе не спета,
из травинок и листьев — веришь? — будет тебе карета,
башня осыпалась картами, с корнем вырваны стрелки
в старых и грозных часах. Плакала полночь, сорвана сделка,
вот и тропинка узкая, вот оно — красно солнышко,
вот и рюкзак за плечами, вот и кроссовки, Золушка,
Золушка, скидывай туфельки, я завяжу шнурки.
Сердце... оставь себе, Золушка, я не прошу и руки.
Принцы уехали, Золушка, с цирком уехали, Золушка,
вот от шатра на площади — два с половиной колышка,
вот высыхает озеро от ледяного дворца.
Все забывается, Золушка, кроме его лица?

И не стереть из памяти слов его и дыхания,
вздохов его ли, взглядов ли... Вот и стихает
ветер, Золушка, кончен бал. Будет в шкафу заперто
платье твое, Золушка, рядом со старой скатертью,
рядом с гнилыми скелетами, рядом с твоим дневником —
вырви страницы, Золушка, и отпусти с рекой.

Стоит ли плакать, Золушка? Время убито, Золушка!
Вот чечевицы зернышко, вот и гороха зернышко,
капают слезы в колодезь, бьются о неба донышко,
время убито, Золушка.
Золушка, кончен бал.

Дмитрий Курилов

Питеру

Чудовище, воплощено в металле,
Над городом царит на пьедестале,
И серая река, позеленев,
Достоинно отражает царский гнев,

И в сумерках суров и дальнозорок
Воспетый Пушкиным опасный город,
И символом монаршего злодейства
Пронзает высь игла Адмиралтейства.

Кому грозишь, свирепый император? —
Окостенели Биржа и Театр,
И Невский обезлюдел, и мосты
Разведены давно. Усни и ты.

Куда там! Малахольному не спится,
Ему бы все с варягами возиться,
Под Нарвой снова прорубать окно,
Да с мэром пить заморское вино,
И напоказ, чтоб видела Европа, —
Принцессу выдавать за эфиопа.

Да полно, царь! Былая смолкла слава —
И Нарва откололась, и Полтава,
И тщетно тянутся персты золотые
В пространства равнодушные пустые.
Твой Китеж спит в болотистом раю.
Угомонись! Топчи свою змею!

* * *

Бессмертие нам так и не вернули...
Не все ль равно — в Москве ли, в Барнауле,
в постели, в кресле, на полу, на стуле,
в беспамятстве, в почетном карауле —

метнется пташка, разобьется чашка,
затянется последняя рубашка,
качнется в сизый мрак многоэтажка,
заплачет кошка — и привет, кондрашка!

Так, ни о чем, живешь, пыхтишь, бормочешь,
поешь, потеешь, хочешь и хохочешь,
пойдешь поешь, покуришь, опьянеешь,
засветишься и снова потускнеешь.

Так на фига педали и медали,
которые нам черти недодали.
Вокруг сияют звезды, блещут дали,
И столько воли, боли, пасторали...

Приплыли. Снизозшли. Не повезло.
И в каждой клеточке Добро и Зло.

Хохочет хахаль. Женится жених.
А я стою, как ряженный, меж них.
Невеста в белом. Дьявол в голубом.
И вечный путаник с высоким лбом...

О, обезьяны! Сколько в вас игры!
О, сколько солнца в капельках икры!
Я действую. Я открываю рот.
И пахнет мир, как свежий бутерброд!

* * *

нас не мочат не глушат
не ведут на расстрел
нас наверно засушат
как траву чистотел

и воспитанный в лести
равнодушный к стихам
сложит новую песню
торжествующий хам

в ней ни крика ни звука
ни глотка тишины
лишь морока и мука
вдрызг оглохшей страны

Кострома

В ручейках утонули кораблики.
Небеса, покачнувшись, уплыли.
Мою маму три раза ограбили.
Мою родину — похоронили.

Мы поставили дверку железную.
Мы укрыли окошко решеткою.
Помянули ее, бесполезную,
И залили, как водится, водкою.

И ушли переулками шаткими,
Растекаясь долинами низкими,
Где сороки трещат демократками
И дворняжки глядят коммунистками.

* * *

Соблазны тают белоснежками,
Зудят созвездья комарья,
И подрастают сыроежками
Мои продрогшие друзья.

Глотнув холодного и синего
Пространства, догоняя мысль,
И я расту, как подосиновик —
Хоть вкривь да вкось, но все же ввысь.

В усталый день откуда брошены
Навстречу зыбкой синеве? —
Хорошие, мы все хорошие,
Проросшие и непроросшие,
Запутавшиеся в траве.

Нас время, как грибник, уверенно
Срезает в самую жару,
Оставив лишь стихотворения,
Чернеющие на ветру.

* * *

Кино окончено. Киномеханик
Доел свой пряник, потопил «Титаник»,
Убил и Цезаря, и Клеопатру
И показал язык кинотеатру.

Кино окончено. Последний зритель
Уходит в ночь, застегивая китель,
Позевывая, полузасыпая,
Как питекантроп, изгнанный из рая.

Пойдем и мы с тобой, в ночи маяча,
Поллитру пряча, ничего не знача,
Герои предпоследнего парада
В блудливых огоньках земного ада...

Кино окончено. А где же чудо?
Христос распят. Повесился Иуда.
Погиб поэт, уехал Рабинович
И выбросился из окна Петрович.

И что же дальше? — скомканное утро,
С крючком заглоченная «Камасутра»,
И трезвый диктор, что всех нас разбудит
Беззубым хохотом: «Кина — не будет!»

* * *

Чертежники не виноваты,
Что чертежи их кривоваты.
Пирожники не виноваты,
Что пироги из стекловаты.
Мошенники не виноваты,
Что их клиенты туповаты.
Волшебники не виноваты,
Что фокусы их плосковаты.
Не виноваты и солдаты,
Что их ведут дегенераты.
Политики не виноваты,
Что горизонты маловаты.

А виноваты мы с тобой —
Что в мир вошли вниз головой.

Последний день Августа

Куда как плох Октавиан —
уже отвисла челюсть,
уже спешат залезть в карман
и близкие, и челядь,

и онемевшая рука
не осязает трона.
А смерть внезапна и легка,
как стрелы Купидона.

Он сделал много славных дел:
перекроил границу,
роскошным мрамором одел
любимую столицу,

врагов умело проучил,
хранил порядок строго
и от народа получил
венец живого Бога.

И, отлетая в горный край,
найдя удел не хуже,
он молвил: «Ливия, прощай!
живи и помни мужа!»

Скончался Август. Плачь, народ!
Изгнав весну и лето,
в державе осень настает
и ярко празднует уход
вождя, царя, поэта.

Но остается вечный Рим
и боги щедрые над ним!..

* * *

С опаской я гляжусь в чужие лица,
как в темные кривые зеркала,
в которых отражение троится
и смутная улыбка тяжела.

И все же с одержимостью смешною
я всматриваюсь в каждую черту —
а вдруг за непросветной пеленою
знакомую увижу теплоту?

Ольга Мельник

(Ря)

баба пела дурниной неоном пылала
разрасталась домами трясла куполами
при французских духах при бубновых делах
баба щеки белила да водку пила
баба била ботаника антеллигента
на весах разложила на брутто и гетто
как со всех деревень веселей да грубей
собрала согревала меж круглых грудей
до земли приспускала линияное небо
хохотала а чтоб тебя бледная немочь
по моей шантрапе по жаре да грязи
ковыряй может вызреешь зверь монплеизир
по тебе ли с парадного валят парадом
по тебе ли рекламы базары бараки
по тебе ли архангелы в трубы в кремле
баба дура добра от щедрот кренделей
как с толстого пойдешь на есенина выйдешь
шельмовала сводила дорожки кривые
под полой принесет да подарит твое
до конца ни с кольца ни с ума не дает
как по всем этим стенам скользили тенями
плюсовали стирали и снова писали
находили сдавали теряли цвели
в соловьях да в сиренях да в вечной любви
ах горячее сердце колючая жесть
на скамейке усесться да семечки есть

(хель)

минимум выжит погашен а все что сверх
выложит вечность из острых осколков льда
слушать сквозь сон неотвязный ослепший снег
будет идти всю ночь по твоим следам

остекленеет боль отупеет цель
в тельце фальшивой ноты замрет игла
это не выход деточка это хель
пьет тебя миллионом голодных глаз

бьет тебя ветром швыряет в лицо числом
будешь фарева будешь зато не та
как до весны доносят в утробах зло
снежные бабы с улыбками в мертвых ртах

горлом губами кровь не согреть прости
пульс не прощупать смысл отошла уже
дальше не выдох деточка это в стынь
чиркать о коробок последнюю спичку жечь

(фрески)

и кажется уже не важно
что не сложилось ((в) голове)
письмом по штукатурке влажной
похабных надписей поверх
и наверх (этажи) листая
рассвет не помнящий греха
смурные ангельские стаи
и черт с младенцем на руках

(аватар)

на этой пандоре каждый цветочек хорош
ибо живой и кусается но ты-то дело другое
угловатое крупное / обязательно что-нибудь поломаешь не то прольешь
наступишь кому-нибудь / каблучищем на самое дорогое

— Проехали, — говорит Л., — зато теперь я знаю,
что ты думаешь обо мне и о моей работе
(фуфло / полное фуфло),
но теперь-то я знаю.

— А что с этим можно сделать? — говорит М. — Я и так делаю,
что могу, и
(выцветшим голосом)
все нормально, — говорят, — все совершенно нормально.
Но,
как правило, ничего
не говорят.

на этой пандоре каждый цветочек / все обо всех цветочек
учили на инженера не вижу где тут у них тычинки пестики болевые точки
работа по перемещению тела эквивалентна килограмму тротила
приходишь под утро а мама плачет я же тебя растила
кормила тертой морковкой радовала обновкой
нашла в проводах под атомно-силовой установкой

(и ничего)

на мимо лица фонари
аптека улица сначала
и кто-то справа говорит
и кто-то слева отвечает

я соло с чистого листа
я улыбаюсь краем рта

рассеянна едва знакома
и тот кто справа в паре крыл
и тот кто слева прежде был
и по мобильнику покойник

настанет день устанет год
исчеркан лист искусан рот
искать не выискать исход
аптека улица сначала
а тот кто слева выйдет вон
а тот кто справа выйдет вор
смеется длится тот кто мертв
и ничего (не предвещало)

(radio-hazard)

ну и нормально / вот это как раз и нормально
одна голова хорошо а две хромосомная аномалия

будто не помнишь как жажнуло сколько потом болело
а тебе бы все третье плечо приделать седьмое колено
будто не знаешь одни приходим одни проходим в конце все равно убьют
астральную пуповину духовную половину какую еще хурму

все вон как-то и сами справляются ну васи у них там люси господи исусе
с праздничком дура а у тебя вся спина белая все лицо белое руки трясутся

спасибо не до смерти есть две руки две ноги уже хорошо красиво
как раз и нормально опять твоя родина хиросима
двести микрорентген все как дома холодно страшно холодно
вот и сиди отращивай третье колено седьмую голову

(страна немых)

связки связи случайно
сорваны верхом нот
лишь за себя отвечаю
не сразу (транслит цейтнот)

город долгие провода
рейса в страну немых
небыли: от утробы
не мерила слово (мы)

связки ключей печалей
слова не взяв не дав
лишь за себя отвечаю
не сразу и не всегда

голос скромная жертва
и никому никак
буковки точки джекил
под атрибутом hide

(дубровский)

а вот и следы себе чтоб не много чтоб не выпорхнуло из груди
местного бога не провоцируй по краешку не ходи
повторяй лучше я точка точка я тучка тучка я не дубровский сию в дупле
эти прицелы наводятся на теплее еще теплей
эти удары все ближе в эти просветы все реже дура горит звезда
космос такой безбрежный угол такой медвежий маша твоя масдай
бледная и больная шепчет опять не знаю тише за мной пришли
так оно и бывает вот и пиши седьмая заповедь не пиши
не по графе порода не по башке корона не в облаках ногой
больше оно не страшно выдадут твою машу органам о-го-го

(тряпка)

соберись тряпка

ать-два ноги в руки пошли в поход
там на дороге первая зажимает ладонью рот
думала что таких хороших вернет не тронет
там вторая лицом к стене в каком-нибудь декабре
третья курит на лавке в чужом дворе
пятая на перроне

где разбилась удача
рассыпалась вера
кончилась красота
посмотри им в глаза посети памятные места
где догнало накрыло вот с этой фигни и пошло не так
и опять накрыло
за секунду до засеки выбитую чеку
мир тебя не съел но понадкусал повыдергал разнес по закоулочкам по клочку
хрен поймешь как было

и стоять края оборванные теребить
извините граждане дорогие мне нечего предъявить
мне теперь бы оно вообще куда-нибудь слиться и не отвечать
не высовываться не быть

да вот что-то как-то
и ни первая не отмолит ни пятая не спасет
за секунду до где тебя потоком несет где тебе все еще везет
и это не все что здесь есть
еще далеко не всё

соберись тряпка

Дмитрий Гасин

* * *

Давай я напишу тебе письмо.
Оно — смотри! — отправится само
По воздуху тягучему, ночному,
Как рыба подо льдом — над самым дном,
Письмо вплывет, покачиваясь, в дом
И к подлокотнику прильнет ручному,

И ты уже не отвернешься, нет, —
Но бережно возьмешь листок на свет:
Вот я вернулся, как ты и просила.
И все. И все. И плакать позабудь.
Ну, может, нарисую что-нибудь...
Обратный адрес не имеет силы,

Что ж, почты геометрия проста:
Разлука нам пересечет уста,
Мой голос станет точкою морозной.
Лишь форточку открой, вдохни, взглядишь:
Я улыбаюсь всей судьбой беззвездной...
Но только ты смотри не простудись.

Музыка

Она была как ветер с воли, —
Так Леха бы сказал о ней.
Не избавлявшая от боли,
Но делавшая боль сильней.

Быстрее водки, крепче веры,
«Как курево!» — сказал Колян.
Она была любовь без меры,
Как Дон Гуан среди селян...

Аж птицы замертво упали,
И отворились все замки,
И были мы в девятом вале
Трезвы, безгрешны и легки!

* * *

Бессонный час перед рассветом
В случайном и чужом углу.
Я стану дыркой в мире этом
Сквозь дождь и мглу.

Без маэты на белой койке
Меня забвенье призовет.
Я стану брешью в той постройке,
Где Бог живет.

Без унижительных ответов,
Я был — и нет меня. Прощай!
Реальней дым от сигареты,
Остывший чай.

В прореху разом хлынут строки,
И растворится каждый стих,
Но Бог, читатель одинокий,
Запомнит их.

* * *

Что хорошо — так это роща, озеро и клены,
И утки суетливые, и листья — на воде,
И мы с тобою — зяблики, продрогшие гулены,
И долгий день. И пригород. И нас не ждут нигде.

Что хорошо еще — маршрут по дачному поселку.
Одолжен фотоаппарат, погода — в аккурат
Такая, чтоб запечатлеть собаку, утку, елку,
Брильянтовую паутинку в тысячу карат.

Тропинка упирается в заброшенный участок.
Старуха ветхая пасет козу навстречу нам,
Или коза ее пасет, оглядываясь часто
С тоской во взоре, свойственной завзятым ворчунам.

А главное, что хорошо в погоде и пейзаже, —
Спокойное течение по жизненной стезе.
Нам нравится осенний день, а мы — ему, и даже
Наш скромный фотобутерброд — взыскательной козе!

* * *

ремонт в больнице
в моче побелка
в цементе сетка
в аллее птица
а может белка
качнула ветку
играет осень
свои фанфары
в побелке стекла

и только ночью
погасли фары
сирена смолкла
тебе не спится
в дожде карболка
рукою шаришь
так все же птица
а может белка
так и не знаешь

* * *

Может быть — предисловие или эпитафия,
Предстояние перед травой и водой,
Далеко не игра — не заходитесь в играх
Сердце так, не бывает — такой

Удивленной исполненности назначеньем,
Словно каждая капля тебя узнает,
Принимает на лист, одаряет свеченьем,
Место рядом с собою дает.

Мой зеленый фео́д с мускулистою жилкой!
И вдали белый храм — золотой аналой,
Посещаемый раз в полстолетия пылкой,
Вдохновенной и грозной пчелой.

Повезет — я увижу небесного тигра
И сверканье его серафических крыл...
Может быть — предисловие или эпитафия —
Этот миг, этот мир, эта жизнь. Я забыл.

* * *

Какие дни случались в январе!
Потрескивали стулья, полки, тумбочки.
Листки на отрывном календаре
Темнели и сворачивались в трубочки.

Вся комната пылала и плыла,
Как вспыхнувшая цельная поленница.
Ты волосы косынкой убрала —
Разбойница была, корсарка, пленница!

А за окном — сияньем белым — день.
И половицы под ногой горячие.
То сладкая, расплавленная лень,
То радость безоглядная, незрячая...

* * *

Ты только посмотри, какая вьюга!
Как крепко схвачен город декабрем.
О, сколько в этом крошеве испуга
И дрожи... Нет, испуг — во мне, не в нем!
«Как будто птицы не вернутся с юга,
Как будто мы когда-нибудь умрем».

Тоска и время в снежной круговерти.
Свяжи нам теплый свитер на двоих:
Мы спрячемся от старости и смерти
И спрячем в нем родителей своих,
И лес, и речку — как письмо в конверте.
И дом. И всех. Ну разве бросишь их?

* * *

В кипящем масле жарил курицу,
Точнее две ее ноги.
Смотрел задумчиво на улицу,
На сумерки густой пурги.

Лопаткой ловкою орудуя,
Солил и перчил свой обед.
Казалось, что всегда пребуду я
Здесь, где есть газ, вода и свет.

Пытливо вилкой куру трогая,
Прибавил синего огня.

.....

И только тень ее безногая
Смотрела скорбно на меня!..

Елена Захарова

хоровое пение (в гостях)

как сорняки развелись голоса
лезут без спросу в уши
жена жужжащая словно оса
писк василисы глушит
аня с андреем ругают коньяк
лена с ильей болтает
саша с сергеем поют про коня
смотрит кино виталий

титры поехали
спорим не знаешь его
в главных ролях
геннадий а может егор
главный продюсер
наглый такой говорит
роли озвучили
хватит насиловать ритм

выйду ночью в поле с конем
ночкой темной тихо пойдем

Педро, Педрито!
решил пригласить в ресторан
Я умираю...
рубашку бы хоть постирал
Буду любить тебя вечно...
и смотрит на грудь
(хрипы, стенания, слезы)
я как заору

мы пойдем с конем по полю вдвоем
мы пойдем с конем по полю вдвоем

нина надежда ирина илья
хор завывает дружно
все хорошо
только
где
я
может как эта кружка
(что никогда не пыталась петь)
я звуковая емкость
кружка не хочешь ко мне в дуэт?
кажется мы споемся

ДОМ

в доме недавно погас звук
слышите стал затихать свет
встаньте живые кто есть в круг
чтобы хватило тепла всем
пальцы теней на щеках стен
вязнут в желе тишины-тьмы
как в летаргическом пен-
сне
будем за стеклышком жить мы
жаться вжиматься в окно лбом
губ оставляя сырой след
бредить что каждый из нас дом
где говорил но затих свет

* * *

поэты двадцатого века средней руки
в обнимку с березой любили стоять
но в городе N не найти берез никаких
и я со столбом обнимаюсь минут по пять
поэзию древа впитать пытаюсь в себя
она вдохновеньем должна прорасти потом
пытаюсь посеять в душе побольше семян
пытаюсь пытаюсь но только грязней пальто

* * *

ему под сорок в руке дипломат
он смотрит в асфальт
и видит ботинки
а ей за тридцать успешная мать
в приборках покупках готовках и стирках

ему четыре весь мир в кулаке
ни холод ни ветер ни дождь не мешают
и ей четыре бежит налегке
страшнее всего если вылетит шарик

* * *

человеку не нужен воздух
человеку нужны голоса
обязательно кто-то возле
человек задохнется сам
и страшнее пустой квартиры
лишь большой запылившийся дом
где хозяин один не вымер
и сидит с приоткрытым ртом

СОЖИТЕЛИ

проживала голова
в шалаше под одеялом
она всем надоедала
то чихала
то ворчала
не давала спать ночами
вот такая голова

в том же самом шалаше
окачуривалось тело
оно ныло и болело
то не гнется позвоночник
то отказывают почки
в этом славном шалаше

а еще была душа
проживала одиноко
у другой души под боком
эх несчастная душа

жаль не в этом шалаше
не под славным одеялом
где больная голова
телу сдохнуть не давала
так как в райском шалаше
не пристало быть душе

Дмитрий Гузь

Видение динозавра

К нам в окно заглянул динозавр,
Симпатичный, зеленый такой,
Он устало взглянул мне в глаза
И хвостом помахал, как рукой.

Намекая тем самым на то,
Что мы с ним где-то в чем-то сродни,
И закроют наш цирк-шапито,
И погасят на рампе огни.

А к Москве приближалась волна,
Ее гребень касался небес,
А по небу катилась луна,
Словно с рельсов сошедший экспресс.

Под мигалками мчались менты,
Точно зная, где спрятаться есть,
А я был с динозавром на ты,
Обсуждая текущий процесс.

Я, как он, стану газом, углем,
И, когда след мой люди найдут,
Я гореть буду ночью и днем,
Согревая их утлый уют.

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет нам в землянке гармонь,
И глядит вам в глаза Димазавр.

Мимо

С руками грузчика, с глазами корнеплода,
Я брел сквозь мир, не веря в чудеса,
Меня не тяготили секс и мода,
Ко мне благоволители небеса.

Я был небрит и пах вчерашним пивом,
Она же шла, туманами дыша,
Поверх меня взглянула горделиво,
И я подумал: хватит, Дима, ша!

Харе буянить с пьяными друзьями,
Харе переворачивать авто,
Когда такие девушки с ногами
Проходят мимо, будто ты — никто.

Я завязал, я бросил куролесить,
Я начал бриться по два раза в день,
Я начал бегать, стал нормально весить,
Прошли отдышка, перхоть и мигрень.

Я стал поэтом, энциклопедистом,
Я стал ругаться матом через раз,
Я стал ходить во всем почти что чистом,
Я перестал вставать на унитаза, —

Но той, с ногами длинными, как песни,
Я уж не встретил больше никогда.
Тут пей не пей, хоть лопни тут, хоть тресни,
Но все приходит не тогда когда.

Уходи

Сура 44. Дым

Потолок не похож на вчерашний,
Но тоже небелый.
Вновь интриги и шашни,
Возня возле девы дебелий.
На столе баррикады, в помаде посуда...
«Уходи! Я не знаю куда, но отсюда».

На дворе та же хмарь, та же дурь,
Те же пьяные рожи.
А где же неба лазурь,
Где же тот, кто спасет и поможет?
«Не убей, не кради, не свидетельствуй лживо —
Уходи, если сердце в тебе еще живо».

Черный город зарыт
В облака, как в пожарную пену.
Нет, он еще не горит,
Но ему уже ищут замену.
На плечах бахромой виснут дети и жены...
«Уходи: этот город рожден прокаженным».

То ли трубы трубят,
То ли в душе отводишь ты душу.
Да то ли рвут там тебя,
Да то ли сам ты там рвешься наружу?
На душе, как на кухне, пустынно и серо...
«Уходи: утром с неба просыплется сера».

Полшестого утра,
На работу вставать еще рано.
Но ты сползаешь, словно краб,
С разоренного за ночь дивана.
На стене кто-то ножиком вырезал слово:
«Уходи». — Да куда ж я пойду полшестого?

Как-то дымно внутри,
Штукатурка ли, пар ли клубится.
А вместо ярких витрин
Искаженные ужасом лица.
Все летит в омут пламенный в небе беззвездном:
«Уходи!» — Да куда ж я пойду — уже поздно.

Подвиг

Ни здоровья, ни денег, ни баб,
Ни друзей, ни детей, ни жены —
Все привычки и прежний твой скарб
Были вместе с мостом сожжены.

Ни застолий, ни песен, ни чтиц,
С вожделием чтущих тебя, —
Всех проказниц и алкоголиц
Ты прощаешь, с себя соскребя.

Ни гримас, ни ужимок, ни ласк,
Ни глотков, ни затяжек, ни брызг
Слез из глаз, ни любви напоказ,
Ни грызни под залиvistый визг.

Ни затей, ни причуд, ни острот,
Ни завистников, ни палачей —
Скит, землянка, берлога, острог
Да молитва при тусклой свече.

Строгость, скромность, молчание, пост —
Подвиг прост и на вид неказист,
Подвиг встать перед Тем в полный рост,
Перед Кем ты не можешь быть чист.

Отец

Чем дольше я живу, тем больше верю в Бога.
Чем строже верю я, тем мне спокойней жить.
Я знаю, что уйду и кончится дорога,
Но не померкнет свет, не оборвется нить.

Гордыня красоты и красота гордыни,
Семь неверный зов и мудрости гранит —
Все эхом отзвучит, рассыплется, остынет,
Слетит листвою с ветвей, а Древо устоит.

Не мне себя судить, и люди мне не судьи,
Не мне себя казнить за вызов и бойкот —
Я, как и все мы, лишь послушное орудье
В руках Того, Кто нас рассудит в свой черед.

В каких иных мирах, в каких иных пределах,
Ты ждешь меня, Отец, и смотришь на меня?
И кем бы ни был я и чтобы я ни делал,
Ты болью учишь жить и умирать любя.

Повод

Зимой я что-нибудь пишу,
А летом что-нибудь читаю,
Весной смакую ананас,
А осень водкой заливаю.
Смеюсь над плачущим собой,
Следя за циклами природы,
Смирясь со скукой и гульбой,
Как с измененьями погоды.
То жду весну, то лето жду,
То осень тороплю, то зиму,
Затеяв с Временем вражду,
Ищу свою дорогу к Риму.

Но, как известно, их не счесть —
Дорог, ведущих в Вечный Город.
Найти свою — сейчас и здесь —
Для выпивки отличный повод!
Набраться, с места не сходя,
И ощутить себя вне тела,
Вне зноя, снега и дождя,
Вне рассуждения и дела!
Дорога вертикально вверх —
Туда, туда меня все тянет,
Сквозь скуку, смуту, смех и грех, —
Как блудного сынка к батяне.

У меня украли душу

У меня украли душу. Я теперь живу нормально.
Мне не холодно, не жарко, мне и сытно, и тепло.
Я почти не выпиваю, если только скуки ради,
Но с утра не похмеляюсь, потому что в меру пью.

У меня украли душу — вынули, как из кармана,
Из упитанного тельца душу теплую мою.
И куда-то с ней слиняли, за леса, моря и горы
Унесли с душой под мышкой — вас теперь ищи-свищи.

Я разгадывал кроссворды, мебель ставил по фэн-шую,
Я ходил на расстановки, книжки мудрые читал,
Разминался хама-сутрой, занимался хохма-йогой,
Голодал, кружился, бегал, медитировал в лесу,

У меня украли душу, это точно, как в аптеке.
Не сама ж она сбежала, ведь не дура же она?
Без души немножко странно и как будто одиноко,
Не сказать чтоб жутко, страшно, но слегка не по себе.

У меня украли душу. Но искать ее не стал я.
Может быть, она нужнее тем, кто кражу совершил.

Что они с ней будут делать? Не мое бродячье дело.
Коль украли, значит, знают, применение найдут.

Я не мылся месяцами, по полдня сидел в парилке,
Брился налысо, годами гриву львиную носил,
Залезал с ногами в прорубь, обливал себе из ведер,
Но душа не прорастала — поливай не поливай.

Только вдруг пришла, как кошка, с магаданской пылью в ухе,
С пустотою гулкой в брюхе и горением в очах,
Заорала диким криком, пронеслась к своей тарелке,
А когда наелась вдоволь, замурчала на груди.

Я ходил на расстановки, мебель ставил по фэн-шую,
Я не мылся месяцами, книжки мудрые читал,
А душа, она как кошка — за окошко и на волю...
Непонятная тварюшка, анархическая дичь.

Надя Делаланд

* * *

Это происки жизни, которая тащит гулять
за штанину, виляя хвостатым своим восхищеньем,
и я еду куда-то опять, и опять, и опять,
в загрудинном покое рассматривая через щели

просочившийся свет и людей, говорящих сквозь рты,
изгибая причудливо губы на фоне молчанья,
говорящих без звука, из самой своей немоты,
это происки жизни, которые я замечаю.

Поддаваясь внезапному детству, смотрю изнутри
на печального дядю, лысеющего кучеряво.
Ничего, все в порядке, на счет, разумеется, три
я проснусь из него, но сейчас у меня все в порядке.

Я хожу им, как будто во сне привыкая к ногам,
к расстоянью до пола, к пространству его обжитому,
к преферансу злопамяти, к яблокам и пирогам
бабы Нюры, к которой он ездил на лето в Житомир.

Это происки жизни хвостатой, летящей стремглав
зачинаться и только б успеть заскочить на подножку,
но я смутно уже понимаю, и я бы могла
не спешить, не заскакивать, просто уйти, если можно.

* * *

Пасмурный молчаливый вечер.
Набрать в рот воды, раздуть облака
и так сидеть, косясь на мелких ласточек,
падающих по небу.
Гора, гора, я — гора, гора,
говорят они, дразнятся, начинают плакать,
чтобы я плюнула, чтобы я выплюнула
и ответила — это я гора,
я — гром и молния,
и все засверкало и ожило,
и перестало ломить кости под перьями,
и они бы прижались к горе
и стали ее частью.
Так сбывается все, что скажешь.

* * *

Поганей не придумаешь — облом —
закончилось, как лето, лето. Пишешь —
и принимаешь ласковый излишек
тепла и света, если повезло.
Но ветрено, и выдувает душу
наружу парашютом, и летишь
над скатами засвеченными крыш,
испытывая суеверный ужос
перед собой, — лучиною проткнешь,
ан не готова к смерти, сыровата,
оглядываясь жалко, воровато,
спускаешься на землю прямо в дождь.
Живи всю жизнь — всю осень и всю зиму,
хоть заживись, хоть тресни, хоть умри —
уходит лето как-то изнутри,
свежеет изнутри невыносимо.

* * *

Гербариум теней, библиотека лены
и имени ее, сухие мотыльки
под лестницей летят, блестя попеременно
то мертвой головой, то крылышком руки.
Так снятся этажи сознания — и гулко
и мраморно в костях под куполом, и я
спускаюсь, шебурша шелками, в переулки
хранилищ мотыльков и их нежибытья.
Вперед, еще абзац пройди такой же полный
пробел и выходи всей бабочкой в окно,
в озоновую глубину, где можно и не помнить
откуда, и куда, и кто. Куда и кто.

* * *

Молчит ночная фаланга света
молочнотеплым телячьим телом,
ребенкоспящим, сосущим слепо,
слепососущим, немовспотелым,
собаколунным, собакобыко,
пиши мне в небо на этот адрес,
за все отвечу, за все и быстро
все отвечают, как оказалось.
Я помню тяжесть твою в походке
моей, я помню привычки, вкусы,
я ела кальций и мяту, хочешь
теперь все то же, но только — устно?
Другие связи, другие сети,
земной объявлен сегодня поиск.
Но браки — там, и оттуда — дети,
пиши мне чаще, я беспокоюсь.

* * *

Т. Гладышевой

Мохнатые пылинки плавно спят
под лампою и морды тянут к свету.
Так колыбельно, так тик-так бессмертно
глубокой ночью время ходит вспять.
Шкаф улыбнулся скрипло и застыл
с открытым сердцем и внезапной молью —
внезапной, резкой, от которой — молча
все рушится, не складывая крыл.
Собаки брешут — глухо, нутряно,
зажавши пасть, боясь проговориться,
и ночь летит, а это значит — птица,
и птица спит, а это значит — ночь.

* * *

Слава Тебе, показавшему мне свет,
воду, траву, сороку, луну, снег,
небо любого цвета, детей, дни
оны, трамвай, который идет в них,

книги, дороги, парки, листву, смех
мамы, кота и рыжий его мех,
гулкий колодец, поезд, стихи, дверь,
чтобы одна я, чтобы меня не две,

осень, весну, рождение и, да, смерть,
радость дышать, наваждение вообще — петь,
вишню в цвету, Пастернака, латынь, мох
северной стороны, росамах, блох,

шторы, камин и танец его огня,
старость, носок на спицах, покой, меня.

* * *

Этот свист и щелчки, эта дрожь и шипенье, двоясь,
обрастая высокими тонами в деке, — стихают,
замолкают стихи и, молчащие, в столбик стоят,
затаив до читающего речевое дыхание.

Мир распахнут и ждет, на страницах его, что в кино,
шевелиющиеся муравьи переносят значенья,
опускается ночь, наши тени уходят стеной,
растянувшись улыбочиво и неестественно через.

Но оно продолжается, шоу твое (покажи),
даже если здесь вымерли зрители и тараканы
из голов их ушли и продолжили личную жизнь
за границею жизни земной, приземленной (покажешь?).

Этот свист и щелчки, эти дрожь, и шипенье, и спесь
пережившего опыт кромешного света и выси —
это там не берут, это нужно, наверное, здесь,
между створками книги, хранящей осенние листья.

Сергей Славнов

Мартовский снегопад

Поджидали весну. Неумело пекли всю неделю
первым комом блины, вспоминая рецепт с бородой.
А на улице март посыпает сырою метелью,
и колышется снег межсезонный, и пахнет водой.

Задержись, не спеши — мы застали природу в исподнем,
подбиравшей, вертясь в раздевалке, прикид на весну,
подглядим же тайком — вот как пишется книжка господня,
развернув над землей своих снежных страниц белизну.

Целый день шелестит снегопад — а о чем, и неважно;
сколько лет ни читай — в этой книжке страницы пусты,
просто автор смахнул с облаков долгий ворох бумажный,
ненароком накапав шальной слезой на листы.

И пока до конца не просыпалось белое просо,
все плетется кругом, по заваленным крышам шурша,
без надежд и соплей эта ясная горькая проза,
как уносится жизнь — бестолкова, а все ж хороша!

Как под снегом налипшим топорщатся голые ветки,
как обходит сугроб пешеход, усмехаясь в усы,
или вон как навстречу из школы бегут две нимфетки,
щебеча и смеясь, намотавши шарфы по носы, —

знать, про жизнь говорят. Из-под шапок хлопочут ресницы.
И т. д., и т. д. И не надо любовь и весну.
А всего — замереть на минуту над славной страницей,
перед тем как закроешь глаза и отвалишь ко сну.

* * *

Вот так, по сумрачным бульварам,
благоухая перегаром,
твердя для рифмы «па-ра-па-рам» —
в башке созвучья теребя,
идти нетвердыми ногами
и, растворясь в чаду и гаме,
стишки вышагивать кругами —
быть может даже, про тебя.

Без цели, без семьи, без денег —
я лузер, Маня, я бездельник,
я в самый скучный понедельник
иду гулять, бухой в дугу;
как Вечный Жид, как ветер вечен,
с небесной музыкою венчан
и от рожденья изувечен
ожогом музыки в мозгу.

А в общем, Маня, бог с тобою.
Иду один бродить с толпою,
с моею песенкой тупою,
беззвучно сам себе пою —
все тили-тили, трали-трали;
ах, не обнимешь милой крали!
Но то, что годы не украли,
я сам торжественно пропью.

Сменявши младость кочевую
теперь на ветку кольцевую,
кого я жду? Кого целую?
Куда мы все плетемся тут?
Бредя Садовым ли, Бульварным,
мы исчерпали кольца кармы —
свободу нам за труд ударный,
наш бескорыстный горький блуд!

Темно, и ночь обледенела.
Кольцо гудит остервенело,
и что тут муза назвенела,
ни я, ни ты не разберем.

Мы не раскроем и не спросим,
шагая строем безголосым,
ни что мы тут под сердцем носим,
ни что мы в землю заберем.

Апокриф

Л. А.

Это все придумал клоун. Мир — пустынная арена,
освещенная тарелка на краю небытия
в некоем царстве безымянном, в некоем цирке погорелом,
в некоем сне полузабытом, там, где снимся ты и я.

Пусто-пусто в старом цирке. По рядам шныряет время,
наметая год за годом белой пылью на виске.
Только бедный клоун рыжий ходит-бродит по арене
в колпаке своем дырявом, в вечной боли и тоске.

На дорогах шепчут ветры, и закат огнями брызжет,
октябри бегут по кругу, листопады пламеня, —
это грезит, задыхаясь, поседельный клоун рыжий
про века и про мгновенья, про тебя и про меня.

Так он бродит по арене, безнадежный и упрямый,
в колпаке своем дырявом год за годом тыщи лет
все играет представленье перед этой черной ямой,
перед этим черным миром, где меня с тобою нет.

Лишь в заоблачной пустыне, далеко над высью снежной,
где качаются столетья у созвездий на весах,
на него глядит с тоскою, неприкаянно и нежно,
бесконечно одинокий белый клоун в небесах.

Песня о конце лета

Никто не спал в эту ночь — так ревел прибор,
и на ветру, растаяв пурпурным следом,
звезды бросались в море одна за другой.
В ночь, когда кончилось лето. Кончилось лето.

Но за звездой упавшей — в волну не нырнуть;
чтобы ни загадал ты — все врут приметы.
Может быть, утром мне волны звезду вернут?
Может быть, жизнь наладится в конце лета?

Верно, для счастья ты выбрал не тот сезон,
верно, зазя удачу морю доверил —
снова звезда упала за горизонт,
только соленой пеной обдало берег.

Всю ночь грохотало море, всю ночь не спалось,
и сыпались звезды и все облетели к рассвету.
Может быть, все пришло бы, все бы, глядишь, сбылось,
если б не кончилось лето. Кончилось лето.

* * *

О. Я.

То ли всхлип, то ли крик, то ли вздох, то ли вой;
еле слышно шепнешь: «Боже мой!
что мне делать с тобой, что мне делать с собой,
что мне делать с неожиданной зимой!»

Это снег, это бред, это хмарь прошлых лет,
это к горлу поднявшийся ком.
Этот взгляд... эти губы, сказавшие «нет»...
эти плечи... Да я не о том.

Эту зимнюю тишь, эту длинную ночь,
этот город, уснувший в снегу,
я могу перепить, перепеть, перемочь,
но вместить никогда не смогу.

Это — тьма одиноких ночей без конца,
это — боль, от которой бегу,
и метель, отхлестав по лицу подлеца,
продолжает в зажженном мозгу.

И, видать, потому не уснуть одному,
лишь сходя на рассвете с ума,
я плечами пожму и теперь уж пойму —
это просто настала зима.

Отрывок

Скатилось солнце, упав на запад, и день, растаяв, пропал в огне. О, как неслышно! О, как внезапно! О, как пустынно в моем окне! Все это шепчет, торча за кадром, вода губами, скрипя пером, в окошке автор. В часу закатном. В стране за гробом и за бугром. Перебирая: «разлука... скука...», он слов мусолит соленый хлеб; то в «сердце мука», то «злая сука», то «горький пепел сгоревших лет». Он мог бы вам рассказать про столько! В нем тьма и боль, и душа в огне. Но рифмы нету. И все без толку. О, как пустынно в моем окне! Он черств и черен. Он злой и бедный. Он — тень. Он — холод пустой руки. И интересней, чем его бездны, сухая нитка его строки. Знать, в этих строчек шитье-плетенье он — не швея. Он — конец иглы. Он чей-то след — на странице тенью. Он просто отблеск закатной мглы. И вот он пишет про век жестокий, про край далекий, про крик во сне. Но интересней, чем его строки, закат, который горит в окне. Знать, на чужбине стишку не спеться. Начнешь строку — не сойдешь с кольца. О, как пустынно! — бормочет сердце. Хорош отрывок — да без конца.

Пьесы

Олег Михайлов

Александр Крastoшевский

Аля Гончарова

Ксения Жукова

Андрей Иванов

Лера Манович

Мысль и энергия

Зачем пишется драма? Рассуждая о цели драматического произведения, Эрик Бентли в книге «Жизнь драмы» приводит два противоположных утверждения на этот счет.

«На первое место мы ставим мысль», — это требование Мейерхольда. И совсем иная позиция у Джона Холлоуэя: «Великое произведение художественной литературы прежде всего является источником энергии, а уже потом — источником познания».

Мне, как патриотке, ближе позиция Мейерхольда, тем более что в любой оригинальной идее, без которой нет пьесы, обязательно заключена энергия. Однако, публикуя предложенные в этом сборнике пьесы, мы оставляем на суд читателя — кто же прав в этом споре: те, кому удалось внятно и художественно донести до нас свою новую, неповторимую, выстраданную мысль, или те, кто уповает в основном на энергию текста.

Свой жизненный и художественный опыт каждый автор отстаивает подвластными ему средствами: будь то ожившие на полотне художника персонажи в тексте Олега Михайлова, фантастическое решение событий у Александра Крастошевского, кропотливая работа с диалогом у Али Гончаровой или любовь к деталям у Ксении Жуковой, которые не просто украшают пьесу, а работают на сюжет. С редкой радостью открываешь способность Андрея Иванова написать настоящую жесткую и абсолютно современную трагедию или новое философское видение известного религиозного сюжета в пьесе Леры Манович.

Драма — это очень нелегкий интеллектуальный труд. Хочется верить, что сегодняшние наши авторы, уже ступив на этот путь, будут и дальше не только «дирижировать» нашими чувствами, но и «будить мысль». У них все для этого есть.

Елена Исаева

Олег Михайлов

Девушка в полосатом платье

К 300-летию картины Антуана Ватто
«Актеры Французской комедии»

Действующие лица:

Женщина
Девушка
Юноша
Старик
Негритенок

Их пятеро: две дамы (девушка и женщина), старик, юноша и негритенок в ярких костюмах XVIII века, сгруппированные у каменной балюстрады. Они написаны маслом на деревянной доске размером 20х25 сантиметров. Их автор — французский художник Антуан Ватто.

Старик. Почему именно сегодня?

Девушка. А почему бы и нет?

Старик. Не знаю. Нет настроения.

Девушка. Вы старый, у вас никогда нет настроения. Только ворчите все время.

Старик. Деточка, формально мы все тут старые. Деревяшке, на которой мы нарисованы, уже лет триста.

Юноша. Не-а, деревяшке наверняка больше лет, чем нам.

Женщина. Опять споры, вечные споры... Когда вы начинаете разговаривать, у меня сразу же начинает болеть голова.

Девушка. Давайте сначала.

Женщина. О господи!.. *(Отходит в сторону.)*

Девушка. В каталоге барона Кроза мы были записаны как «Персонажи в масках, готовящиеся к балу».

Женщина. Чуть какая!

Девушка. Согласна. Масок на нас нет.

Женщина. У меня есть. (*Машет маской, которую все это время держала в руке.*)

Девушка. Это не считается.

Старик. Да как нас только не называли... И «Приготовление к балу», и «Возвращение с бала»... Сплошные танцы, а толку никакого!

Женщина. Вы старик, с палочкой ходите, вы не можете танцевать!

Старик. Да неужели?! А вот это вы видели?

Старик бросает палку, шляпу и плащ, которые держит в руках, танцует вприсядку.

Старик. Кто здесь старик? Да если я разденусь, вы все ахнете!

Женщина. Можно я просто ахну, без стриптиза?

Старик. Можно, здесь давно уже все можно... Я не понимаю, мои дорогие, чем вам не нравится название «Две женщины, разговаривающие с двумя мужчинами, и возле них негр»?

Женщина. Фууууу...

Старик. В середине XIX века вас это вполне устраивало.

Юноша. Вспомнили тоже... Когда это было!

Девушка. «И возле них негр»... Как-то это...

Старик. Что?

Девушка. Ну совсем...

Старик. Неполиткорректно? (*Показывает на негритенку.*) Бойтесь обидеть обезьянку?

Женщина. Фууууу!..

Девушка. И потом... Название «две женщины» — это клевета. Я девушка!

Старик. Не факт, кстати.

Девушка. Давайте без намеков. Мне лучше знать.

Юноша. Действительно! Ей лучше знать! И вообще, следите за выражениями, милейший!

Старик. А то что?

Юноша. А то чем-нибудь по голове!

Старик. Ах ты!.. (*Замахивается палкой.*)

Женщина. К чему эти споры? Я, может, тоже девушка!

Молчание.

Старик. Хорошо, вы обе девушки. (*Девушке.*) Молодая девушка. (*Женщине.*) И не очень. Дальше что?

Женщина. А как вам название «Кокетки»?

Старик. Мы это уже обсуждали.

Женщина. Лично меня это название полностью устраивает.

Старик. Да неужели? И кто с кем кокетничает?

Женщина. Ясно, что не я и не с вами.

Девушка. Нет, название «Кокетки» — это первое слово стихотворения, которое Томассен-младший разместил под гравюрой с нашей картины. Там что-то было про милых дам, которые пойдут на все, чтобы обмануть бдительность старого супруга.

Юноша (*декламирует*).

Coquettes, qui pour voir galans au rendez-vous

Voulez-courir le bal, en dépit d'un époux.

Девушка. Ах, как вы красиво это прочитали!

Юноша (*краснея*). Спасибо.

Девушка. За пару столетий жизни в Эрмитаже я начала забывать родной язык.

Женщина. А мне нравится русский. В нем столько экспрессии! А какие здесь ругательства — закачаешься!

Старик. Да уж... Октябрь семнадцатого изрядно обогатил ваш словарный запас.

Женщина. О, да-а-а! Революционные матросики... Как они нас штурмовали!

Старик. Не нас, а Зимний дворец.

Женщина. Все равно — любо-дорого!

Старик. Чудом ведь тогда уцелели! Чудом!

Женщина. Вечно вы преувеличиваете.

Старик. Даже в мыслях не было. Но мы опять в тупике. И это факт.

Девушка. Это потому, что вы упорно не хотите быть обманутым супругом.

Старик. Да! Да, я не хочу быть старым, больным и обманутым. Это что, преступление?

Юноша. Преступление — не признавать очевидные вещи!

Старик. Не вижу здесь ничего очевидного, молодой человек! (*Девушке.*) Допустим, вы — моя жена!

Девушка. Слушайте, а почему вы каждый раз пытаетесь ко мне примазаться?

Женщина (*старик*). Действительно, почему вы меня игнорируете? Я вам больше подхожу по возрасту.

Старик. Да мне без разницы, если честно. *(Девушке.)* Хорошо, тогда вы, сударыня, наша дочь.

Женщина. Я, конечно, подхожу по возрасту, но не настолько, чтобы записывать меня в матери! Какая она дочь?! Мы почти ровесницы!

Старик. Ну, это бесполезно!.. Давайте сойдемся на названии «Актеры итальянской комедии». В конце концов, на нас наряды комедии «дель арте».

Женщина. Я давно заметила... Вы упорно гнете линию, что мы актеры.

Старик. Да! Мне до смерти надоел этот парик! *(Сбрасывает с головы парик с длинными седыми волосами; блещет голым черепом.)* Голова совсем не дышит, все чешется... *(Чешется.)*

Женщина *(отворачиваясь)*. Ой, я не хочу на это смотреть!

Старик. А придется! Вы ведь сами настаиваете, что вы моя жена.

Женщина. Ну хорошо, хорошо... Я актриса. Все слышали? Я — актриса! Довольны?

Юноша. Хотите сказать, что я тоже актер?

Старик. Это очевидно — на вас костюм Скапена. И, кстати, я вообще не понимаю, как художник умудрился втиснуть вас в композицию.

Женщина. Действительно, здесь и без вас очень тесно.

Юноша. Но зачем-то я был ему нужен?

Девушка. Если предположить, что мы какая-то актерская труппа, то...

Юноша. Не надо! Не надо никаких предположений! Так мы договоримся до того, что я влюблен в вас только в какой-нибудь пьесе!

Девушка. А вы в меня?.. Простите, я не знала... Правда! Все это время вы стояли у меня за спиной...

Женщина *(старик)*. А вы за триста лет проделали во мне дырку своим похотливым взглядом!

Старик. Я?! Бог свидетель, я все это время смотрю на ваш головной убор!

Женщина. Ага, так я вам и поверила! Развратник! Селадон!

Старик. Тьфу! *(Отходит от нее.)* Бабские фантазии...

Девушка *(достав листок бумаги)*. Я тут сделала одну выписку. *(Читает.)* «В терминологии оперных и драматических коллективов, организованных в старом стиле...»

Старик. В старом! Да столько можно! Опять вы про старость!..

Девушка. «В коллективах... роли, отличные от главных — Героя, Героини, Наперсницы и Злодея — и тем не менее существенные для Прояснения и Развязки, назывались Пятый персонаж; об актере, исполнявшем эти роли, нередко говорили как о Пятом персонаже».

Все смотрят на негритенка. Он молчит. Пауза.

Старик. Он вообще разговаривать-то умеет?

Женщина. Ни разу не слышала, если честно.

Юноша. Я тоже.

Старик (*негритенку*). Эй, ты!

Девушка. Тише, вы его пугаете. Малыш, ты нас понимаешь?

Негритенок кивает.

Старик. Да откуда?! Кивает как болван! Это напрасная трата времени! Какой из него пятый персонаж? Это смешно!

Женщина. Нет, ну формально — он пятый. А вот по сути... Не знаю, не уверена.

Юноша (*девушке*). А что это вы цитировали?

Девушка. Томаса Оверскоу, «История датского театра». Кто-то забыл книгу в зале. Я и подсмотрела.

Женщина. Да ну при чем здесь!..

Старик. Нет, мы точно не из Дании! Я ни слова не знаю на этом языке.

Женщина. И потом, кто из нас героиня, а кто наперсница, хотела бы я знать?

Старик (*тихо*). Ну, сейчас начнется...

Девушка. Я — девушка...

Женщина. Да что ты мне все время в нос тычешь свою девственность?!

Девушка. Ничего я не тычу. (*Тихо.*) Корова.

Женщина. Что?!

Старик (*хихикнув*). Корова и есть.

Девушка. Я — девушка, я — героиня. А вы — в лучшем случае — моя служанка.

Женщина. Что?!

Девушка. Моя польская служанка. Костюм-то на вас польский! Этого вы не можете отрицать!

Юноша. Давайте успокоимся! Нам только драки не хватает...

Женщина. Да, на мне польский костюм! Это было модно! При дворе Людовика Пятнадцатого было много поляков. У него жена была полька! Польские аристократы...

Девушка. Так вы еще и аристократка, да?

Женщина. Да ты задрала уже меня своими подначками! Я актриса! Демар моя фамилия. Кристина Антуанетта Шарлотта Демар. Известная, между прочим, актриса! С восьми лет на сцене «Комеди Франсез»! Не кот начал!

Пауза.

Девушка. И вы все это время знали?..

Женщина. Не все время. Это открылось лет пятьдесят назад, не больше. Экскурсоводов надо слушать, а не кокетку изображать!

Девушка. И молчали?

Женщина. Да вы бы меня живьем тут сожрали! Четверо безымянных на одну беззащитную женщину!

Юноша. Вообще-то я тоже знаю, кто я.

Старик. Новое дело! Какой-то молчаливый заговор!

Юноша. Я есть на другой известной картине Ватто. А ее персонажи перечислены в нотариальном акте 1777 года, завершающем инвентарь имущества умершей вдовы некоего Жана Ле Бук Сантюссана. В акте утверждается, что на картине «Семья» изображена чета этих самых Ле Бук Сантюссанов с сыном. Я и есть этот сын.

Девушка. И как ваше имя?

Юноша. Не знаю. Известно только, что я стал ювелиром и женился на дочери друга Ватто, торговца картинами Жерсена.

Девушка. Так у вас и жена есть?!

Юноша. Простите. Поэтому я и молчал о своем чувстве к вам.

Девушка. Я вас прощаю.

Женщина. Все это очень трогательно... Только никакой вы не ювелир и никакой вы не Сантюссан. И я тоже видела вас на других картинах Ватто. Названия «Урок любви» и «Чаровник» вам что-нибудь говорят?

Юноша. Это почему же я не Сантюссан?

Женщина. Да потому... Я знаю, как зовут старика.

Пауза.

Старик. Приплыли... Только не говорите, что я ваш муж! Я этого не переживу!

Женщина. И не мечтайте! Вас зовут Пьер Ленуар Ла Торильер. И вы тоже актер.

Старик. Известный?

Женщина. Сам Мольер давал вам уроки актерской игры!

Старик. Странно. Почему я этого не помню?

Юноша. Да подождите вы со своим склерозом! Если он Ла Торильер, то почему я не могу быть Сантюссаном?

Женщина. Какого хрена тогда Ватто поместил нас — двух актеров — на одной картине с каким-то вшивым ювелиром?

Девушка. Перестаньте сквернословить!
Женщина. Я актриса, мне можно!
Юноша. Ладно, если я не ювелир, то кто?
Женщина. Ясен пень, вы тоже актер.
Юноша. Да? И вы знаете, как меня зовут?
Женщина. Врать не буду.
Юноша. Тогда молчите!
Женщина. Но я могу предположить...
Юноша. Не надо мне ваших фантазий!
Девушка (*юноше*). Слушайте, ну актер все-таки лучше, чем какой-то там ювелир.
Юноша. Это чем же, интересно?
Девушка. Просто... Тогда вы наш, не посторонний.
Юноша. Да? А кто вам сказал, что вы актриса?
Девушка. Ну... я думала...
Юноша. А негр? Тоже актер?
Старик. Он декоративный элемент. Такое часто бывало в живописи XVIII века. Вместо мебели.
Юноша. Ага, прям вот украшение. Стоит здесь и пялится на... А на что он все время смотрит?
Женщина. Насколько я помню, на балюстраду.
Старик. Там узоров нет и цветы не растут.
Негритенок. Моя господина — богатая маркиз Кроза. Я есть на многая картина Ватто. И я не украшение, хотя я очень красивый.
Старик. Камни заговорили.
Негритенок. Там бумажка лежал.
Старик. Кто? Где?
Негритенок (*указывая на балюстраду*). Там!
Старик. Там... О господи... (*Идет к балюстраде.*) И правда! (*Нагибается.*) Лежала на балюстраде и упала вниз. (*Поднимает бумагу.*)

Женщина подбегает к старику, выхватывает у него лист.

Женщина. Программка... Обрывок театральной программы! (*Читает.*) «Три кухни». Сочинение господина Данкура.
Старик. Ха! А куда же подевалась третья кухня?
Девушка. Что там еще написано?
Женщина. Распределение ролей. Ну точно, я — Колетта. Господин Ла Торильер — Панталоне. А роль Блеза играет...

Юноша. Дайте, дайте мне! Я сам посмотрю! (*Читает.*) Филипп Пуассон.

Девушка. Красивое имя.

Женщина. И фамилия известная.

Старик. Поздравляю, друг мой! Вы больше не безымянны!

Юноша. Это такое счастье!

Женщина. Дайте мне обнять вас, господин Пуассон!

Юноша. С удовольствием, госпожа Демар!

Юноша и женщина обнимаются.

Женщина. Идите к нам, Ла Торильер!

Старик. Мы актеры! Надо же! Кто бы мог подумать! (*Подходит к юноше и женщине.*)

Девушка (*тихо*). А я тогда кто?

Женщина. Здесь больше ничего не написано.

Девушка. Кто я?

Старик. Этого мы не знаем.

Женщина. Никто не знает, дорогая. Мне очень жаль.

Юноша. Но вы тоже актриса! И вы наверняка играли в этой пьесе!

Девушка. Прекрасно... У вас всех теперь есть имена, а я просто девушка в полосатом платье с дурацким воротником. Скажите мне, вот почему так? Императоры, герои, вельможи... Их все знают в лицо! Их портреты подписаны! А нас? А меня? Я ведь жила, выходила на сцену, имела успех. Меня любили. И я кого-то любила. И куда все это ушло? Объясните мне!

Молчание.

Девушка. Зайдите в любой музей! Сколько там неопознанных портретов. Кто все эти люди?! Кто мы? Мы никто, для большинства людей мы две женщины, разговаривающие с двумя мужчинами, и негр!

Юноша. Не надо так, любовь моя... Мне не важно, как вас зовут!

Девушка. Но я сама хочу это знать! Понимаете?

Женщина. Вы стоите в центре нашей картины. И я не покривлю душой, если скажу, что Ватто рисовал в первую очередь вас. Именно вас! А мы — вынуждена это признать — лишь фон для вашей красоты. И пусть у нас теперь есть имена, а вы безымянны...

Девушка. Не ободряйтесь! Мы всего лишь деревяшка, на которую пялятся люди. Только и всего...

Юноша. Обещаю вам, мы будем здесь, с вами. И никуда не уйдем. Мы будем с вами всегда! Мы обязательно узнаем ваше имя. Когда-нибудь...
Верьте мне! Верите?

Девушка. Что мне еще остается? Иди сюда, мальчик.

Девушка берет негритенка за руку, подводит к балюстраде. Они встают так, как триста лет назад их запечатлел Антуан Ватто. Юноша, женщина и старик присоединяются к ним, замирают в привычных позах.

Александр Крastoшевский

И... как Абай

История эта совершенно правдива — ведь
я сам сочинил ее от начала и до конца.

Борис Виан

Действующие лица:

Абай Кунанбаев
Полицейский
Второй полицейский

На сцене длинный стол. За ним на узких деревянных лавках друг напротив друга сидят двое. Один — в длинном азиатском халаге и тюбетейке (его зовут Абай), другой — в форме сотрудника полиции (поскольку он отказался представиться — впрочем, так обычно поступает в подобных обстоятельствах большинство его коллег, — будем звать его просто: полицейский). Полицейский с недовольным видом что-то пишет на лежащем перед ним листе бумаги.

Полицейский *(на секунду поднимает глаза на задержанного)*. Имя?

Абай. Мое?

Полицейский. Мое мне известно.

Абай. Абай.

Полицейский. Как?

Абай. При рождении мне дали имя Ибрагим — но моя бабушка Зере...

Полицейский *(морщится)*. Без подробностей! *(Пишет.)*

Абай. Хорошо. Как скажешь, уважаемый...

Полицейский *(пишет)*. Фамилия?

Абай. Кунанбаев.

Полицейский *(пишет)*. Дата и место рождения?

Абай. 29 июля 1845 года...

Полицейский *(перестает писать)*. Шутки будем шутить?

Абай. ...Томская губерния, урочище Жидебай.

Полицейский. Слышь, клоун, я тебя еще раз спрашиваю — дата и место рождения?

Абай. Я же сказал — 29 июля...

Пауза.

Полицейский. Ну?

Абай. Что?

Полицейский. Год какой?

Абай. 1845-й от Рождества Христова...

Полицейский (*откладывает ручку*). Щас дошутиться — я тебе пятнадцать суток организую за сопротивление властям!

Абай. Я разве что не так сказал, уважаемый?

Полицейский. Где родился?

Абай. Я же говорю — урочище Жидебай...

Полицейский. Абай, Жидебай... нерусский, что ли?

Абай (*с достоинством*). Я — казах. И отец мой Кунанбай, и дед Оскенбай, и дед Иргизбай — все мы из славного рода Тобыкты, что ведет свое начало от племени Аргын...

Полицейский (*снимает фуражку и утирает пот со лба*). Регистрация есть?

Абай. Что?

Полицейский. Глухой?

Абай. Нет...

Полицейский. Гражданство — эр-эф?

Абай. Что?

Полицейский. Твою налево! Ты россиянин или где?

Абай. Что значит «где»?

Полицейский. Паспорт давай сюда!

Абай. Что это?

Полицейский. Еще и тупой... что ж за день такой сегодня?!

Абай. Да ты не волнуйся, уважаемый... Ты скажи, что от меня нужно-то?

Полицейский. Так, еще раз, сначала... (*Надевает фуражку*.) Значит, документов при себе не имеем?

Абай (*разводит руками*). Какие документы? Ты спрашивай, что надо, — я все тебе скажу...

Полицейский. На бульваре что делал? Только не говори, что «гулял»...

Абай. Гулял.

Полицейский. Понятно... то есть сотрудничать со следствием не хотим?

Ладно... (*Берет ручку и продолжает писать, попутно насвистывая песню «Когда поет далекий друг...»*)

Пауза.

Абай (*мечтательно*).

Жаздыгын шылде болганда...
Кыгкорай шалгын быйшешек...
Узарып гысып толганда...
Кыркыреп жаткан гызенге...*

Полицейский прекращает писать и ошалело смотрит на задержанного.

Абай. Кыгышып ауыл конганда...
Шыркырап жаткан жылкыныз...
Шалгыннан жоны кылтылдап...
Ат айгырлар биелер...

Полицейский. Это что за белиберда?

Абай. Это стихи, уважаемый...

Полицейский. Я уже понял, что ты нерусский!

Абай. Я поэт...

Полицейский. А-а, то есть эта ахиня — это стихи сейчас были?

Абай. Конечно! А дальше там так...

Полицейский. Не надо!

Абай. Бийири шыгып ызкылдап... Суда турып шыбындап...

Полицейский. Слушай, хватит, а? И без твоей муры башка трещит...

Абай (*нараспев*). Кыйрыгымен шылпылдап... Арасында кулын-тай...

Полицейский (*продолжает писать*). Возишься тут с вами в свой законный выходной! Жене обещал, что в пять буду — а шас семь уже...

Абай. Ну что ты так волнуешься, уважаемый? (*Поднимается.*) Я могу уже идти?

Полицейский. Куда? Сидеть!

Абай. Хорошо... (*Садится.*)

Полицейский. Пойдет он... шас ты пойдешь у меня! Последний раз спрашиваю — на бульваре что делал?

Абай. Я же говорю — шел себе...

* Здесь и далее цитируется стихотворение Абая Кунанбаева «Лето» (перевод с казахского Анара Лизари).

Полицейский. Подельников своих давай — фамилии, адреса, телефоны...

Абай. Каких таких подельников?

Полицейский. С которыми несанкционированное шествие организовал!

Абай. Ничего я не организовывал. Я же рассказываю...

Полицейский. Слушаю внимательно!

Абай. Я шел себе по цветущей степи...

Полицейский. Какой степи?

Абай. Цветущей.

Полицейский. Дурачка решил включить?

Абай. Какого дурачка?

Полицейский. Фу-у... слушай, ты меня достал! Либо ты щас будешь отвечать на вопросы следствия, либо я тебя отправлю в камеру — и ты там до утра посидишь...

Абай. Зачем в камеру? Не надо в камеру...

Полицейский. Тогда без петрушки мне давай!

Абай. Я без петрушки... А что это, кстати?

Полицейский. Что?

Абай. Петрушка — что это такое? Цветок такой?

Полицейский. Твою дивизию!

Абай. Я серьезно. Не знаю, что такое петрушка...

Полицейский. Трава такая! Мы ее едим!

Абай (*кивает*). Хорошо. Буду знать... При случае обязательно попробую!

Полицейский (*ударяет кулаком по столу*). Молчать! Все! Достал уже!

Молчать и отвечать на вопросы!

Абай. Как же это можно, уважаемый — и молчать, и отвечать?

Полицейский. Екарный бабай!

Абай. Абай! Абай мое имя... Абай Кунанбаев.

Полицейский. Ты меня реально решил довести?

Абай. Нет...

Полицейский. Ты смотри — договоришься сейчас!

Абай в ответ только разводит руками. Полицейский немного успокаивается и продолжает писать.

Полицейский. Повторяю вопрос — дружки твои куда направились?

Абай. Какие дружки?

Полицейский. Такие же, как и ты, — с белыми ленточками!

Абай. Какими ленточками, уважаемый?

Полицейский. Ну какие вы на себя напяливаете? Контрацептивы эти...

Абай. Контра... что?

Полицейский. Врезать бы тебе — жалко, камер везде поставили! Как на бульваре оказался?

Абай. Слушай, уважаемый, я правда не понимаю, что сегодня со мной произошло...

Полицейский. Ага... интересно!

Абай. Я шел себе к юрте, где меня ждала моя Тогжан...

Полицейский. Баба твоя?

Абай (*мечтательно*). О, Тогжан... зрачок моих глаз! Пламень души моей...

Полицейский. Опять двадцать пять... (*Откладывает ручку.*) Я шас психиатра позову!

Абай. Зачем психиатра? Не надо психиатра! (*Пауза.*) А кто это?

Полицейский. Узнаешь!

Абай. Хорошо... столько нового сегодня!

Полицейский (*выдыхает и снова берет ручку*). Так, дальше... шел к бабе своей — и что?

Абай. И вдруг все вокруг как будто заискрило... пыль поднялась столбом... засверкали молнии... меня подхватило, понесло... потом все стихло — и я опустил на землю...

Пауза.

Полицейский. И? Все?

Абай. Нет... перед тем как вокруг сгустилась тьма, я успел увидеть трех каких-то странных людей в серебристых тюрбанах, закрывающих всю голову, — и таких же странных одеяниях... Они махали руками, как будто хотели меня поприветствовать, — и я тоже помахал рукой им в ответ!

Полицейский (*выдыхает*). Дальше!

Абай. А потом, как я уже сказал, я опустил на землю... Тьма рассеялась, и я увидел, как ко мне приближаются еще люди в тюрбанах... Только у них тюрбаны были уже черные — и халаты тоже черные! А в руках — черные палки... И они потащили меня в какой-то железный ящик на колесах — и сказали, что я пидо... дальше не помню — но какое-то слово на пэ... не скажешь, уважаемый, — что оно означает?

Полицейский. Ну точно шас скорая потребуется! Причем уже мне... (*Снимает фуражку и утирает пот со лба.*)

Абай. Зачем скорая? (*Сочувственно на него смотрит.*) Нехорошо тебе, уважаемый, — все лицо в поту... Лекаря надо!

Полицейский (*надевает фуражку*). Так... ну, пятнадцать суток, падла, ты по-любому заработал! Так надо мной никто еще не глумился — хотя всякие попадаютя...

Абай. Айнала шауып бултылдап...
жогары-тыгмен ыйрек каз...
ушып турса сымпылдап...
кыз-келиншек ий тыгер...

Полицейский. Давай-давай — продолжай в том же духе! (*Достает рацию.*) Щас мы тебя еще на наркоту проверим...

Абай (*показывает на рацию*). А что это у тебя за диковинная коробочка?

Полицейский (*в рацию*). Первый, первый — я второй... ответьте! (*Из рации доносится треск, шум и какое-то невнятное бормотание.*) Гриш, ну чо там? (*Бормотание становится более экспрессивным.*) Еще восемь человек? Ну и куда мне их девать? (*Бормотание делается более размеренным.*) Вот сам их и будешь оформлять! Все, конец связи... (*Выключает рацию.*) Дятел...

Абай. Дятел? Это что за...

Полицейский (*машет рукой*). Ой, не начинай! Щас вот еще восемь таких же кубаноидов, как ты, привезут — вам будет о чем поболтать... (*Продолжает писать.*)

Абай (*задумчиво*). Кубаноид... еще одно странное слово!

Полицейский (*протягивает бумагу задержанному*). Распишись, где галочка!

Абай (*смотрит на бумагу*). А что это, уважаемый?

Полицейский. Протокол задержания.

Абай. И что здесь написано?

Полицейский. Ты еще и неграмотный? (*Пауза.*) Написано, что ты переходил улицу в непопозволенном месте. На первый раз — предупреждение. В следующий раз оштрафуем...

Абай. Я... (*Обрадованно.*) Я могу итти?

Полицейский (*машет рукой*). Катись!

Абай (*поднимается и кланяется*). Благодарю, уважаемый...

Полицейский (*указывает рукой на дверь*). Выход там!

Абай. Спасибо! (*Еще раз кланяется и уходит.*)

Полицейский переводит дух. Но не успеваеет он этого сделать, как на пороге снова появляеетя Абай. Полицейский смотрит на него офигевшим взглядом.

Абай. Забыл спросить, уважаемый, — как мне теперь домой попасть?

Полицейский. На метро!

Абай (*удивленно*). На чем?

Полицейский (*исступленно*). Пошел вон!

Абай снова кланяется и исчезает. Полицейский с облегчением выдыхает. В помещение входит другой полицейский.

Второй полицейский (*хлопает коллегу по плечу*). Здорово, Толян!

Полицейский. Здорово! Чего у вас там за дела?

Второй полицейский. Да вот привезли еще клоунов...

Полицейский. И куда их девать?

Второй полицейский. Сюда посади пока...

Полицейский. Не положено! По уставу сюда вообще посторонним нельзя...

Второй полицейский. Да у тебя ж только что клиент тут сидел!

Полицейский (*усмехается*). Клиент... еще парочка таких клиентов — и я досрочно на пенсию загремлю! По состоянию здоровья...

Второй полицейский (*садится рядом*). А че такое?

Полицейский. Да весь мозг мне выел! Всю дорогу дурака включал...

Второй полицейский. Они все такие... Щас пока ехали, один выдал типа: «По закону о полиции вы не имеете права держать нас больше трех часов с момента задержания без предъявления обвинения».

Полицейский. Офигеть! А ты что?

Второй полицейский. А я ему говорю — хреновенько ты, уважаемый, закон читал! Не с момента задержания, а с момента доставки в отделение... И если продолжишь выступать, мы тебя вообще со скоростью десять километров в час повезем!

Полицейский. Правильно! А то совсем распоясались...

Второй полицейский. Ну чего, оформишь?

Полицейский. Ага, щас! Разбежался... Ты набрал — сам и оформляй!

Второй полицейский. Толян, ну ты че? (*Пауза.*) Чего им хоть в причине задержания писать?

Полицейский. Как обычно — пил, курил, ругался матом. Топтал клумбы...

Второй полицейский. А этому ты чего написал? (*Берет со стола протокол.*) Ни фиги себе!

Полицейский. Чего?

Второй полицейский. Толян, ты чего тут понаписал?!

Полицейский. А чего? (*Тоже заглядывает в протокол.*)

Второй полицейский (*читает*). «Летний день июльский пришел... Где подснежник весной одиноко рос — там стебли травы большой все покрыли... В пыли дорога...» Чего это за хрень?

Полицейский. Вообще не понимаю! (*Забирает протокол и сам читает.*) «На кибитке аул, гремя, переехал к реке повыше... Холки куцые жеребят над травой чуть видны, и дышат тяжело у кобыл бока... Кони к речке идут напиться...»

Второй полицейский. Да-а...

Полицейский.

Как хвостами начнут махать —
Над рекой вдруг взмывают птицы:
Утки, гуси... садятся потом.
Молодые казашки юрты
Ставят и, проходя, бедром
Чуть качнут. Локоток согнутый
Оголится, когда за край
Подшивают кошму так ловко.
Возвращаясь, их видит бай —
Улыбается их сноровке.

Второй полицейский. Жесть! Ты чо — поэт, что ли? Я и не знал...

Полицейский. Да пошел ты! (*Комкает лист.*) Теперь все переписывать из-за этого дебила... Что за день такой! (*Достает из ящичка стола новый лист и начинает писать.*)

Второй полицейский. Новости смотрел?

Полицейский (*рассеянно*). Не-е... а чо там?

Второй полицейский. Космонавты пропали.

Полицейский. Какие космонавты?

Второй полицейский. Ну, наши полетели на прошлой неделе — и с ними какой-то индус... типа космический турист.

Полицейский. Чего? (*Пауза.*) И чего?

Второй полицейский. Ну и пропали! Говорят, сегодня утром во время приземления исчезли с экранов радаров — и как в воду... где-то посреди степей...

Полицейский внезапно откладывает ручку и ошалело смотрит на своего коллегу.

Второй полицейский. Что?! (*Пауза.*) Что-то не так?

Аля Гончарова

Сладкие грезы юности

Действующие лица:

Света, ученица средней школы

Писательница

Оля, Ира, Маша, Леха, Димон, одноклассники Светы

Юлия Петровна, классный руководитель, преподаватель геометрии

Мама Светы

Лошадь

Сцена первая

Обыкновенный класс. Парты, стулья, доска, учительский стол, два окна с пышными шторами. Неуверенно, постоянно озираясь, выходит девушка. На ней темно-синяя школьная форма, черный рюкзак. Она подходит к доске, берет в руки тряпку, рассматривает ее, кладет на место. Идет между партами, по-прежнему озираясь.

Голос. ...В это серое утро девятиклассница Света пришла в школу раньше всех. Не потому что надо было приготовить или списать домашнее задание, нет, девочка была отличницей, а потому что вчера с ней случилась пренеприятнейшая история...

Света (*перебивая голос*). Простите, пожалуйста, кто это здесь болтает?

Голос. Ты меня слышишь?

Света. Со слухом у меня все в порядке, а память что-то шалит. Ничего не помню. Так кто ты?

Голос. Я широко известная в узких кругах писательница, и ты, Света, героиня моего нового шедевра — романа для подростков «Сладкие грезы юности».

Света. Че? Да ты гонишь!

Голос. Не выражайся, ты очень положительный персонаж!

Света (*садится на парту*). Кошмар! (*Закрывает голову руками.*)
Неудачно как-то день начался. Я хоть симпатичная?

Голос. Ты красивая, но очень скромная.

Света (*достает зеркало, рассматривает себя*). Волосы пушистые, реснички бархатистые, глаза (*присматривается*) голубые? Серые? Нет, пусть будут голубые! Губки пухлые... Неплохо, совсем неплохо.

Света продолжает рассматривать себя в зеркало. В это время в класс начинают заходить одноклассники, негромко переговариваясь между собой.

Голос. В классе Света держалась особняком, ни с кем не дружила, кроме Маши...

Света. Это почему же?

Голос. Ты же отличница!

Света. Ты говоришь так, будто это разновидность лишая.

В класс входят Леха и Димон. Все сразу обращают на них внимание, подходят к ним, здороваются.

Света. Привет, мальчики!

Голос. Она тайно была влюблена в Леху, самого популярного парня в школе. Света! (*Света вздрагивает.*) Вон тот парень в синей толстовке.

Света (*подскакивает*). Что?!

Голос. Чем он тебя не устраивает?

Света. Да ты посмотри на него! По лицу видно, что у него в голове одна извилина, и та от расчески!

Леха громко ржет. Все вздрагивают.

Голос (*неуверенно*). Голубые глаза, красив как бог.

Света упрямо мотает головой.

Голос. В молодежном популярном сериале снимался...

Света. Это должно меня как-то примирить?

Передразнивает движения Лехи.

Голос. Ну ладно.

Леха резко скидывает толстовку, под ней строгая рубашка. Хватает учебник геометрии, начинает читать.

Света. Уфф, так немного легче. Иду на контакт.

Света спрыгивает с парты, идет к Лехе. Дорогу преграждают Оля и Ира.

Света. Привет, девчонки!

Хочет пройти, Оля и Ира отталкивают ее.

Ира. Ой, Оль, посмотри, кто это у нас в уголке зашевелился?

Оля. Лапками засуелился? Наверно, с памятью у нашей мышки плохо стало...

Света. Правда, как обухом отшибло...

Ира. У тебя косяк, ты наказана! Забыла?

Света. С какой такой радости?

Оля. Прикинь, Ир, она забыла, как вчера из-за ее тупости мы контрольную провалили!

Ира. Если к Лехе с Димоном подойдешь, все лицо расцарапаю — мама не узнает! Это наши, понятно?

Оля. Место!

Света в ярости замахивается кулаком...

Голос. Садись, садись. Ты не решаешься дать им отпор.

Света. Я поняла! Я не героиня, а какая-то мокрая курица!

Голос. Не-не-не, ты потом как-нибудь изменишься, станешь смелее. Тебе нужна перспектива для роста.

Света. Хоть за волосы можно один раз дернуть?

Голос. Что за мысли?!

Света. Да ладно... А кто на физре во время футбола саданул Руслану между ног как бы ненарочно, а на самом деле за то, что он тебя крысой обзывает?

Голос. Откуда знаешь?

Света (*пожимая плечами*). В голове этот кадр крутится, как кино.

Ответная реплика тонет в школьном звонке. Все расходятся по местам. Света незаметно ставит Оле подножку. Оля чуть не падает. Входит Юлия Петровна.

Юлия Петровна. Урок геометрии! Доброе утро, ребята!
Класс. Доброе утро, Юлия Петровна!
Юлия Петровна. Садитесь.

Все расслаживаются, Света копается в рюкзаке.

Юлия Петровна. В начале урока небольшое объявление. Скоро в нашей школе пройдет конкурс красоты среди старшеклассниц. (*Всеобщее оживление.*) Победительница получит пропуск на финальный городской конкурс и солидный денежный приз.

Класс. Уууу!

Света, надувшись, уткнулась в учебник.

Юлия Петровна. Так, успокойтесь! Нам нужны добровольцы! Кто будет отстаивать честь моего любимого 9-го «Б»?

Ира и Оля поднимают руки.

Юлия Петровна. Записываю: Сидорова Ирина и Монакова Ольга.
Димон. Кто бы сомневался! Папаша Иркин наверняка в жюри сидеть будет. Он же главный спонсор нашей школы!

Голос (*Свете*). Руку подними!

Света. А? Что?

Голос. Руку, говорю, подними!

Света поднимает руку.

Юлия Петровна. Светлана Возметелева! Какой приятный сюрприз! Наши девочки составят конкуренцию всей школе!

Света. Когда подготовка начнется?

Юлия Петровна. Завтра после занятий, в актовом зале.

Света. А тетрадку надо новую заводить? Может, учебники какие-то прочитать?

Раздаются смешки.

Ира. Ага, учебник по искусству хождения в купальнике!

Света. Я думала, меня на олимпиаду записали...

Оля. Да, со Светкой мы запросто выиграем! Милая, ты такая смешная!

Маша. Светка, ты молоток! Я тебе помогу, если что.

Света. Кажется, на этот раз я влипла по-серьезному.

Юлия Петровна. А теперь мы переходим к геометрии (*раскрывает журнал*). Задача № 436. К доске пойдет...

Все замирают.

Сцена вторая

Вечер. Комната Светы. Кровать, стол, огромное количество мягких игрушек. Оглушительно гремит музыка. По кровати скачет Света, дрыгает ногами и кидается игрушками. Неожиданно музыка обрывается. Света застывает на месте, держа плюшевого тигра за хвост. На лице недоумение.

Голос. Эй! Эй! Чем ты здесь занимаешься?

Света. Музыка слушаю.

Света слезает с кровати, чинно садится за стол.

Голос. Откуда эта хре... музыка?

Света. Я вчера поздно возвращалась с репетиции, в переходе с классными ребятами познакомилась. Они такие милые, вначале прикурить попросили, а когда уже познакомились, и сигареты предлагали, и номер телефончика. Я только диск взяла послушать. Прикольные, надо как-нибудь с ними еще состыковаться.

Голос (*задохнувшись*). Ты... ты... тебя... Разве ты не видела там красавчика Леху?

Света. Да вроде пробежал мимо. А что?

Голос. Уже ничего! Конечно, он мимо пробежал! Спасать-то было некого!

Света. Это, между прочим, я должна обижаться и носом крутить! Какой бабушки ты заставила меня участвовать в этом глупом конкурсе красоты?!

Голос. А кто сегодня запер Олю с Ирой в мужском туалете?

Света. Они там курили! А я очень положительный персонаж!

Голос. А... а... ты уроки сделала?

Света. На неделю вперед! Несколько дней не могу уснуть нормально, стихи какие-то дурацкие про любовь в голову лезут. Одними задачками по геометрии спасаюсь. Если совсем плохо, физику читаю.

Голос. Неплохо, неплохо. Проявился еще один признак влюбленности.

Света. Кстати, давно хотела спросить: у меня есть родители?

Голос. Э-э-э... конечно... есть мама...

Цокот каблучков. На сцену выходит мама Светы, закутанная в нечто воздушное и дымчатое.

Света. Мама!

Бросается обнимать маму, та застывает, руки картинно разведены в стороны.

Мама (*неестественно громко*). Света, как прошел день в школе?

Света (*усаживается вместе с мамой на кровать*). Мама! Мамочка! Почему я тебя совсем не вижу? Я скучаю, мне одиноко.

Мама (*так же неестественно*). Света! Ты уже большая девочка! Знала бы ты, как я занята: с утра до вечера работа. А еще фитнес, бассейн, массаж, спа. Про подруг нельзя забывать. И ночью... не всегда нормально поспишь.

Света. Поня-я-ятно.

Мама. Будь умницей. Учись хорошо. Чтобы дома была до десяти. Спокойной ночи.

Света (*удерживая маму*). Я в конкурсе красоты буду участвовать!

Мама (*улыбается широко*). Молодец! Я помогу тебе купить вечернее платье. Но запомни: самое главное — это купальник. К нему нужны специальные колготки.

Мама целует Свету в лоб, уходит. Цокот постепенно утихает.

Света. Да, мама у меня есть. Про папу даже спрашивать боюсь.

Света ложится на кровать. Тяжело вздыхает. Снова слышен цокот.

Света (*радостно подскакивает*). Мама!

Цокот приближается. На сцену выходит лошадь.

Света (*растерянно*). Кто это?!

Голос. Черт! Черт! Опять комп глючить начал! Только не зависай! Только не вирус!

Света (*зовет*). Вирус, Вирус...

Лошадь задумчиво машет хвостом. Идет назад, потом вперед. Замирает.

Голос. Черт!!!

Свет резко гаснет.

Сцена третья

Черный фон. Золотые буквы «Мисс красotka». Звучит энергичная, радостная композиция.

Голос. Дамы и господа! Встречайте финалисток нашего конкурса красоты!

В роскошных вечерних платьях на сцену выходят Света, Ира, Оля и еще несколько девочек. К ним навстречу идут парни. Начинается танец. Света танцует с Лехой. Танец заканчивается, все уходит, кроме Светы. Звучит уже знакомая разухабистая мелодия. Света оказывается в своем классе, хватается за телефон. Музыка резко обрывается.

Света. Да? Костя?! Привет! Как здорово, что ты позвонил! А откуда у тебя мой номер? *(Смеется.)* Понятно. Какие новости? Я тут в конкурсе участвовала. Нет, не первое. Третье. Самое главное — призовое. Да уж, сбылась мечта идиота. *(Помолчав.)* Знаешь, у меня тоже есть мечта: по широкому-широкому полю мчаться на лошади, и чтобы цветы бежали вместе с нами. И свобода, самое главное — свобода. Я даже лошадь видела. Где? В своей комнате. *(Смеется.)* Каждое воскресенье ездешь на конюшни? Здорово! Сейчас новый музон пришлешь? Классно!

Голос *(слащаво)*. Светочка, а ты не могла бы встать за шторку? Спасибо.

Раздается сигнал телефона. Света подключает наушники, танцует в такт неслышимой музыке, встает за занавеску. В класс влетают Леха и Ира. Ира в вечернем платье, с короной на голове.

Ира. Я так счастлива! Первое место! *(Обнимает Леху.)*

Леха *(кисло)*. Я и не сомневался. Как никак папочка — председатель жюри.

Ира. Ты что, не рад за меня? Злишься до сих пор, что я на конкурсе танцевала не с тобой, а с Димоном?

Леха. Да нет, я сам его попросил.

Ира. Вот и чудненько! Хотя мне нравится, что ты ревнуешь.

Леха хочет возразить, но ему в рот попадают Ирины волосы, и он только отплеивается.

Ира. Подходящий повод, чтобы признаться.

Леха. Это был не я.

Ира. Глупенький! Я давно знаю, что ты от меня без ума!

Леха. А-а, ну... это... Не спорю, раньше я на тебя залипал... но...

Ира взвизгивает и впиается ему в губы. Леха беспомощно взмахивает руками. В это время из-за занавески выскакивает раздухарившаяся Света, которая ничего не слышала, кроме музыки.

Света (*поспешно стаскивая наушники*). Пардон!

Хочет проскользнуть мимо.

Леха. Постой, Света! Ты все не так поняла!

Ира. А по-моему, как раз все правильно.

Голос. Света, что стоишь, парень уходит от нас!

Света. В каком смысле?

Голос. Отбивают!!!

Света. Да больно надо. И вообще он так себе. Музыка не слушает, на репетициях все ноги отдал и, самое что главное, лошадей не любит.

Голос. Тогда ты не отомстишь Ирке!

Света. Я очень положительный персонаж.

Голос. У меня любовный роман для подростков!

Света (*нехотя*). Хорошо. Бей конкурента!

Подходит к парочке, начинает оттаскивать Леху. Завязывается потасовка.

Леха (*Ире*). Да отстань от меня, прилипала! Мне нравится Светка, она клевая. Она будет моей девушкой.

Ира рыдая убегает. Леха хочет обнять Свету, но та уворачивается. Начинают носиться по комнате, будто играя в догонялки.

Голос. Светочка, я тебя умоляю! Еще две страницы и эпилог. У меня же все сроки сдачи рукописи горят. Светочка! Деточка, ну почему ты вся в меня пошла... Так, я хотела по-хорошему...

Света спотыкается на ровном месте и падает. Леха тут же сгребает ее в охапку.

Голос. Я тебя очень прошу, осталось совсем чуть-чуть!

Света. Ладно... но чтобы все было как в романе. Даже если в подростковом.

Леха ставит Свету на парту, начинает расшаркиваться перед ней в реверансах. Звучит нежная романтическая мелодия. На сцену выходит лошадь и, задумчиво пожевывая, смотрит на парочку.

Света (*увидев лошадь*). Вирус!

Бежит по партам к лошади, садится на нее верхом.

Света. Я это, мигом! Иго-го!

Лошадь убегает со сцены, уносит Свету. Леха остается один.

Голос. Света! Светка! Куда же ты?! *(Пауза.)* Ничего без меня не могут! Пока сама не сделаешь, никто не сделает. Держись, Леха, я иду к тебе!

Щелчок клавиш: стены разьежжаются, и навстречу Лехе выходит писательница — женщина средних лет, с кислотными волосами и в рваных джинсах.

Леха *(пятится)*. М-мамочки...

Писательница *(хватает Леху за грудки и притягивает к себе)*. И закончится мой роман словами «и их губы слились в восхитительном поцелуе»!

Ксения Жукова

Пирог с лимонной корочкой

Действующие лица:

Аня, 38 лет

Саша, 40 лет

Инга, 37 лет, подруга Ани

Детский голос

Мужской голос

Сцена первая

Аня разговаривает по телефону с Сашей.

Аня. Эй! Э-эй! Ты?

Саша. Я.

Аня. Как ты там, как твое гармоничное равновесие? Ау?

Саша. Я тут.

Аня. Да, да, я знаю, ты рядом.

Саша. Ну, как сказать. Я сижу, у меня тут батон и бокал шампанского.

Аня. Батон! Бокал! Утро! Ты рад? Ты доволен? Нет, ты скажи, ты скажи мне, ты раз утром, раз шампанское, раз просто хлеб — значит, ты рад? Значит, ты знал, что я позвоню? Эй? Э-эй! *(Дует в трубку.)* Шшшш. Фф. Алло! Алло? Ал-ло. Где ты там? У тебя закончилось шампанское? Разбился бокал? Ты где? Ау-ууу! *(Гудит в трубку.)* У-у-у-у.

Саша. Шампанское закончилось. *(Пауза.)* Да и все остальное тоже.

Аня. Тебе привезти? Что тебе привезти? Ты хочешь? Когда мне приехать? Ты знаешь, мне немножко тут нужно, что называется, протормозить,

а потом, потом я готова. Ты к котлетам куриным как? Ну те, что по-киевски? А пирог? Яблочный. Ты знаешь, есть потрясающий рецепт. Я еще не делала, но говорят, это что-то. Кто говорит? Алло? Не молчи!

Саша. Не молчу.

Аня. Так вот, ты же наверняка хочешь знать, кто говорит! Да, да, Инга. Она. Не помнишь? Ну, я же знаю, что ты сейчас скажешь, что не помнишь. Я же вижу, как ты морщишь переносицу, нет, ну правда ведь! Ты Ингу не помнишь? Она ко мне заходила как-то, но ты вечно спешишь и...

Саша. Я тут что-то стал задумываться...

Аня. Ура! Вот и умница. Ничего, что я так ерничая? Вот ты сейчас повешишь трубку... Ой, не так. Вот я сейчас повешу трубку. Я сейчас ка-ак нажму на вот эту зелененькую кнопку. А потом все. Ты сейчас здесь. А потом останешься в трубке, под дождем из тоненьких «пи-пи-пи», под этим ливнем, шквалом гудочного разъединения. Вот. А я и помнить тебя не буду. Пройду — не поздороваюсь! Вот как тебя я забуду.

Саша. Зачем меня помнить, и не надо.

Аня. Что с тобой? Ты... что? А... кажется, я догадалась — тебе просто хочется грустить. Да, да. Тоже такое бывает.

Саша. Послушай. Ты разве не поняла? Тебе удобно, хорошо, тепло и уютно в наших отношениях. А мне нет.

Аня. Нет?

Саша. Нет.

Аня. Нет? Нет? Нет?

Саша. В общем, на эту тему без вопросов. Ответа не будет.

Аня. Подожди. Ты что-то зачастил. Я, наверное, не то услышала.

Саша. Да все то, все то.

Аня. Я тебе вроде про пирог Ингин... ну, с лимонной корочкой. Он такой вкусный. Ты знаешь, я все же попробовала кусочек, отщипнула корочку. Она не золотистая, нет, она такая вся, ну, как корочки... она вправду золотая. От лимона. А ты так любишь лимоны. Я поняла. Я поняла. Ты просто перегорел! Да! Сейчас ты опомнишься. Конечно, опомнишься. Не отвечай, только не отвечай!

Саша. Ты права, в последнее время стал перегоревшим каким-то, что-то с нервами. Отвечу, когда пойму, что ответить. Надеюсь, перемены исключительно положительные.

Аня. Нет, надо ответить, отвечать. Как же так?

Саша. Я тебе перезвоню.

Сцена вторая

Комната Инги. Большой плюшевый диван, на котором с ногами сидят две подруги — Аня и Инга.

Аня (*продолжает разговор*). И я ему позвонила. А потом еще раз, но трубку никто так и не поднял. Вот что тут думать?

Инга (*задумчиво*). Летишь с другого конца света, набираешь номер, а он... вот они такие все! Как мой вот, я всегда ему звонила, всегда, как приезжал, — нате вам тапочки, нате вам пирожки. Я на курсы кулинарные пошла, все ради него! Я такие супы готовить научилась. (*Достает из кармана фартука сигареты. Закуривает. Тут же гасит, кладет обратно.*)

Аня. Я не летела на другой конец света. Только другая улица. Другая улица. И даже не на другом конце города, а всего лишь две остановки на автобусе.

Инга. Это сейчас... А когда ты ему звонила из своей командировки? Сколько раз на дню? Двадцать? А он? А ты моего вспомни? (*Шарит в кармане фартука.*) Он же, он же... черт, я ж не курю с тех пор, ну вот. Он же, гад такой... (*Что-то говорит, но слов не слышно, потому что Аня не слушает.*)

Аня. Оставим. У нас есть что погрызть? Сухарик... да, сухарики или чипсы, а?

Инга. Сухарик! Я ей тут суперсуп приготовила. Томатный крем-суп. Пальцы не съешь, потому что дам ложку, могу две даже... Так вот, она же страшная такая, я ему так и сказала, когда уходил: она же страшная! А он невозмутимо так: ну и что? Это, мол, не самое такое в жизни страшное. Скаламбурил напоследок. Она ведь не только страшная, она даже готовить не умеет. А я?! Я тебя сейчас таким супом! Все насмарку! Таким супом угостить могу, а толку. Кто оценит? Кому надо?

Аня. Кто-то же должен оценить. А я такая голодная от переживаний. Так что я твой суп уже ценю, заочно. (*Прислушивается.*) Тише, кажется, смс.

Инга. Нет, ты совсем чумная стала. Так нельзя себя изводить.

Инга качает головой. Встает с дивана, делает шаг в сторону кухни. Аня достает из сумки телефон, читает смс, радостно смеется.

Аня (*кричит*). Инга-Иг-га-га! От него смс! (*Начинает прыгать и выделывать па на диване.*) От него! От него! Видишь, все верно, мне не показало!

Высовывается Инга с половником.

Инга. Что пишет?

Аня. Ой, сейчас прочту (*листает сообщения*). Ага. «Извини. Конечно, должен был позвонить». Ты понимаешь? Он извиняется! Ура-ура!

Инга. Осторожнее! Вот здесь пружина выпадает. И здесь. И вообще. Не надо так.

Аня. Как? (*Перестает прыгать.*)

Инга. Суп прокис. Есть пирог. Будешь?

Сцена третья

Аня. Алло. Это я. Я звоню тебе. Привет!

Саша. Пока!

Аня (*дует в трубку*). Фууу... Шууу... (*В трубке короткие гудки.*) Ну вот. А я так поговорю, вот так, хорошо? Пусть идут эти гудки. Я буду сквозь гудки с тобой. Ты же все равно здесь. Ты же только что держал эту трубку. Да? Я... а я, я буду тебе рассказывать, как дела. Я бы тебе рассказала, что все-таки испекла этот чертов пирог с этой лимонной корочкой. Ты знаешь, это не так сложно. И совсем не горько. А давай... ну ты же придешь, я вижу, как ты приходишь. Ты садишься и говоришь, что этот пирог можно есть бесконечно. И что за него ты готов отдать душу, ну полдуши, ну уж кусочек-то обязательно. Кусочек души за кусочек лимонного пирога... (*Идут гудки.*) Да, и дальше. А я бы надела то платье, в котором, ты говоришь, я так похожа на фею. (*Гудки.*) Я на завтра отпросилась. Завтра весь день наш. Целый-целый день. Длинный. Мы же пойдем гулять. Пошататься по мостикам. Мы сосчитаем все мосты. Ты как-то сказал, что твоя мечта — пройтись по всем мостам мира... Ой, вторая линия...

Аня переключается на вторую линию.

Детский голос. Мама, мама, это мы! Ты скоро? Когда ты со своей работы? У Катки сопли с километр, а платок она потеряла. Салфетки тоже. Я ей сказала, чтобы ко мне не подходила со своими километровыми. А то у меня завтра концерт отчетный. Ты помнишь? Ты сказала, что тебя отпустят с работы. Давай скорее! Не хочу без тебя ужинать. Даю папу.

Мужской голос. Анют! Алло, Анют. У тебя так долго было занято. Как жаль, что наши выходные опять не совпали. А я тут... гм... набрел на один забавный рецепт. Пирог с лимонной корочкой, ты представляешь? Решил рискнуть. Девочки помогали. Пирог, кажется, снесен. Я его полотенцем накрыл. Давай уж скорее. Алло! Алло?

Андрей Иванов

Это все она

Действующие лица:

Мать

Сын

Тоффи

Тауэрский ворон

Монолог первый

Мать и сын в своих комнатах. Комнаты разделены чем-то большим, чем просто стена. Мать стоит, прижимая к груди пустую птичью клетку. Сын сгорбился над компьютером.

Мать (*разговаривает с подругой*). В этот день было особенно холодно... Середина ноября. Я купила эту идиотскую птицу у мужика с большими руками. Вообще непонятно, как он этими огромными лапищами держит крошечных попугайчиков, — даже когда он ловил его, мне казалось, что эта птичка — не жилец. Он засунул птицу в мою клетку, она стала метаться, забилась в угол и затихла. Нет, не умерла, просто затихла. И я понесла ее домой.

Был жуткий ветер, пронизывающий. Я пыталась ее спрятать от ветра, закрывала своим пальто. У меня пальцы сделались как деревянные... И вот я прихожу. И стою, как дура, перед своей дверью. Знаешь, я часто так теперь стою. Думаю — позвоню и услышу шарканье Ваниных тапок по коридору. И вот так бы вечно стояла, кажется, — стояла и слушала это шарканье. Но все равно достала ключ и открыла — сама. Потому что Костя мне не открывает. Он никому не открывает. А когда я спрашиваю его, почему он не открывает (у меня же сумка, пакеты в руках — неудобно ключ доставать!)... он говорит, что не слышал звонка — сидел в наушниках у компьютера.

Так что я открыла сама тогда. Зашла — кричу ему: «Костя! Смотри, кого я принесла! Кое-кто хочет с тобой познакомиться!» И, знаешь, вспомнилось его лицо из детства — когда дети чему-то искренне рады, у них лицо прямо

расплывается — ямочки на щеках, искорки в глазах... И вот я вспомнила, как Ваня ему подарил попугайчика на день рождения. Костя так радовался, так улыбался, ему все хотелось потрогать пальчиком ножку этого попугая, все повторял «ветацька» — ну, веточка, — ему казалось, что у птицы ноги из дерева. Они такие морщинистые, тонкие... Но птичка сдохла через несколько дней — не знаю почему. У ребенка истерика. И я сказала — все, никаких животных в доме. Костя как-то просил щенка, умолял, но я из любви к нему, понимаешь, из любви... сказала — нет — зачем лишние переживания?

И вот я стою в прихожей, как дура, жду его, зову. А он не идет. А я знаю, что он меня слышит. Птица эта сидит на полу клетки, глаза зажмурила. Я разозлилась. Я все делаю, чтобы как-то наладить контакт после того, что случилось, как-то разрядить атмосферу... А он...

Я захожу на кухню, ставлю эту клетку на стол, начинаю мыть тарелки. Наконец не выдерживаю — ору: Костя!!! Через несколько секунд слышу — он вышел из комнаты, идет. И вот он заходит. Смотрит на меня. Я говорю: Костенька! Смотри, кто у нас будет жить! Помнишь — ты же любишь птичек... А он смотрит на меня... Ты знаешь, он так страшно на меня смотрит... Это давно началось, еще при Ване. Он так смотрит, как будто я глубоководная рыба. *(Слезы в голосе.)* Изучает меня. Я говорила Ванечке — что-то не так. Костя холодный, в нем нет любви, в его возрасте это странно. А Ваня говорит — это подростки, что ты хочешь? Все с ним в порядке!

Бедный мой Ванечка... Нет-нет, все нормально, со мной все хорошо...

Ну вот... Он на меня смотрит этим ужасным взглядом. Потом на птицу. И потом, представляешь, разворачивается и уходит. Молча. У меня прямо руки задрожали. За что он так со мной? Это же издевательство — мне и так нелегко. И я хватаю эту долбаную клетку, подбегаю к окну, открываю его, оттуда — ветер, морось... Я открываю клетку, птица орет, я трясу ее, она бьется, но остается в клетке... И я вытряхиваю ее наконец — на холод, она орет, бьет своими маленькими крыльями, но с ветром справиться не может, и ее уносит куда-то, и я слышу ее крик, и я реву... *(Пауза.)*

Я не знаю прямо, что на меня тогда нашло... И теперь я не знаю, куда поставить эту клетку. Я читала где-то, что в нее можно поставить свечку и будет такой оригинальный подсвечник, знаешь, огонек в клетке... Но я ее ставлю и сюда, и туда, и мне все не нравится и не нравится...

Мать пытается куда-нибудь приладить злосчастную клетку.

Сын *(разговаривает с другом)*. Прикинь, когда она приходит, то сразу не открывает дверь. Стоит с той стороны, слушает через дверь, чем я тут

занимаюсь. Типа что я колеса жру или трахаюсь тут с кем-то. Бесит. А потом начинает звонить. А я не открываю. Типа я в наушниках сижу. А потом мозги сушит — типа неужели не слышно звонка? Нет, говорю, не слышно. Только «Линкин парк» слышно.

И вот она приваливает, слушает через дверь опять. Коза тупая, думаю. Потом она заходит и орет. Все время она орет. Как будто мое имя нельзя спокойно говорить. Все время орет, прикинь. Она, типа, даже не замечает этого. И орет, что со мной кто-то хочет познакомиться. Думаю — приперла щенка. Она же типа хочет дружить со мной. А у меня никогда не было щенка. Хотя нафиг он мне нужен...

А знаешь, главное не показывать ей, что ты типа сдался. Что типа ты такой сынуля мармеладный. Иди ты со своим щенком. И я такой молчу. И она тут из кухни как заорет. И я типа медленно так иду на кухню, захожу. А это — не щенок. Приперла воробья какого-то мокрого. И она стоит такая пырится на меня — типа ну что? Чумовая я мама? Типа замутила мне праздник. Типа я теперь до усеру должен обрадоваться. И я такой типа представляю, что бы отец сделал — он бы че-нибудь смешное сказал, как-то все бы заржали, и мне бы было как-то пох, что это не щенок. Типа мне и воробей бы этот понравился. И она бы с этим лицом не стояла, не пырилась бы. Они бы с отцом пососались, и он бы ее похвалил.

А отца нет. И она пырится. Ненавижу ее. Ничего она не умеет. Вообще все ненавижу. Вообще, прикинь, хочется, чтобы все пропало. Чтобы дом сгорел, чтобы она тоже умерла, чтобы школу взорвали, чтобы я остался вообще один. Я на заброшенный завод цементный пошел бы жить. Жил бы как бомж, чтобы никого не было. Только чтобы ноут был с интернетом. Я бы его подзаряжал на вокзале в туалете, а больше ничего не надо.

Ну и короче, я смотрю на этого воробья, думаю — ЛОЛ, воробей. На ноги его смотрю, а они такие шершавые, типа как ветки. И такой молчу и ухожу спокойно. Слышу — она зашебуршала в кухне. Злая, капец, клеткой этой громыкает, воробей орет, окно хлопает. Типа выбросила воробья и сидит там, сопли размазывает. Ну и пох на тебя, думаю.

А сам в окно смотрю. А там холод, жесь. И мне так как-то жестко не в себя стало, ну типа не болит ничего, но все равно. Твою мать, думаю, я с тобой вообще никогда не буду разговаривать. Вообще никогда замечать тебя не буду.

И начинаю на ютубе ролики смотреть — ну типа, знаешь, где люди с великов падают, лбом о стены дубасятся, и смотрю — сам не знаю зачем. И ржу — громко, чтобы она слышала. А внутри жестко очень. Типа мне внутри плакать хочется, а я ржу. А она ревет там.

А сегодня я нашел перья зеленые на клумбе. Наверное, кошка воробья сожрала.

Мать. И я даже холод чувствовать перестала — от обиды, наверное. Окно-то я не закрыла. Я понимаю, что ужасно замерзла. И слышу — он смеется в комнате. Представляешь — смеется! Очень громко. Мне даже жутко стало. А потом я поняла — он надо мной смеется. Вроде как я дура. Истеричка. Вроде как я — не мать, а так, клоун какой-то, который готовит и стирает...

Как Ванечки не хватает... Он бы сказал мне что-то, какие-то слова как специально для меня, которые бы успокоили, обнадежили... Я иногда ищу эти слова в себе — говорят, что как бы образы людей отпечатываются в нас, да? Ищу, но не нахожу ничего, не слышу его голоса. Ой, ладно, не буду, а то расплачусь опять сейчас...

Ну, в общем, слышу я его смех и думаю — все, хватит с меня. Я иду к нему и говорю так холодно, твердо...

Сын. Заваливает ко мне и говорит: типа хватит ржать. Я типа такой: хочу и ржу. Она такая типа хватит. И такая: помойку вынеси, пропылесось, помой посуду, вытри пыль у себя в комнате...

Мать. Говорю — слишком много свободы у тебя, не знаешь, как ей распорядиться. Если некуда девать энергию, так я направлю ее в нужное русло. Нет, ну я не права? Я все понимаю, но я не железная. Нужна жесткость. И, говорю, почисти костюм отца...

Сын. И она говорит — почисти его костюм. А его костюм... Он висит в шкафу. Его. Он как раз в нем был... Это последний его костюм. Она этот костюм оставила. А костюм весь чистый. На нем только одна капля крови. На рукаве. Маленькая.

И типа она такая вся стоит и говорит мне — почисти костюм. То есть типа эту каплю очисти. Коза тупая, ну... Зачем она вообще этот костюм оставила? И типа почисти. Чтобы типа ничего не было. Чистенький костюмчик.

Мать. И он вдруг, не поверишь, встает и говорит: ладно, мама. Я почищу костюм.

Сын. А она такая: но еще типа помойку вынеси. А я такой мармеладный — конечно, мамочка... Почищу костюм. А про помойку и пылесос не говорю. А внутри думаю — убил бы ее нахер...

Мать. И ты знаешь, я расслабилась. Думаю, может, он осознал, что обидел меня. Вроде как раскаялся. И я ушла, на кухне ковыряюсь, думаю про этот костюм. Ну, я тебе рассказывала. Это, конечно, страшная вещь. Но это не просто вещь. Вот он висит в шкафу, и я знаю, что его всегда там можно найти. Ну, то есть как бы, что смерти нет. Я в любое время подхожу к шкафу и глажу его, этот костюм. А еще на нем запах Ванин. Он этот запах очень любил... «Deer Red» называется, я ему покупала на годовщину, такой квадратный флакон... И запах, знаешь... Вот как свежая древесина теплая, на солнце...

И вот я иногда стою и нюхаю. И даже не плачу. Как-то светло внутри... Глажу пиджак этот. И думаю — лишь бы не смотреть, лишь бы на рукав не смотреть... Потому что там эта капля — она как дырка от пули; капля — это и есть смерть. И так мне стало спокойно, что он согласился это сделать. Почистит пиджак — и ему самому станет легче.

Сын. Такая вся размякла, типа хорошо, говорит, типа почистишь и чаю попьем. На глаза себе свой чай вылей, думаю. Она часто стоит возле шкафа, нюхает этот костюм, извращенка. Я вижу. А мне страшно. Мне, если честно, крезануться как страшно этот шкаф открывать. Я мимо этого шкафа на цыпочках хожу. Но я потерплю. Почищу я этот костюм, тупая ты тварь...

Мать. И, представляешь, я домываю посуду, слышу — он в ванной...

Сын. Я в ванной — взял нож такой тонкий, для бумаги, и чищу костюм!

Мать. И звук какой-то странный, не похоже, что кто-то трет ткань, и слышу — он плачет — тонко, как девочка...

Сын. А я смеюсь, так типа знаешь, как Ганнибал Лектер, и чищу и чищу этот гребаный костюм.

Мать. Забегаю — а он полосует его лезвием каким-то. Вот все — не пиджак, а лохмотья... И пахнет керосином... У меня шок...

Сын. И она такая сразу — как змея — как зашипит на меня...

Мать. Что же ты делаешь, дурачок, — я ему говорю. А у меня руки трясутся...

Сын. А я смеюсь.

Мать. А он все плачет...

Сын. Поджег зажигалкой, он как полыхнет...

Мать. Это все горит, пламя прямо до потолка, он плачет, я растерялась. Потом уже кран включила, когда он порядочно обгорел... Я его вытаскиваю, отряхаю, а Костя вытирает рукавом лицо и так мне спокойно говорит...

Сын. Говорю ей: типа мама, я почистил костюм. Я пойду поиграю. Или «Вконтакте» посижу. И ушел так расслабленно...

Мать. И он уходит такой сгорбленный, представляешь, а я сижу, у меня слезы, и хочется его избить прямо ремнем, наказать как-то, а у меня только слезы текут, и я вдруг понимаю, что вот это все черное, искромсанное к себе прижимаю и глажу его и глажу...

Диалог первый

Мать сидит за столом в своей комнате. Мать натужно улыбается. Она снова разговаривает с подругой. Сын лежит в своей комнате на кровати, он слушает музыку и улыбается.

Мать. Ты знаешь, это ужас. Раньше я боялась, что он пьет, или курит, или наркоман, или что-то такое. Он же не пускает меня в свою жизнь. Его как будто нет. Теперь я боюсь... Что он... Подожди, я соберусь... Я боюсь, что он... Го... Понимаешь, гомосексуалист. Ну, гей, как там этот кошмар еще называется...

Понимаешь, он не общается с девочками. Ни разу не видела. И не слышала. У него там есть какой-то друг, ровесник со школы, с которым он все время переписывается в интернете. И бегаёт вроде бы с ним встречаться, гуляют они. Понимаешь меня? Нет, я не придумываю, он очень много с ним общается. Поверь, это странно. И вот я подумала, а что если он — вот такой? Это же конец. Это же... Я видела одно ток-шоу — там они были. Несчастные люди, вырожденцы, убогие... Мне стало жутко. Что если вот я, мать, проморгала этот момент? Что если он посмотрелся в интернете, по телевизору чего-то такого и все — его жизнь сломана?

О чем ты, я, конечно, не могу с ним об этом говорить. Ну как ты себе это представляешь? Мне даже это слово тяжело произносить, а тут — у сына спросить такое! Нет, это кошмар. Я кое-что придумала поинтереснее. И знаешь, у меня успех (*улыбается*). Педагогический успех, я бы сказала. Новый метод. Я решила выяснить это исподволь. Целую шпионскую операцию провернула. Я пошла в интернет (*садится за компьютер*). Изучила их этот новояз подростковый — ну знаешь, все эти «лолы», все эти улыбочки, похожие на зайчиков, смайлики... И высказаться пришлось, да, это ужас, но они же любят так выражаться. Думаю, ради блага ребенка можно и высказаться. В общем, создала такую девочку «Вконтакте», ну, ты знаешь, социальная сеть. Придумала ей экстравагантную биографию, чтобы потаинственнее. Завела страничку — фотографию поставила такую жутковатую немного — такая красивая девочка в черном платье и у нее такая татуировка на всю руку в виде змеи. В современной музыке немного разобралась — поставила в интересах все эти кошмарные группы, которые он любит, пару фраз в статусе — из Ницше, выбрала самые циничные — подростки любят что-то заумное и циничное. Ну и нашла его страничку, а там... Ой, ужас такой — все какая-то тьма, мрак, картинки с повешенными, какие-то лезвия... И страничку он назвал — «Тауэрский Ворон». Думаю — ну что тебе еще надо, я все для тебя делаю, чтобы ты был счастлив, а нет — все тебе не так, все тебе вóроны какие-то, рожи эти страшные и группы эти, где не музыка, а рев... Ну ладно...

И вот я его страничку этой таинственной девочкой добавляю в друзья. А, а назвала я ее Тоффи — ну, как конфетки, знаешь?

А он осторожный. Я понажимала на сердечки под его этими кошмарными картинками. Это называется «лайки» — ну, вроде как мне нравятся его эти повешенные. А он молчал долго. Не отвечал.

Появляются Тоффи и Тауэрский ворон. Они разделены не такой непреодолимой границей, как мать и сын.

Сын оживляется, начинает клацать клавишами компьютера. Мать тоже печатает. Мать и сын реагируют на диалог Тоффи и Тауэрского ворона.

Тоффи. Привет.

Тауэрский ворон. Только не пиши: «как дела?» — это пошло.

Тоффи. А я знаю, как у тебя дела.

Тауэрский ворон. И как?

Тоффи. Херово. Это по твоей странице видно

Тауэрский ворон. Угадала. Смайл. Твоя фотка?

Тоффи. Конечно. А как может быть чужая?

Тауэрский ворон. Ну, ты какая-то странная... все на фотки ставят какую-нибудь ересь, только не себя.

Тоффи. А почему?

Тауэрский ворон. Не знаю. Не любят себя, наверное. Или из-за прыщей.

Тоффи. А это твоя фотка?

Тауэрский ворон. Ну да.

Тоффи. Ты себя любишь?

Тауэрский ворон. Нет. Но фотка все равно моя.

Тоффи. А кого ты любишь?

Тауэрский ворон. Никого.

Тоффи. И я никого.

Тауэрский ворон. Тебе респект. За моллюска.

Тоффи. Моллюска?

Тауэрский ворон. Ну, за губы. Обычно все: губы уткой — и айфоном зеркало в ванной снимают. А ты — нет. Типа искусство. Респект.

Тоффи. Спасибо.

Тауэрский ворон. Ты откуда?

Тоффи. Я из Санкт-Петербурга приехала.

Тауэрский ворон. А у нас говорят — Питер.

Тоффи. Все, кто не из Санкт-Петербурга, говорят «Питер». Смайл.

Тауэрский ворон. А что такое «таксидермия?»

Тоффи. Искусство создания чучел из животных. У меня отец — таксидермист.

Тауэрский ворон. Ололо! Смайл.

Тоффи. Ололо? Это что значит? Хорошо или плохо?

Тауэрский ворон. Ну, по-разному... ну, вообще — хорошо. Ты реально странная. Прикол. Смайл.

Тоффи. Смайл.

Тауэрский ворон. А ты давно у нас в городе?
Тоффи. Неделю.
Тауэрский ворон. И как тебе?
Тоффи. Ололо.
Тауэрский ворон. Ололо? Смайл. Смайл.
Тоффи. Ну, ололо. Ты же сказал, что это значит — хорошо...
Тауэрский ворон. Ок. Смайл
Тоффи. А ты чем занимаешься?
Тауэрский ворон. Ничем. Учусь. Стихи пишу.
Тоффи. ЛОЛ.
Тауэрский ворон. Что — ЛОЛ? Что смешного?
Тоффи. Ничего. Стихи? Интересно.
Тауэрский ворон. Тебе интересно?
Тоффи. Да. А скинь свое.
Тауэрский ворон. Не хочу.
Тоффи. Реально, скинь.
Тауэрский ворон. Ай, блин... не хочу. Долго искать.
Тоффи. Ты на ЛОЛ обиделся? Грустный смайл.
Тауэрский ворон. Че я, педовка — обижаться...
Тоффи. Жалко. Что стихи не покажешь.
Тауэрский ворон. А ты чем занимаешься?
Тоффи. Ну, блин, учусь. Помогаю маме. Она у меня — ололо. Смайл.
Тауэрский ворон. Ты так прикольно «ололо» пишешь. Смайл. Не в строчку.
Тоффи. Как не в строчку? В строчку пишу. А надо как? Столбиком?
Тауэрский ворон. Ты прикалываешься? Смайл.
Тоффи. Нет.
Тауэрский ворон. Ладно, забей. А по фотке не скажешь, что ты такая доча мармеладная.
Тоффи. В смысле?
Тауэрский ворон. Ну типа «маме помогаю».
Тоффи. Ну я помогаю, блин. Но я не маменькина дочка. Я просто люблю маму. А вообще, я по кладбищам гуляю. Там ололо. Убегаю из дома.
Тауэрский ворон. Какая-то хрень. Ты любишь маму, а из дома убегаешь.
Тоффи. Ну, когда... заколебет совсем.
Тауэрский ворон. А по кладбищу не ссыкотно ходить? Там зомби. Смайл.
Тоффи. Ну нет. Там так тихо. И спокойно. Я там думаю о вечности...
Тауэрский ворон. Смайл.

Тоффи. А ты маме своей помогаешь?
Тауэрский ворон. Нет.
Тоффи. Блин, вообще не помогаешь? По дому.
Тауэрский ворон. Она умерла.

Пауза.

Тоффи. Умерла?
Тауэрский ворон. Умерла.
Тоффи. А с кем ты живешь?
Тауэрский ворон. Один... с отцом.
Тоффи. Значит, блин, умерла?..
Тауэрский ворон. Типа того.
Тоффи. А с отцом типа все нормально?
Тауэрский ворон. Да. Нормально. Мы с ним ездим на рыбалку.
И в волейбол... он приколист.
Тоффи. А мама была не приколист?
Тауэрский ворон. Вообще ни хрена не приколист. Орала.

Пауза.

Мать. Ты знаешь, даже давление поднялось. Я подумала, что зря я все это затеяла. И вот такие страшные слова пришли: он меня не любит. Он меня не любит. Так обидно, тебе не передать. Ведь я для него — все... А он меня видит в гробу, понимаешь? Я расплакалась тогда. Но так. Тихо. Чтобы он не слышал в своей комнате. Я вообще почти всегда так плачу. Знаешь, это как чихать, зажав нос. Такое рыдание внутрь. Конечно, иногда я плачу и при нем, чтобы он понял, что расстроил меня. В общем, это было ужасно... И разозлилась я тоже. Я едва все это не закончила. Но потом собралась. Ради блага моего ребенка. Думаю: я это придумала, чтобы выяснить очень конкретные вещи. Умерла у тебя мать, ладно. Умерла так умерла. Главное для меня — понять о тебе... Что с тобой все в порядке... Что ты — не гей...

Сын. И, прикинь, она заткнулась. Ну, телка эта прикольная. Я думаю — типа жалеет меня, что ли? Ну, то, что я ей сказал про мать. Типа плачет, может. Ну, знаешь, бабы плакать любят. Помнишь, как Еремова тоже вся потекла, как узнала, что ты ногу на заводе штырем пропорол? Такая ревет, говорит, что ей тебя жалко, что у нее эмпатия. Корова, не эмпатия у тебя, а фэгээм. Ревела-ревела, тварь тупая, а к тебе не пошла поведать со мной. Никто не пошел. У нас не класс, а капец...

А потом думаю — с чего бы ей, этой Тоффи-Мудоффи, реветь? Она меня нихера не знает. Мало ли у кого родители мертвые. Может, она не отвечает, потому что жрет или на очке сидит... Думаю — че я страдаю, как педовка? Думаю о ней — нехер делать. Пошла она в жопу. Закрыл ваще «Контакт», думаю — в «Танки» пару боев погоняю...

Тауэрский ворон. Ты тут? Тоффи? Тоффи? Алло! Че пропала? Смайл.

Тоффи. Я тут. Как у тебя в школе дела?

Тауэрский ворон. Да что за вопросы — пошла она, эта школа!

Тоффи. Ну ладно, извини.

Тауэрский ворон. Ничего. Не люблю школу. У меня там только один друг. Ты, что ли, любишь?

Тоффи. Нет. У меня репетиторы. Школьную программу дома прохожу.

Тауэрский ворон. Прикольно. Смайл.

Тоффи. А что за друг в школе?

Тауэрский ворон. Ну друг и друг. Просто друг. Мы по заброшенному заводу лазим вместе. Прикальваемся.

Тоффи. Как прикальваетесь?

Тауэрский ворон. Ну просто разговариваем.

Тоффи. И больше ничего?

Тауэрский ворон. Капец, ну а что еще?

Тоффи. Нет, ничего. Смайл.

Мать облегченно вздыхает.

Тауэрский ворон. Хочешь — тоже по заводу полазим? Там круто. Только собаки бродячие, но не бойся — со мной не страшно. Смайл.

Тоффи. Не знаю. Вряд ли.

Тауэрский ворон. Почему?

Тоффи. У меня аллергия на ультрафиолет. Я только ночью гуляю.

Тауэрский ворон. Гонишь. Смайл.

Тоффи. Нет. Редкая болезнь.

Тауэрский ворон. Прикольно. Ты типа как вампир.

Тоффи. О, точно. Как вампир.

Тауэрский ворон. Типа по ночам кровь пьешь. Смайл.

Тоффи. Ну.

Тауэрский ворон. Но ты и днем не спишь. Щас же день. Значит, можешь и днем. Смайл.

Тоффи. Что?

Тауэрский ворон. Кровь пить днем.

Тоффи. Типа могу.
Тауэрский ворон. Смайл. А ты в вампиров веришь?

Пауза.

Тоффи. Ну... да...
Тауэрский ворон. Ты же готка, вампиры тебя должны переть.
Тоффи. Что меня должны делать вампиры?
Тауэрский ворон. Ну переть, ну, типа нравиться должны. «Сумерки» всякие, дракулы... это же для баб всех вампиров придумали... смайл.
Тоффи. Я не баба.
Тауэрский ворон. Извини, для девушек, я имел в виду...

Пауза.

Мать (*разговаривает с подругой*). И, знаешь, мне как-то стало даже самой легко — вот так просто разговаривать с ним, пусть даже так — как бы не по-настоящему, но вроде бы мы с ним никогда не разговаривали так близко, так честно... (*Сын в своей комнате нервничает.*) И пусть он говорит, что хочет мне смерти, пусть! Пусть я половины не понимаю из того, что он говорит, ищу эти слова в гугле. Все равно, знаешь, как будто у меня внутри какую-то плотину прорвало. И я даже решила проверить — насколько ему это важно. И я ему крикнула: Костя!

Сын (*разговаривает с другом*). И она тут опять орет мне. Прикинь, а эта телка как раз ответ пишет. Я так разозлился — думаю: отвали, тварь! А сам ей кричу: я занят!

Мать. Кричу ему: в кино не хочешь сходить?! Я дам денег! А он мне — нет! Я уроки делаю! (*Улыбается.*)

Сын. Она же не может, чтобы не выеживаться, все строит из себя охренительную мамулю. Кино мне начала предлагать, пирог, говорит, хочешь, испеку? Иди ты, думаю, со своим пирогом и кино свое засунь себе... и кричу — не мешай! И наушники надел.

Сын надевает наушники. Мать счастлива.

Мать. Понимаешь, мне стало так легко на душе... Наконец-то я нашла к нему лазейку, малость, но что-то в этом было настоящее, очень ценное. Теперь я поняла, что он не гей, теперь я поняла, что мой Костик — нормальный... Мой сын, оказывается, настоящий мужчина, романтичный, правда немного грубоватый. Ой, ты знаешь, это действует, как наркотик... (*Возвращается к компьютеру.*)

Тауэрский ворон. А ты про себя еще расскажи.
Тоффи. А что?
Тауэрский ворон. Что хочешь.
Тоффи. У меня есть маленький брат. Я о нем забочусь.
Тауэрский ворон. А у меня нет братьев.
Тоффи. Я о нем забочусь, а он не ценит.
Тауэрский ворон. В смысле?
Тоффи. Мрачный такой ходит. Со мной не разговаривает.
Тауэрский ворон. Может, ты не знаешь, что ему нужно? Может, живот ему болит?
Тоффи. Может. Не знаю. Я уже устала.
Тауэрский ворон. Ну а поговори с ним. По чесноку. По-настоящему.
Тоффи. Я говорю.
Тауэрский ворон. А он что?
Тоффи. А он говорит, что лучше бы я умерла.
Тауэрский ворон. Нихрена себе малыш. Смайл. Задрал?
Тоффи. Задрал.
Тауэрский ворон. Ты мне нравишься. Очень. Я даже не хочу других фоток твоих просить.
Тоффи. Ты мне тоже. А зачем другие фотки?
Тауэрский ворон. Ну а вдруг это фотошоп, а ты на самом деле страшная. Смайл.
Тоффи. Я не страшная.
Тауэрский ворон. Я верю. Ты не подумай, я не фапаю на фотки.
Тоффи. Фапаешь?
Тауэрский ворон. Ну, дrouchу.
Тоффи. Фу!
Тауэрский ворон. Извини. Ну, в смысле, а девушки не боятся, что на их фотки дrouchат?
Тоффи. Нет. Не знаю. Мне пора идти...
Тауэрский ворон. Подожди, забудь про дrouchку, это вообще не то, что я хотел сказать. Грустный смайл.
Тоффи. А что ты хотел сказать?
Тауэрский ворон. Я хотел сказать, что ты клевая. Не исчезай, ладно? Смайл.
Тоффи. Ладно. Мы встретимся тут завтра.
Тауэрский ворон. Правда? Смайл.
Тоффи. Правда. Спокойной ночи тебе.
Тауэрский ворон. А тебе беспокойной ночи. Смайл.
Тоффи. Почему?

Тауэрский ворон. Ну ты же ночью гуляешь.
Тоффи. Да, точно. Схожу сегодня на заброшенный завод.
Тауэрский ворон. Пока.
Тоффи. Пока.
Тауэрский ворон. Ты еще тут?
Тоффи. Ну да.
Тауэрский ворон. Пока. Смайл.
Тоффи. Пока.

Монолог второй

Мать и сын в своих комнатах. Полумрак. У сына в комнате горит настольная лампа. У матери в комнате горит свеча, запертая в клетку.

Сын (*разговаривает с другом*). Прикинь, думал о ней весь день. Как она там ходит по своей новой квартире. Ходит, а везде чучела со стеклянными глазами... Не, ничо конкретное не думал — просто типа представлял себе, как она ходит. Типа, знаешь, как привидение — белая как мел, ну как на фотке. И брат ее не любит. И отец ее из всех чучела делает. Она одна такая ходит. Типа как я.

Кстати, про мел. Химица сегодня опять мел жрала, прикинь? Жесть, как так можно? У меня, говорит, дети, кальция не хватает, не обращайтесь внимания. Да как на такое не обращать внимания? Сидит, толстая, в шали этой своей, как с вокзала, — и хрум-хрум... И белые крошки эти ей на сиськи сыплются... Да какой ЛОЛ, тут форменная дурка.

Мне иногда кажется, что я на каждом уроке это вижу. Все учителя сидят перед нами и жуют мел. И из пасти у них такие белые струйки... И они медленно заставляют всех нас тоже мел жрать. Хрум-хрум. Пока у нас тоже белые слюни не потекут. Хожу в школу, и типа как чувствую, что у меня внутри все этим мелом заполняется... Капец, в общем. Хорошо, что тебя не было. Отстойный день.

Не, я через телефон не сижу — там инет медленный. Пока страничка обновится — пять минут пройдет. Да и контру сегодня писали... Но я думал. Думал в инет-кафе на большой перемене сбежать. Посмотреть, что она мне написала. Но не побежал. Ай, думаю, нафиг. Сама напишет. Да и неважно мне это.

И, прикинь, прихожу домой. Комп врубаю — кабзда, света нет. Я разозлился, кружку разбил даже случайно. Думаю — она, наверно, меня ждет там. Ей, наверно, и не с кем поговорить — я видел, у нее друзей нет «Вконтакте», кроме меня.

Хожу по дому как debil. Чувствую — сквозняк. Думаю — наверно, она опять форточку оставила, дура. Холодно. Зашел в ее комнату, закрыл окно. Смотрю — а там клетка эта стоит. Ну, помнишь, с воробьем. Смотрю — а она туда свечку заперла. Ну ты прикинь, кабздаа! Что это за хрень! Она сама его выбросила и потом сама еще свечку ставит. За упокой души! Ну выброси ты эту клетку! Но нет — и пиджак отцовский она нюхала, и на клетку эту прытятся теперь!..

Так слушай дальше. Я со злости ее кровать пнул... Ну, не ее, а их с отцом кровать. И, прикинь, там что-то под покрывалом на пол упало. С кровати. Что-то большооооо! Я поднимаю покрывало. И знаешь, что там? Знаешь что?! Самотык! Здоровый синий резиновый хрен! Рыба моей мечты! Здоровенный язык! Мне капец как противно стало. Я стою в шоке. Стоял не знал, что делать.

Это, знаешь, я как первый раз порнуху увидел. В одиннадцать лет. Не мог поверить, что люди могут такое делать. Это как-то выглядело для меня тогда... Ну как будто убийство. Что-то такое, капец, жуткое. Неестественное.

Но потом меня попустило. Ну, в смысле — сейчас. Я начал ржать даже. И в голове это крутится — про рыбу моей мечты. Ржу не могу. Сходил плоскогубцы взял в кладовке. Взял рыбу моей мечты плоскогубцами. Не руками же его брать... Из клетки свечку вытащил, положил рядом. А член туда поставил. Вместо свечки. Пусть постоит, думаю, будет сюрприз. Стою смотрю на свое творчество. Ржу. Слышу — она пришла. Я — быстро в комнату свою...

Мать. Ой, день был тогда такой дурацкий. Да, Рафаэловна со своей базой всю плешь проела... И Светка... Ну представь, за три месяца они собирают в рабочее время всех, чтобы решить, где корпоратив на Новый год заказывать! За три месяца! И меню! Это все на три часа — в нашем бабском-то коллективе! А у меня базы той и половины нет! Я ей говорю — Светочка, без меня решите, мне все равно, я на все согласна. А она губки бантиком сделала, знаешь, как она умеет: «Танечка, я не принуждаю, но ты же знаешь — у нас коллектив...» Она может... Вацлавна у нас работала, бабулька, так они на ножах были. Ее Светка премии лишила за то, что та ее с днем рождения не поздравила! Ну, не в открытую, конечно... Нашла повод. В общем, Рафаэловна косится. Ей агентство уже гневные письма шлет. Но это еще не самое страшное — Светка в конце этого сборища меня еще и дурой выставила. Говорит: «А вот Таня, наверное, все наши решения документировала — все совещание в ноутбуке сидела». Представляешь? Взяла меня и выставила перед всеми — я даже не знала, как среагировать. Заулыбалась. Ну ей-богу, как чучело какое-то. Вечно я у нее какой-то козел отпущения. Все, конечно, захихикали неодобрительно так — вроде как я на важном совещании левыми делами занималась... Я работала! Я туда работать прихожу! Смех и грех. Ай, ну их.

Думала я о том, правильно ли поступаю. Ну, с Костей. И так думала, и эдак. Может, из-за этого базу не сбила. Решила, что нет в этом особо ничего плохого все же. Что это даже меня как-то волнует. Я о нем думаю теперь. Что же там у него происходит... Что он чувствует...

Прихожу домой, лифт не работает, опять света нет. И, знаешь, как-то шевельнулось — я вот думала, что с ним приду сейчас пообщаюсь. Ну, не я, а Тоффи, ты понимаешь. А света нет. Компьютер не работает. Как-то испортилось настроение. А я ведь уже столько всего придумала, что у Тоффи за день случилось.

Поднимаюсь, звоню. Он не открывает. И тут вдруг странное чувство такое возникло — точнее отсутствие чувства. Понимаешь, я стою у двери и не жду шарканья Ваниных тапочек. Как бы я смирилась со смертью Ваниной. То есть я стою перед дверью и отчетливо знаю, что там только Костя. И что он мне не откроет.

Открываю, захожу — тихо. Говорю: «Костя, я пришла...» Молчит. К двери его подхожу тихонько, слышу — хлюпает носом. Опять плачет. Не стала стучать. Наверное, из-за пиджака, думаю. Совесть. Или по отцу тоскует. А я простила его уже, да. Ну, мужчины не любят, когда видят их слезы, думаю. Пусть поплачет.

Захожу к себе в комнату... И там... Ну, знаешь... Страшный беспорядок. Кровать перебурблена вся, все разбросано... Он... там валялся, наверное, на кровати, пока меня не было, телевизор смотрел. А я... Ты же знаешь, как я к порядку отношусь. Очень строго. А, света не было, да. Ну, значит, он смотрел телевизор, когда свет был. У нас в спальне... У меня в спальне помнишь, какой телевизор — плазма, большая диагональ... Костя в детстве любил у нас на кровати лежать. Ляжет между нами, и мы «Утреннюю почту» смотрим, с чаем. Тогда, конечно, другой телевизор был...

Так вот, я разозлилась ужасно. Очень разозлилась. Даже самой стыдно. Должны же быть у человека границы? Своя территория? Пусть он в своей комнате что хочет делает, а моя комната — это моя комната! Я побежала прямо к нему. Говорю — да что же это такое! Что же это за неуважение такое? А он лежит на кровати — глаза красные от слез. Ну, думаю — ничего. Плачет он! А когда я плачу — будто ко мне какое-то сочувствие есть!

Сын. Слышу — топает, орет. Заваливает ко мне — больная, ручку на двери чуть не сломала. Прикинь, подбегает, ухо как закрутит, завизжит как свинья. Не понравился ей член в клеточке. Орет: не смей больше типа ко мне в комнату входить! Замки повешу! Я говорю ей — вешай свои замки, делай там, что хочешь! Говорю — быстро ты отца забыла. Я там твоего хахалю в новую квартиру определил, как ему, нравится? Она как схватит джинсы мои выходные — на стуле висели, и как давай меня фигачить джинсами —

больно, по морде прямо, но мне как-то пофиг внутри становится. Она бьет, а мне пофиг. Я сразу начал думать про то, как из дома уйду. Думаю, чтобы бомжом жить, ничего не надо сжигать. Просто все забыть — и все. И жить на заводе. Или к Тоффи этой попрошусь — ненадолго. Пока работу не найду. А потом буду жить на заводе, в каморе нашей, ходить на работу. А у Тоффи буду мыться и одежду стирать...

Мать. И понимаешь, все бы ничего, если бы он не начал дерзить. Я ему говорю разумные вещи: не входи ко мне в комнату, я запрещаю, если ты не умеешь уживаться с другим человеком... а он дерзит. Я очень сильно, конечно, тогда его отругала. А он еще тогда сказал мне... Обвинил... Сказал, что я забыла Ваню быстро. Представляешь? Как ты такое можешь говорить, спрашиваю у него. Откуда ты знаешь, что у меня в душе творится? Если бы ты знал, говорю, сколько у меня боли... Ой...

Он сидит красный весь, молчит. Думаю, все, хватит. Ушла из его комнаты. Как-то начала приходить в себя. Думаю, ничего. С Тоффи поговорит, успокоится. Ей можно все рассказать... Да и я успокоюсь...

Сын. Сижу, а передо мной эти джинсы валяются. Трогаю волосы — а там кровь. Наверное, пуговицей на джинсах. Сижу, и мне как-то... кабздец. Не могу объяснить. Никак. Понимаешь? Вообще ничего нет. Слепоглухонемой. Как будто и она, и все-все-все очень далеко от меня. Только о Тоффи этой думаю. Как она там?

И тут свет дали.

Мать. Я на кухне возилась. Ужин готовила. Неблагодарному этому... Вся в мыслях своих... И вдруг радио как заиграет! Я чуть нож себе в руку не воткнула.

Сын. Я врубаю комп. А там — перенаправление. Твою мать! Деньги свои считаю — не хватает. Не буду у нее просить, думаю. Даже из комнаты не выйду. Я все-таки мобильник врубил. Думаю, пусть медленно, пусть хоть как — но я с ней поговорю...

Мать. Дорезала я салат и пошла к компьютеру, в свою комнату. Ну, там все убрала... Как раз, с работы шла, за интернет заплатила, деньги должны были дойти... Думаю, надо же его утешить. Он же обижен. Захожу — точно, он тут как тут. Сидит уже. Ну, онлайн.

Диалог второй

Те же. Появляются Тоффи и Тауэрский ворон.

Тоффи. Привет! Смайл.

Пауза.

Тоффи. Привет! Ты тут?

Тауэрский ворон. Привет. Смайл. Извини, на мобильнике инет мед-ленный...

Тоффи. На мобильнике? А почему ты не через компьютер?

Тауэрский ворон. За инет не заплачено.

Тоффи. Понятно... как дела?

Тауэрский ворон. Ололо.

Тоффи. Ололо? Хорошо?

Тауэрский ворон. Ну да.

Тоффи. А по тебе не скажешь.

Тауэрский ворон. В смысле, по мне? Ты что, по аватарке умеешь отдуплять, как у кого дела?

Тоффи. Нет, шутка. Смайл. Все хорошо?

Тауэрский ворон. Да, все нормально. А у тебя как дела?

Тоффи. И у меня хорошо. Я была ночью на твоём заводе.

Тауэрский ворон. И как тебе?

Тоффи. Годнота!

Тауэрский ворон. Да, там у нас под старыми конвейерами с другом камора.

Тоффи. Камфара?

Тауэрский ворон. Камора. Ну, каморка. Комнатка.

Тоффи. Смайл.

Тауэрский ворон. О, инет врубили. Перебираюсь за комп.

Тоффи. Смайл.

Пауза.

Тауэрский ворон. У нас там диван. Мы с мусорки принесли.

Тоффи. Фу, с мусорки. Это же отстой. Клопы.

Тауэрский ворон. Да нет там клопов. Стол сделали из ящиков. Это секретное место.

Тоффи. Круто. И что вы там делаете?

Тауэрский ворон. Клей нюхаем.

Магь в ужасе.

Тоффи. Что?!

Тауэрский ворон. Да шучу я. Ничего не делаем. Болты пинаем. Я тебя туда свожу. И с другом познакомлю.

Тоффи. Потом когда-нибудь.
Тауэрский ворон. Поскорее бы. Расскажи, что у тебя.
Тоффи. Меня брат задрал.
Тауэрский ворон. Что сделал?
Тоффи. Ну, залез в мою комнату. И взял мою одну секретную вещь.
Тауэрский ворон. Че за вещь?
Тоффи. Мой дневник. Охренительно секретный дневник почитал.
И посмеялся.
Тауэрский ворон. А ты что?
Тоффи. А я ударила его. Теперь совестью мучаюсь.
Тауэрский ворон. Ну, заслужил же, не парься. Меня тоже мать однажды избила. Она совестью не мучилась.
Тоффи. А может, мучилась.
Тауэрский ворон. Мне плевать.
Тоффи. А еще отец сегодня чучело сделал.
Тауэрский ворон. Какое?
Тоффи. Козла. Такой глупый козел. Нелепый. К нам приходили гости и все на козла смотрели.
Тауэрский ворон. А почему козла?
Тоффи. Не знаю. Потому что козла еще не было. Тупой козел. Все над ним смеялись. Пальцами показывали. А мне за него было капец как обидно.
Тауэрский ворон. С фига ли тебе было обидно?
Тоффи. Ну, он, может, совсем не хотел, чтобы вот так его выставляли перед всеми и ржали. Может, он хотел просто траву щипать, а после смерти под землей спокойно сгнить.
Тауэрский ворон. Козлов еще едят. Смайл.
Тоффи. Да, козлов еще едят. Грустный смайл.
Тауэрский ворон. Но я понимаю этого козла, если по чесноку.
Тоффи. Да?
Тауэрский ворон. Да. Я в седьмом классе в бабу...
Тоффи. В девушку.
Тауэрский ворон. В девушку. Ну, типа влюбился. И, короче, сказал ей.
Тоффи. И что она?
Тауэрский ворон. Она сука была. Всему классу растряндела.
Тоффи. А что растряндела?
Тауэрский ворон. Ну, что я ей стихи по телефону читал.
Тоффи. Ты стихи пишешь?!

Тауэрский ворон. Ну типа. Я же тебе говорил. Еще почитать хотела.
Тоффи. Я забыла. Ололо! То есть класс, здорово! Это я про стихи.
Смайл.

Тауэрский ворон. Ну, типа я ей читал стихи. Сначала она трубку подняла. Я и читал, дебил. А потом, когда дочитал, мне из трубки филей говорит: «Молодец, сучка, хорошие стихи...»

Тоффи. Филей?

Тауэрский ворон. Ну, это был такой мудака из девятого класса. Он в колонии сейчас. Такой мудака, жесьть. Оказывается, она с ним встречалась тогда. И просто они... решили типа прикольноться надо мной... она типа ему трубку дала, и он слушал... суки... надо мной все смеялись. Как над тем твоим козлом. Кабздец был. А потом я вообще в другой класс перешел.

Тоффи. Ну, суки. А фамилию этой девочки не знаешь?

Тауэрский ворон. Ну знаю. А нафиг?

Тоффи. Да не, так. Смайл. А скинь свои стихи.

Тауэрский ворон. Не.

Тоффи. Скинь, мне очень интересно. Я не буду ржать. Честно. Я люблю стихи.

Пауза.

Тауэрский ворон. Ну... Щас, найду...

Тоффи. Жду.

Тауэрский ворон.

Когда просится сердце на волю
Днем коротким иль ночью длинной,
Душу я опою алкоголем,
Душу я окурю никотином,

И цирроз разовьется душевный,
Стану сильно я болен душою,
Поместят меня в госпиталь, верно,
Для таких же болезных изгоев.

Там я буду лежать на кровати
И глядеть на облезлую стену.
Бредя, ночью сестру буду звать я,
Утром буду себе резать вены.

За окном моим тополь зачахнет —
Сорок дней я не буду смеяться.
Когда ветер зимою запахнет,
Я пойму, что пора собираться.

Я одену пиджак из сукна,
Я возьму с собой два чемодана,
Темной ночью шагну из окна
И исчезну в сплетеньях тумана.

Тоффи. Ололо. А ты что — куришь и пьешь?
Тауэрский ворон. Да нет. Не в этом суть.

Мать облегченно вздыхает.

Тоффи. Извини, классные стихи. Круто.
Тауэрский ворон. Спасибо. Прикинь, никому не давал читать. Тебе дал.

Тоффи. Круто. Мне приятно. Спасибкиии!
Тауэрский ворон. Фу, вырубают, когда так говорят. Скажи просто — спасибо.

Тоффи. Спасибо. У тебя талант, реально.

Тауэрский ворон. Спасибо.

Тоффи. Только мрачные такие.

Тауэрский ворон. Что?

Тоффи. Стихи.

Тауэрский ворон. На себя посмотри. Смайл. Ты же готка.

Тоффи. А, точно. Смайл. Вообще не пьешь?

Тауэрский ворон. Ну, пиво иногда. Редко.

Тоффи. Пиво — это плохо. Это отстой.

Тауэрский ворон. Спасибо, «мама»... смайл.

Мать встревожена.

Тоффи. Я не мама... я — Тоффи.

Тауэрский ворон. Тогда че ты мне про пиво тут... типа сама не пьешь.
И не куришь. Все готки курят.

Тоффи. Нет, я не пью. И не курю. Мне нельзя. Из-за болезни.

Тауэрский ворон. А если бы болезни не было — бухала бы?

Тоффи. Нет, не бухала бы. Смайл.

Тауэрский ворон. Прикольно. Я написал щас: «мама». Так прикольно.
Я это слово давно не говорил.

Тоффи. Почему?

Тауэрский ворон. Я ее называю «она». Ну, в смысле, называл. Она такая... к ней это слово не подходит. Не подходило.

Тоффи. Почему?

Тауэрский ворон. Ну, в детстве я ее так называл. Мамой. Тогда она нормальная была. А потом у нас случилось кое-что фиговое, и она изменилась.

Тоффи. А может, это ты изменился?

Тауэрский ворон. И я кабздец как изменился. Но все равно. Я не могу к ней прийти и сказать: «Привет, мама!» С ней нельзя типа нормально поговорить. Она же все время унижается передо мной или орет. Орала. Била даже. А так хреново... потому что я все равно к ней хочу. А не могу. Капец. Иногда хочется просто прийти, ее обнять и стоять так долго. А иногда хочется убить. А все равно орем. Орали. Ай, она умерла все равно, неважно.

Мать плачет.

Тауэрский ворон. Тоффи? Ты тут?

Тоффи. Тут.

Тауэрский ворон. Я тебя загрузил своими проблемами? Извини.

Тоффи. Ничего. А неужели все, что ты о маме помнишь, хреновое?

Тауэрский ворон. Не. Не все, говорю же. Она мне сказку в детстве читала. Я ее любил. Про Питерпена. Знаешь? Там про пацанов, которые летали, про пиратов и бабу.

Тоффи. Девочку. Венди.

Тауэрский ворон. Ну, девочку. Она типа с ними улетела и там жрать им готовила, они типа ее уважали...

Тоффи. Они хотели, чтобы Венди стала их мамой.

Тауэрский ворон. Точняк! Я не помню уже.

Тоффи. А Питер Пэн выстрелил в нее из лука...

Тауэрский ворон. Точняк. Там еще они думали, что убили, а в реале — не убили. Класс, нам одни сказки читали!

Тоффи. Класс.

Тауэрский ворон. И там еще непонятно было — типа этот Питерпен говорит, что типа ты моя мама, а сам с ней как будто встречался. Капец, странная фигня. Смайл.

Тоффи. Капец...

Тауэрский ворон. А я потом в детстве, когда засыпал, представлял, как моя кровать типа вся в этом порошке...

Тоффи. Волшебной пыльце...

Тауэрский ворон. Ну типа да. И как она поднимается и через окно летит на этот остров, а я такой лежу и смотрю вниз — а там страны разные, моря... такая смешная фигня была, ЛОЛ. Смайл. А она, после того как сказку

почитает, говорит: засыпай типа быстрей, и тогда во сне попадешь на этот остров...

Тоффи. И попадал?

Тауэрский ворон. Снилось пару раз.

Тоффи. Я тоже эту сказку в детстве очень любила. И тоже представляла, как я улетаю из окна в ночной рубашке... и сыну своему тоже буду ее читать.

Тауэрский ворон. Откуда ты знаешь, может, у тебя дочка будет...

Тоффи. Нет. Сын. Я точно знаю.

Тауэрский ворон. Смайл. Ты классная. Давай встретимся. Ну, ночью. Я приду на завод...

Тоффи. Ты мне тоже очень нравишься, но — нет, я поздно гуляю.

Тауэрский ворон. А когда ты спишь?

Тоффи. Днем. До обеда. Я уже выпалась.

Тауэрский ворон. Ну а когда увидимся? Я не буду приставать, честно. Просто хочу тебе завод показать.

Тоффи. Я уже видела завод. Приставать? А ты уже приставал к кому-нибудь?

Тауэрский ворон. Приставал. У меня и секс был.

Мать в ужасе.

Тоффи. С кем?

Тауэрский ворон. Так я тебе и сказал. Смайл. А у тебя?

Тоффи. А у меня... тоже был.

Тауэрский ворон. Гонишь. Смайл.

Тоффи. Ты тоже гонишь.

Тауэрский ворон. Ну, гоню. Ну и что?

Тоффи. Ничего.

Мать облегченно вздыхает.

Тауэрский ворон. Ты на заводе каморы нашей не видела. Ну давай погуляем.

Тоффи. Нет.

Тауэрский ворон. Ну че ты... грустный смайл.

Тоффи. Под конвейерами камора?

Тауэрский ворон. Под конвейерами.

Тоффи. Я туда ночью приду и оставлю кое-что для тебя.

Тауэрский ворон. Очень хочется с тобой погулять.

Тоффи. Потом когда-нибудь.

Тауэрский ворон. Ты очень красивая. И хорошая. Мы похожи с тобой.
Тоффи. Чем?
Тауэрский ворон. Ну... мы одни. Никого не любим. Ну и жизнь вобще у нас капец.
Тоффи. Наверно.
Тауэрский ворон. Реально. Нам надо погулять.
Тоффи. Ладно. Пока.
Тауэрский ворон. Подожди!
Тоффи. Что?
Тауэрский ворон. Слушай, у меня инет в телефоне медленный. Я буду завтра днем онлайн, в школе, но очень медленно отвечать буду, ок?
Тоффи. Хорошо.
Тауэрский ворон. Телефон старый, сука. Тормозит. Он у меня падал пару раз...
Тоффи. Пока.
Тауэрский ворон. Пока!
Тауэрский ворон. Ты тут?
Тауэрский ворон. Пока...

Монолог третий

Мать и сын в своих комнатах. Мать разговаривает с подругой. Сын — с другом.

Мать. ...Да, погода — ужас. Давление — второй день. Нет, голова не болит, а, знаешь, такое состояние дурное... Какие-то мошки перед глазами... Слушай... Ты бы мне не могла до пятого денег одолжить? Нет, немного... Да, понимаешь, купила ему телефон новый. Ну, скоро день рождения, а я как раз нашла телефон, как он хотел, — не такой дорогой, как в салоне. Ну, там интернет, игрушки какие-то, знаешь, они эту мишуру всякую любят. Мальчишки... Спасибо... А так в целом нормально. Ну, что — работа-дом... С Костей? Ну, в реальности — не очень общаемся. Как было — ничего не изменилось. А в интернете... Да тоже редко переписываемся...

Сын. Прикинь, телефон мне купила. Samsung Galaxy Ace. Ну, крутой. Камера на дофига пикселей. Инет нормальный. Странно, да. Говорит — на день рождения тебе. А он только через неделю. Ай, хрен с ней, че у нее там в голове... Главное — с Тоффи можно щас нормально трындеть. Не, до сих пор не виделись. У нее же болезнь, или боится она меня... Я вобще, прикинь, кажется, не знаю... Ну вот реально, сны про нее вижу... Я ей тоже нравлюсь. Ну, знаешь, не так, как Зубиковой нравлюсь — сидит, пырится на меня, —

а по-настоящему, как когда люди узнают друг друга хорошо, все друг другу доверяют... А триндим мы очень часто с ней. Да не с Зубиковой! С Тоффи... Да ваще — большую часть дня. А на выходных — так и весь день. А в школе я под партой, ты видел же, — сижу тоже с телефоном, пишу ей. Она такая классная...

Мать. Да почти не переписываемся. Знаешь, времени сейчас особо нет... А в реальности с ним очень трудно, ты же понимаешь. Я клетку эту вчера оттираю от воска — чувствую: он сзади стоит. Я испугалась, поворачиваюсь. Он говорит — выброси клетку. Я говорю — моя клетка, что хочу, то и делаю...

Сын. А я ей типа: капец, это моя клетка — это ты мне воробья того принесла! Выброси клетку — бесит! Ты же сама его убила! Воробья в смысле... Ну, знаешь, просто позлить ее захотел. Мне пофиг эта клетка, конечно, но ей не пофиг — она помнит, как я в нее член резиновый поставил, — она первый раз ее с тех пор из комнаты вынесла... Она начинает беситься опять — типа вали в свою комнату, бла-бла-бла... А я ей — убила! Убила!

Мать. Понимаешь, и он опять начинает... Про того попугайчика... Что я его выбросила тогда на холод. На вину давит. Мне, конечно, очень неприятно, но я пытаюсь сдерживаться последнее время...

Сын. С размаху мне по губам как зафигачит! И с этой клеткой свалила в свою комнату. Смотрю ей вслед и думаю — ну ты жалкая, капец... А потом сделал себе бутеров и в инете весь вечер сидел.

Диалог третий

Появляются Тоффи и Тауэрский ворон.

Тауэрский ворон. Тоффи, ты тут?

Тоффи. Да, Ворон, привет.

Тауэрский ворон. Привет. Как твои дела? Смйл.

Тоффи. Ололо. То есть — хорошо. Сегодня отец сделал чучело из волнистого попугайчика.

Тауэрский ворон. Прикольно. У меня тоже недавно был зеленый попугайчик. Совсем недолго.

Тоффи. Бедный попугайчик...

Тауэрский ворон. Да, его съела кошка. Но перед этим он замерз на ветру и упал. Это все моя мать. Это все она.

Тоффи. Может, она не хотела.

Тауэрский ворон. Я не хочу об этом думать.

Тоффи. Ну ладно.
Тауэрский ворон. Знаешь, я был сегодня на заброшенном заводе, куда мы с тобой ходим.
Тоффи. И что? Смайл.
Тауэрский ворон. Я нашел в каморе твою записку. Твои стихи.
Тоффи. И... как тебе?
Тауэрский ворон. Они охренительные! В смысле — они прекрасные... я не все слова, правда, понял. Пришлось гуглить...
Тоффи. Спасибо.
Тауэрский ворон. Как тебе наша камора? Смайл.
Тоффи. Грязненько.
Тауэрский ворон. Ну да... слушай... я хочу сказать тебе. Только это серьезно, ладно?
Тоффи. Ладно. Смайл.
Тауэрский ворон. Это вообще так серьезно, что оно серьезнее самых серьезных вещей.
Тоффи. Хорошо.
Тауэрский ворон. Я тебя люблю.

Пауза.

Тауэрский ворон. Тоффи?
Тоффи. Я тут.
Тауэрский ворон. Ну вот. Извини.
Тоффи. Нельзя извиняться за такое.
Тауэрский ворон. А ты меня?
Тоффи. И я тебя.

Монолог четвертый

В своих комнатах мать и сын. Мать расстроена. Сын мрачен. Они оба оправдываются. Присутствуют Тоффи и Тауэрский ворон — они переговариваются шепотом.

Мать. Света, ты не права... Хорошо — Светлана Викторовна, вы не правы. Нет, я не сiju «Вконтакте» вместо работы — у нас там тоже есть клиенты. Это по работе... Ну если тебе все равно — почему ты... вы мне тогда выговор объявили? Светлана... Ну... Хорошо... Да, я поняла... Поняла...

Сын. Да, мать знает... Все она знает... Ну, Павел Дмитриевич, ну верните мне телефон... Мне по важному делу будут звонить... По семейным

обстоятельствам... Да... Я не буду на уроке с ним сидеть — честное слово... Я отключать его на урок буду...

Мать. Прости, что не позвонила... Была занята, да... Подработка, то-се... Легла в пять утра. Нет, что ты, какой интернет... Дел по горло и без интернета... А так все хорошо, да, спасибо...

Сын. Давай на следующей неделе сходим? Ну извини... Я не выспался. До утра с Тоффи трындел. Надо хоть немного выспаться. Ей-то хорошо — она ночью не спит... А мне в школу завтра... Ну, чувак, не обижайся... Пойми — у меня такого никогда не было...

Диалог четвертый

Тоффи. ...Он был очень красивый. И сильный. Он, когда умер, я думала, сама умру... но потом вроде нашла, ради чего жить. Такая вот грустная история.

Тауэрский ворон. Такая, ну. Готская.

Тоффи. Ну вот, мы в расчете. Я рассказала тебе типа историю своей любви... грустный смайл.

Тауэрский ворон. Этот парень тоже был гот? В коже ходил?

Тоффи. Нет. Он пиджаки любил.

Тауэрский ворон. Понятно.

Тоффи. Ворон, слушай, тебе мои стихи нравятся?

Тауэрский ворон. Классные стихи, я же говорил.

Тоффи. Хочешь еще одно скину? Недавно написала...

Тауэрский ворон. Хочу! Смайл.

Мать сосредоточенно печатает текст на клавиатуре с бумаги.

Тоффи.

Он болтал худыми ногами

С подоконника ее окна,

А она, не веря, держала руками

Его тень, как черный лоскут сукна.

Он рассказывал ей, как искрятся горы

И блистает на солнце огнями вода,

Когда ты летишь над землей и морем

В его дивный край Никогда-Никогда.

Звнящая фея, глотая слезы,
Их осыпала волшебной пылью.
И меркла поэзия, меркла проза,
Лишь стоило глянуть в ее лицо.

Для полета хватило нескольких горсток,
И они засмеялись, открывая окно.
На ладони тепло серебрился наперсток.
И феины слезы были в сердце его.

Она была чиста и светла, он был чист и светел.
Перед рассветом они покинули дом.
Звали мальчика Питер, звали девочку Венди.
Долго плакали окна — о ней и о нем.

Тоффи. Ну как?
Тауэрский ворон. Класс! Это же по той сказке! Из детства!
Тоффи. Да. Понравилось?
Тауэрский ворон. Очень! Особенно последний столбик! Офигеть,
Тоффи, ты настоящий поэт! Смайл. Смайл. Смайл.
Тоффи. Спасибо. У тебя тоже очень хорошие стихи... Смайл.
Тауэрский ворон. А я песню про тебя начал писать. Ну, в смысле не
про тебя, а для тебя.
Тоффи. Вот это да... мне очень приятно. Много осталось?
Тауэрский ворон. Нет, немного...
Тоффи. Ты — мой Питер Пэн! Смайл.
Тауэрский ворон. Тоффи, я очень тебя жду. Мне прямо сейчас плакать
захотелось. Так я тебя увидеть хочу, поговорить...
Тоффи. Ворон, я тоже хочу тебя увидеть. Увидеть, как ты выглядишь,
как ты дышишь, как улыбаешься.
Тауэрский ворон. Мы пойдем на завод... хотя фиг с ним с заводом —
куда хочешь пойдем! Хочешь — в ночной клуб? Хочешь — в парк? Там
ночью пускают...
Тоффи. Я пока не могу...
Тауэрский ворон. Тоффи! Ну когда?! Я не могу уже! Ты издеваешься,
что ли, надо мной?
Тоффи. Нет, Ворон, ты что!
Тауэрский ворон. Ну а что тогда?
Тоффи. Ворон, я пришлю тебе подарок на день рождения. Ну пожалуйста,
говори со мной пока так. Мне это очень нужно! Мне очень одиноко!

Тауэрский ворон. Мне тоже одиноко! Мне не нужен подарок! Мне нужна ты!

Тоффи. И ты мне нужен, но... ну прости меня, ну пожалуйста... Ворон?

Тауэрский ворон. Ладно...

Тоффи. Давай завтра тут, в это же время...

Тауэрский ворон. Ладно...

Тоффи. Пока!

Тауэрский ворон. Пока.

Тоффи. Ты тут?

Тоффи. Ворон?

Тоффи. Пока.

Монолог пятый

Мать и сын в своих комнатах. Мать разговаривает с подругой. Сын — за своим компьютером. Над кроватью сына висит гитара. В комнате сына также стоит компьютер матери. Сын его не замечает. Присутствует Тауэрский ворон. Он ничего не делает.

Мать. Ты знаешь, нет, ни о чем таком мы не разговариваем. Так — как дела у него, как дела у меня, то есть у Тоффи... А я стала такая выдумщица... Про эту девочку можно роман писать, и папа у нее чучельник, и солнцезащитный крем у нее, ой, обхохочешься... Только ты никому не рассказывай про мой педагогический эксперимент, ладно? Мы общаемся с ним и общаемся... Хотя так...

Нет, оффлайн все еще ничего не изменилось. Ну, это значит — в реальности. Я пытаюсь какие-то попытки предпринимать, но Костя не идет на контакт. Я ему, например, говорю...

Сын. Ты тут? Ну так вот — она мне, например, говорит — давай типа хоть раз пожрем вместе. Думаю — ну ты тупая, что ли? Нафига нам вместе жрать, если я твою морду не могу видеть — этот взгляд насупленный, типа такая строгая мамуля. И все подкладывает мне, подкладывает — чтобы я обожрался — типа любит меня. Отцу тоже все время подкладывала — он все съедал. А я не могу столько жрать. И все равно сидим молчим, нахрен мне это? Я лучше фильм посмотрю под жратву. Или с Тоффи потрындю. И типа любит, понимаешь? Ну, она, не Тоффи. Тоффи — по-настоящему любит. Так вот, типа жратва — это типа любит она меня. Говорю ей — не хочу с тобой жрать.

Мать. Говорит — не хочу с тобой обедать! *(Улыбается.)* Строгий такой, настоящий мужчина... Ну, может, и к лучшему — у нас обеды совместные как-то не ладятся. Молчим, и все. Не о чем говорить. А вот когда в интернете —

часами можем говорить. Да, ты не поверишь — вчера просидели в сети до утра опять. Да, да, иногда такое я себе и ему позволяю... Просто общались... Он мне рассказывал, как мы на море ездили, когда Ваня был жив. Так странно — слушать, как он все это воспринимал. Говорил, что даже к Ване меня ревновал немного — у нас тогда с ним очень романтичная поездка получилась, а Костика мы с няней в отеле оставляли...

Ой, ты знаешь, на Костика это общение с Тоффи хорошо влияет. Он стал какой-то осознанный, улыбается чаще. Но мрачный тоже часто ходит... Ну, меньше, чем раньше... Тоффи ему музыку хорошую советует. Представляешь, он даже Окуджаву послушал, говорит — понравилось...

Сын. Она мне прикольного певца советского посоветовала — прикинь, ничо такой. Песни нудные, под гитару, но такие, со смыслом.

Мать. Он даже на гитару записался, учится, молодец такой. Песню для Тоффи сочинил, представляешь? Я как-то с магазина прихожу, а он репетирует у себя. Я слушаю, а там — «Тоффи! Тоффи!» И голос у него хороший оказался...

Ну, там песня такая... Ну, в общем, неважно... Хорошие такие слова... не про алкоголь и не про никотин, как у него в стихах было... Такая светлая... Да ты знаешь, я тоже изменилась — вспомнила молодость как-то... Стихи начала тоже писать. Представляешь? Стихи! И ты знаешь, у меня неплохо получается вроде...

Только, знаешь, приходится все изощреннее увиливать от встречи... Да, он хочет встретиться с Тоффи. Я уже и солнцезащитку придумала, и социопатию, а Костик мой все равно пишет — давай встретимся, иногда требует даже! Представляешь? Да, бывает периодически у него — такие, знаешь, подростковые истерики — когда мы увидимся? Но как-то получается его уговорить — для него это общение тоже очень ценно... А я запрещаю ему по темноте гулять. Строго контролирую. Поэтому как бы получается такая романтическая история: они — возлюбленные, но он может выходить только днем, а она — только ночью... Ну кто из девчонок не мечтал о чем-то таком — романтичном и трагичном? В общем, интернет — магическая вещь... Завести дружбу с кем-то — это очень просто, да...

А сегодня у него день рождения... Он еще, кажется, не пришел со школы... Я заказала в интернет-магазине книжку ему — курьер вот-вот придет. Это как бы от Тоффи — там книжка, сказка про Питера Пэна, подарочное издание, красивая такая... Там у нас с этой сказкой своя история...

Ой, да, убиралась сегодня целый день... И с ним общалась попутно. Ну, по интернету... Ну да, такая легкая зависимость... Ну как — ноутбук с собой таскала по всей квартире. Где-то его оставила, даже не помню... Устала немного...

Сын замечает компьютер матери, подходит, включает. Читает переписку. Устало подходит к своей кровати, садится. Включает компьютер, ждет, пока он загрузится. Подходит к Тауэрскому ворону. Начинает его душить.

Мать. Нет, что ты, нет в этом ничего странного. Это же игра такая... Что? Пиджак? Нет, насчет Ваниного пиджака я уже не переживаю — зачем? Это же вещь. Просто вещь. Немного улеглось. Я чту Ванину память... Плачу иногда, но уже легче...

Сын. Когда удаляешь страницу, на аватарке остается картинка с головой щенка. Такая серая картинка, бледная. А больше ничего не остается — просто картинка со щенком — и извинения от сайта, что тут никого нет. И белые поля. А у меня щенка никогда не было... Хоть какого — хотя бы чучела, которые делает отец Тоффи. Хотя бы маленького дохлого щенка. Он бы стоял у меня на полке — поднимал бы свою дохлую лапу, склонял бы свою дохлую голову набок, смотрел бы на меня своими дохлыми стеклянными глазами... Но теперь у меня появится щенок. Пусть даже такой — серый, с белыми полями вокруг.

Сын убивает Тауэрского ворона.

Диалог пятый

Сын открывает окно в своей комнате, шумит. Мать слышит громкие звуки, тревожится.

Мать. Костя! Ты дома?

Сын становится на подоконник.

Мать. Костя! Что ты там делаешь? Ты слышишь меня? *(Пауза.)* Костя!

Мать разрушает преграду между их комнатами, врывается в комнату сына.

Мать. Костя! Стой! Это из-за меня? Костенька!

Сын. Нет, мама. Это из-за Тоффи. Это все она.

Мать *(видит свой компьютер)*. Подожди! Ты узнал? Но что в этом такого?! Прости! Поговори со мной! Костя!

Сын. Мама, я — попугайчик.

Мать. Пожалуйста! Пожалуйста!

Сын. Я — не Питер Пэн.
Мать. Сынок!
Сын. Я тут.
Мать. Извини меня!
Сын. Нельзя извиняться за такое.

Раздается звонок в дверь. Затемнение. В темноте раздаются голоса Тоффи и Тауэрского ворона.

Тоффи. Ворон, привет. Ты тут?
Тауэрский ворон. Тут. Привет.
Тоффи. С днем рождения.
Тауэрский ворон. Спасибо. Как дела?
Тоффи. Хреново. А у тебя?
Тауэрский ворон. И у меня хреново... ты же знаешь...

Лера Манович

Олег

Действующие лица:

Олег
Ольга
Горожане
Городские привидения

Действие первое

Сцена первая

Санкт-Петербург. Метро. Вечер выходного дня. Тусклые лампочки. Уставшие люди.

Голос Олега. Далеко-далеко, на станции «Старая деревня» стоит дачник. Когда-то пышная шевелюра его стала седой и свалылась, глаза огромны и печальны. В одной руке у него хозяйственная сумка, в другой — букет сирени. Ежели подойти к тому дачнику, найти среди сиреневых цветков тот, что с пятью лепестками, и съесть его — будет тебе счастье. А ежели съешь белый...

Дачник — пожилой человек с длинными растрепанными волосами, в потертой джинсовой куртке — стоит на станции в ожидании поезда. На ногах коричневые сандалии образца восьмидесятых. В одной руке у него букет сирени, другой он придерживает клетчатую сумку-тележку. Лицо отрешенное. По залу идет группа футбольных фанатов.

Фанаты (*скандируют*). Зенит! Зенит!

Толстый прыщавый подросток, в панковской куртке с оторванными рукавами, отделяется от группы, подходит к дачнику, роется в букете, срывает белый цветок и съедает, корча за спиной дачника рожи. С хохотом идет догонять компанию, но, сделав два шага, падает на пол, неестественно вывернув ноги в армейских ботинках. На лице его ужас.

Голос Ольги *(со смехом)*. Перестань, ну что за бред вообще?!

Любовная возня, хихиканье. Все затихает.

Сцена вторая

Комната с высокими потолками и тремя старинными узкими окнами. Олег и Ольга лежат на диване. Ольга уставилась в потолок. Олег, лежа на боку, мечтательно обводит пальцем ее профиль.

Ольга. Олег.

Олег. Да.

Ольга. Ты в жены меня возьмешь?

Олег. А разве не взял еще?

Ольга. Нет, по-настоящему.

Олег *(смотрит на нее)*. Тебе это важно?

Ольга. Да.

Олег. Возьму.

Ольга. Скоро?

Олег *(улыбаясь)*. Хочешь, завтра?

Ольга *(целует Олега)*. Хочу!

Олег. Значит, завтра. *(Перекатывает Ольгу на себя.)* И еще немножко сегодня.

Сцена третья

Надпись «Старая деревня». Подземный переход с широкой лестницей. По лестнице идет мужчина лет пятидесяти, в кепке и с удочкой. В целлофановом пакете, наполненном водой, шевелит плавниками одна-единственная рыба. За ним торопливо поднимается по ступенькам Олег.

Олег. Мужчина, постойте!

Мужчина испуганно оглядывается.

Олег. Продайте рыбу!

Мужчина. Что?

Олег. Рыбу мне продайте! Я женился только что! Заплачу вам. *(Достаёт из кармана деньги.)*

Мужчина (*смущенно*). Да нет, вы что!

Олег (*обгоняя его и перегораживая дорогу*). Ну я вас очень прошу! Я вам пятьсот рублей заплачу!

Олег достает бумажку в пятьсот рублей. Мужчина испуганно оглядывается по сторонам. Подземный переход пуст.

Олег (*с суровым лицом, сунув одну руку в карман брюк*). Мужчина, это ограбление! Прошу молчать, иначе мой кольт разнесет вашу голову!

Олег берет из рук обалдевшего мужчины пакетик с рыбой, сует ему в карман пятьсот рублей и, пошвыстывая, сбегает по ступенькам.

Сцена четвертая

Набережная. На скамейке у воды сидит Ольга в длинном белом платье. Олег показывает ей рыбу в пакете.

Олег. Я хочу, чтобы в этот торжественный для нас день мы подарили кому-нибудь жизнь. (*Встает в царственную позу.*) Повелеваю! Даровать в день бракосочетания великой Ольги Тверской и не менее великого Олега Петрова жизнь коренному жителю Петербурга ... э... Карасевичу! Ура! (*Протягивает Ольге пакет.*) Выпускай!

Ольга подходит к воде, равнодушно переворачивает пакет. Рыба шмякается в воду. Некоторое время плавает брюхом вверх. Потом переворачивается и уплывает.

Олег (*громко*). Ура!

Ольга. Ну что ты за балбес такой, а?

Олег. Что значит балбес?! Я — безумец самых чистых кровей!

Ольга (*озабоченно смотрит на него*). Знаешь, иногда мне и правда кажется, что ты сумасшедший.

Олег (*с театральным смехом*). Ха-ха! А знаешь ли ты, крошка, что такое подвиг добровольного безумства?

Ольга. Только этого мне не хватало.

Олег садится рядом с Ольгой, обнимает за талию. Делает серьезное лицо.

Олег. Есть на Петроградке улица Лахтинская. Знаешь?

Ольга. Не-а.

Олег. А Петроградку знаешь?

Ольга (*с растерянной улыбкой*). Не-а.

Олег. А между тем, милая жена, мы с тобой живем именно на Петроградке! (*Подмигивает.*) Придется в медовый месяц изучать карту. Ну не суть. Так вот. Жила на этой улице барышня. Кстати, от нас недалеко. Звали ее Ксения. Ужасно красивая. Вот прямо как ты. (*Целует Ольгу в висок.*) И страшно порядочная. Замуж вышла по огромной любви. Тоже как ты. (*Подмигивает.*) Вышла она замуж по любви, все у них было прекрасно, вот только муж взял и умер. И всю оставшуюся жизнь Ксения жила на улице, носила его одежду и отзывалась только на его имя. Андрей Федорович.

Ольга. Муж был старше?

Олег. Ну да. Как положено в те времена.

Ольга. А почему ее на улицу выгнали?

Олег. Никто не выгонял. Она сама. Раздала все свое имущество и стала нищей. (*Прищурившись смотрит на Ольгу.*) Ты бы так могла?

Ольга (*смеясь*). Ты же знаешь, что нет. Я холодная и расчетливая.

Олег. (*улыбаясь и прижимая Ольгу к себе*). Чувствую, мне придется жить вечно.

Ольга. И я старше на три года!

Олег. (*смеясь*). Кошмар! Я женился на старухе! (*Прищурившись, смотрит вдаль.*) А вон и наше такси плывет.

Сцена пятая

Васильевский остров. Олег и Ольга поднимаются, бредут по набережной. Олег, одной рукой обнимая Ольгу за плечи, показывает на полуразрушенный желтый дом с лестницей без перил.

Олег. Видишь дом?

Ольга. Ага.

Олег. Там, где кончается лестница, — дверь. За ней комната. Каждый вечер в той комнате собираются те, кто в этот день умер в городе... Ну, и городские привидения. Сидят, пьют чай, смотрят на Неву. Над столом качается рваный зеленый абажур... (*Раскачивает Ольгу за плечи.*) Бр-р-р! (*Смеется.*)

Ольга. Выдумаешь тоже!

Олег. Нет, чистая правда! Хочешь, прямо сейчас сходим? (*Глядит на часы.*) Как раз уже девять. Хочешь посмотреть?

Ольга (*с легким раздражением*). Хватит, а? Пойдем домой, я замерзла. Может, такси поймаем?

Олег. Жена, я бедный художник, у меня нет денег на такси. Но есть широкие плечи, сильные ноги и горячее сердце!

Олег хватает Ольгу на руки и несет. Она смеется и вырывается.

Сцена шестая

Летнее кафе. Олег и Ольга сидят за одним из столиков. Перед ними две чашки кофе. Олег, опершись на ладонь, мечтательно смотрит на Ольгу, которая оживленно что-то рассказывает.

Ольга. ...и говорит-говорит что-то про план-график на следующий месяц, про кривую продаж... и тут вдруг я чувствую, что его рука лежит у меня на колене. Ну, я растерялась, продолжаю сидеть, как будто ничего не случилось. А он, не останавливаясь, все говорит. И чувствую — его рука ползет вверх... под юбку. *(Замолкает.)* И вот теперь, клянусь, ты ни за что не угадаешь, что я подумала в этот момент!

Олег *(помешивает кофе, глядя ей в лицо)*. Даже страшно гадать.

Ольга. Я подумала — блин, там же у меня колготки зашитые! *(Смеется.)* Представляешь?

Олег. Да. Ты очень целомудренна, жена.

Олег вынимает из чашки ложку, кладет на блюдце. Ложка погнута.

Ольга. Ой, какую тебе ложку дали! Она же кривая!

Олег внимательно смотрит ей в глаза...

Старушка в гипюровом пиджаке, поглядывая на них, ползет бочком вдоль высокого бордюра. Олег поднимается, подходит к старушке, подает ей руку. Старушка, ухватившись за него, взбирается на бордюр. Олег возвращается к столу. Старушка спускается с тротуара назад и мелкими шажками отправляется совсем в другую сторону.

Ольга *(глядя вслед старушке)*. И зачем, спрашивается, ей была нужна помощь?

Олег. Ей не помощи хотелось. Тепла.

Сцена седьмая

На сцене темно.

Голос Олега. На старой-старой поросшей мхом улице живет старушка в гипюровом пиджаке. Она живет тут так давно, что люди, которые знали ее молодой, давно уже умерли. И продавец, который продал ей этот гипюровый пиджак, тоже умер. *(Слышится хихиканье Ольги.)* Тс-с... Ровно в полдень

старушка выходит на дорогу и ищет жертву. Завидев кого-нибудь, кто полон жизни и любви, старушка подбирается к нему поближе и делает вид, что больна и немощна и очень нуждается в его помощи...

Старушка в луче света, опираясь на палку, медленно семенит по сцене. Останавливается. Оборачивается к залу. Ее маленькие глазки хищно сверкают...

Голос Ольги. Ой, хватит, перестань!

Голос Олега. Но стоит дотронуться до ее руки...

Голос Ольги (*громко*). А-а-а! Я не хочу это слушать!

Голос Олега (*спокойно*). Ну как хочешь...

Действие второе

Сцена первая

Спустя три года. Все та же комната с тремя старинными окнами и высокими потолками. Ольга с новой, совсем короткой прической позирует Олегу, сидя на стуле. Она совершенно голая, не считая тонкого алого шарфика на шее. Олег быстро набрасывает карандашный эскиз.

Ольга. Куда сегодня пойдём?

Олег. Я думаю, мы поступим так: немного погуляем, потом зайдём в магазин, купим всяких ужасно вкусных сосисок и макарон и закатим шикарный ужин при свечах.

Ольга (*надувшись*). Опять все то же. Замок, где задушили Павла, мостовая, где взорвали Александра, «Англетер», дом на Мойке с диваном, пропитанным кровью... Неудивительно, что здесь недвижимость дешевле, чем в Москве. Реки крови и слез.

Олег (*смотрит на нее улыбаясь*). Ты, оказывается, способная ученица... Прости... эта картина никак не продается! Просто рок над ней висит! Со всеми покупателями в последний момент что-то происходит. Последний, дирижер, ухитрился вчера упасть в оркестровую яму и сломать ногу.

Ольга молчит. Потом развязывает шарфик на шее, со злостью бросает на пол и встает со стула.

Ольга. Все. Не могу я так больше!

Олег (*ласково*). Как, Оля?

Ольга. Вот так. Как пел кто-то: «...я так люблю в тебе это, но жить на краешке жизни невыносимо...»

Олег. Это Кашин пел.

Ольга. Да неважно кто. Но это именно то, что я сейчас чувствую.

Олег. Слушай, это же ерунда какая-то. На каком краешке? Это они все на краешке... эти. Которые... *(Делает жест в сторону улицы, где толпятся и гудят в пробке автомобили.)* А мы... мы же как раз в самой середине. Разве ты не чувствуешь?!

Ольга. Прости меня, я знаю, что сейчас буду рассуждать, как банальная баба, но... это, наверное, старость, но мне стало хотеться большего. В самом, да, примитивном смысле! Мне хочется сесть вот этой задницей, которая уже довольно скоро состарится, на сиденье собственного автомобиля, хочется купить то платье, которое я хочу, а не которое могу...

Олег *(глядя с обожанием)*. Зря ты. Твоя попа еще очень нескоро состарится. Но в целом я понял. *(Мягко улыбается.)* Надо было сказать раньше, это же не проблема. Просто я думал, что так интереснее. Но можно и по-другому. По экстренному варианту — выдернуть шнур, выдавить стекло. Пойдем.

Ольга *(раздраженно)*. Какое стекло? Куда?

Олег. В ванную, конечно.

Ольга. Зачем?!

Олег. Как зачем? Ты меня подстрижешь. Нельзя же в таком виде тащиться в серьезное место за бешеными деньгами!

Ольга. Опять твои шуточки?!

Олег. Нет, не шуточки. *(Достает из ящика электрическую бритву, протягивает Ольге.)* Подстриги меня, пожалуйста.

Ольга *(с издевкой)*. Хорошо, пошли.

Олег. Бороду тоже стриги.

Сцена вторая

Преобразившийся Олег, встав на табуретку, снимает с антресолей коробку. Достает оттуда костюм. Белую рубашку. Галстук. Совершенно новые, немного старомодные туфли. Одевается. Ольга с удивлением смотрит на него. В костюме, гладко выбритый, он очень красив.

Ольга. Откуда это?

Олег. Дядь Боря, бывший сосед. Смертное себе собрал. Заметь — почти по последней моде, каждый год обновлял. *(Грустно улыбается.)* Ему не надо уже. *(Идет к выходу. Оборачивается.)* Ну, жена, бигуди пока накрути. Через час за тобой заеду.

Ольга. Какие бигуди? *(Трогает руками свои короткие волосы.)* Куда ты идешь?

Олег не отвечая чмокает Ольгу в щеку, открывает дверь, уходит.

Сцена третья

Кладбищенская ограда. Надпись «Смоленское кладбище». У входа сидит побирушка в платке в горошек и жадно ест пирожок.

Побирушка (*проводя Олега глазами*). У-у, красивенький какой!
Олег (*с улыбкой махнув ей рукой*). А у тебя платок красивый... Ты, мать, не уходи пока. Я скоро.

Побирушка, сморщившись в беззубой улыбке, кивает. Олег легкой походкой проходит вдоль ограды. Подходит к невысокому зданию с вывеской «АНТИК. ПАМЯТНИКИ». Входит внутрь.

Сцена четвертая

Кожаные кресла, столик на витых ножках. Вдоль стены стоят скульптуры «под старину». В углу сидит за столом и что-то записывает коротко стриженный человек с крупной головой и сросшимися бровями. Олег молча подходит к столу. Останавливается. Человек поднимает глаза. Кивает.

Олег. Я согласен.

Человек (*удивленно подняв бровь*). Согласен?

Олег. Да.

Человек (*вздыхает*). Хорошо. Садись.

Олег. Готов приступить к работе хоть сегодня.

Человек (*смотрит на часы*). Сегодня не надо. А вот завтра очень надо.

Олег. Но у меня одно условие — я хотел бы получить аванс. Сегодня.

Человек (*поднимая и опуская бронзовую крышку на чернильнице*).
Понимаю. Прижало?

Олег. Да.

Человек. Случилось что-то?

Олег. Да нет.

Человек (*с грустной улыбкой*). Женщина, значит... Видел твою женщину. Роковая. Такой много крови отдашь...

Олег молчит.

Человек. Деньги дать могу. А как верить тебе?

Олег. Я могу расписку написать.

Человек *(снова нахмурившись)*. Ладно, не надо. Таких, как ты, без расписки видно. *(Открывает ящик стола, отсчитывает что-то одной рукой.)* Пятьдесят тысяч хватит?

Олег. Хватит.

Человек протягивает ему пачку денег.

Человек. Верю тебе.

Олег *(холодно)*. Спасибо. *(Сует деньги в карман брюк. Идет к двери.)*

Человек. Эй, парень!

Олег, стоя в дверях, оборачивается.

Человек. Ты только не думай, что сейчас мне родину продал... У нас клиенты такие... Их предки Ладожское, как твои, не переходили. Новые люди. Гнилые, гордые. Не переживай так.

Олег молча слушает.

Человек. Все, иди. До завтра.

Олег выходит. Человек выезжает на инвалидном кресле из-за стола. Подъезжает к окну, закуривает.

Сцена пятая

Олег выходит из дверей конторы, останавливается, перекладывает часть денег в карман пиджака.

У ограды курят двое парней в черных рубашках, внимательно наблюдают за ним. Один смотрит на другого, тот кивает. Не спеша отделившись от стены, идут вслед за Олегом.

Сцена шестая

Квартира. Ольга с кружкой в руках сидит перед телевизором и смотрит мультфильм «Снежная королева».

Кай. Ой, меня кольнуло прямо в сердце! И что-то попало в глаз! *(Герда обвивает ручонкой его шею, он мигает, но в глазу ничего как будто нет.)* У! Какая ты сейчас безобразная! Мне совсем не больно! Фу! Какие мерзкие розы! И одна совсем засохла...

Ольга переключает канал. Там новости.

Диктор. ...в половине пятого недалеко от Смоленского кладбища обнаружен молодой мужчина с серьезными черепно-мозговыми травмами. По предварительной версии, причиной нападения стала крупная денежная сумма, которая была при потерпевшем. Личность потерпевшего...

Ольга видит старуху в платке у ограды, которая что-то рассказывает. Люди в белых халатах загружают в машину скорой помощи носилки. Мелькает блестящий нос старомодного ботинка... Ольга вскакивает с дивана.

Диктор. ...пострадавший доставлен в реанимацию двадцать девятой больницы Петроградского района. Состояние тяжелое.

Сцена седьмая

Приемный покой. Ольга стоит у окошка регистратуры. Медсестра в белом халате с равнодушным лицом записывает что-то в журнал.

Медсестра. Вы кем ему являетесь?

Ольга. Жена.

Медсестра (*поднимает глаза, со вздохом смотрит на Ольгу*). Понятно. Ну, идите узнавайте.

Ольга идет по коридору. Навстречу провозят старика в клетчатой пижаме, с остановившимся взглядом и раскрытым ртом...

Какое-то время спустя Ольга с серым лицом идет мимо дежурной медсестры к выходу.

Медсестра. Ну что?

Ольга (*не оборачиваясь*). Все.

Ольга выходит из дверей и растерянно останавливается — как человек, который не знает, куда идти.

Сцена восьмая

Ванная. Из крана течет вода. Ольга рыдает, стоя над раковиной. Поднимает мокрое лицо. Смотрит на себя в зеркало. Дно ванны все еще усыпано светлыми волосами. Ольга становится на колени, сгребает волосы, прижимает их к мокрому лицу. Убирает руки. Светлые волосы прилипли к щекам и подбородку.

Сцена девятая

Смеркается. Ольга бредет по набережной. На ней одежда Олега. Длинные брюки подкатаны, ботинки сильно велики. На лице так и остались прилипшие светлые волосы. Ольга подходит к желтому полуразрушенному зданию. Толкает дверь. Дверь открывается.

За круглым столом, освещенным рваным зеленым абажуром, сидят и смотрят на нее люди: старушка в гиппоровом пиджаке, которая одной рукой качает люльку с новорожденным младенцем, старик из приемного отделения, в клетчатой пижаме, дачник с букетом из первой сцены. Чуть поодаль сидит женщина со строгим лицом, одетая в изорванный зеленый мундир и красную юбку.

Ольга (*очень тихо*). Здравствуйте... (*Обводит глазами комнату*.) ...Олег здесь?

Женщина в мундире. Какой Олег? Нет никакого Олега. Новопреставленная Ольга есть, Олега нет.

Ольга (*показывая на себя*). Я?

Женщина в мундире (*горестно кивает*). Ты, милая. Ты.

Сцена десятая

Приемный покой. К дежурной сестре подбегает молодой доктор в шапочке и халате.

Доктор. Анька, где девушка? Которая к Олегу Петрову? Жена которая?

Медсестра. Была, ушла давно. Я так поняла, что он того...

Доктор. Да в том-то и дело! Чудеса просто! Показания сняли, аппаратуру всю отключили. А сейчас подхожу — а он дышит, представляешь?! Дышит!

Медсестра. Надо звонить! Она ушла совсем черная, как бы руки на себя не наложила. Хотя вряд ли. Сейчас ее номер найду.

Начинает торопливо листать журнал. Набирает номер. В трубке длинные гудки.

Действие третье

Сцена первая

Прошло три года. Набережная. Светает. Двое человек удят рыбу.

Первый рыбак. ...и вот этот чокнутый догоняет меня и говорит — продайте рыбу! За пятьсот рублей, говорит, куплю! А мне эта рыба только

чтоб Машке ее показать, что я в самом деле на рыбалку ходил, а не куда-то. Ты ж знаешь — она у меня бешеная тогда была. Ну а этот психованный рыбу у меня отнимает и деньги сует. Ну что мне — в милицию на него, что ли, заявлять?

Второй рыбак. Ну да, странный какой-то. Ну, и что ты?

Первый рыбак. А что делать? Домой пошел. Все, думаю, — теперь мне Машка плешь до поясницы проест. Отходился. Но уж лучше промолчать, чем эту историю ей рассказывать. Она ж подумает, что я и пил еще.

Второй рыбак смеется.

Первый рыбак. Пришел домой, звоню. Долго никто не открывает. Потом наконец открыла — и светится вся. Витя, говорит, ребенок у нас будет! Какой, говорю, ребенок?! Мы ж старые уже! А она — а вот так! Я тебе все не говорила, боялась ошибиться. Но теперь уж точно! И на шею мне бросается. Ты представляешь? У нас десять лет не получалось, и тут на старости лет такое. Я прям так в коридоре и сел.

Второй рыбак. Во дает...

Первый рыбак. Да... вот, Санька теперь у нас.

Второй рыбак. Пацана родил? Молодец!

Первый рыбак. Не-е, девочка у меня. (*С особым теплом.*) Александра. (*Помолчав.*) Знаешь, я прям задумался, что это за видение мне было в переходе, с рыбой этой. Он такой, знаешь, глаза голубые, волосы длинные, борода. Как будто светился весь...

Второй рыбак недоверчиво смотрит на первого. Слышно, как водное такси проплывает по Неве.

Второй рыбак. Ну вот, всю рыбу распугали. Домой пойду.

Сматывает удочку. Появляется дачник с букетом сирени и тележкой.

Дачник. Что, мужики, не клюет?

Первый рыбак. Да оно и раньше не особо. А сейчас вообще ничего.

Дачник (*смотрит на небо*). Снег скоро пойдет.

Второй рыбак. Какой снег?! Конец августа!

Дачник. Пойдет-пойдет, говорю вам. Букет не нужен? А то я все хожу, хожу с ним.

Второй рыбак (*подозрительно*). Продаете, что ли?

Дачник. Да что ты! Так отдаю! Устал с ним ходить.

Первый рыбак. А что, возьму. Машке с Санькой подарю. *(Берет из рук дачника букет.)*

Дачник. Белая подзавяла уже, ты ее выкинь лучше. А лиловая еще долго простоит...

Сцена вторая

Голос Олега.

...Андрей Федорович выходит вон со двора,
Прасковья Ивановна крестится, крестится,
Давится набежавшей слезой.
Не решив залаять ему или хвостом завилать,
Под крыльцо заползает Трезор.
Бросив недостроенную горку,
За Андреем бежит детвора,
Кидают в него снежками, орут: «Юродивая!»
Те, что помладше, бегут обратно,
Старшие гогочут вслед.
Андрей Федорович идет.
Ксения идет.
Снег...*

Голос Ольги *(со смехом)*. Перестань, слышишь?

* Стихотворение Ксении Полозовой.

ОБ АВТОРАХ

Родион Вереск, поэт, прозаик. Родился в Саранске. Окончил журфак СПбГУ, франко-российское отделение журфака МГУ. Публиковался в журналах «Нева», «Урал», «Волга», «Сибирские огни».

Дмитрий Гасин, поэт, литературный обозреватель. Родился в Вологде. Учился в Вологодском госуниверситете; окончил Литературный институт, затем учился в аспирантуре Университета Российской академии образования. Публиковался в журналах «Литературная учеба», «Арион», «Дети Ра», «Контрабанда», в периодике. Лауреат литературной премии «Первая победа» (1992), финалист «Ильи-премии» (2002), стихи вошли в антологию «Сто поэтов премии “Дебют”». Член СП Москвы.

Любовь Глотова, поэт. Родилась в Куйбышеве. Окончила отделение журналистики филфака Самарского педуниверситета. Автор книги стихов «Кракозяков» (2008), составитель альманаха «МоРКОВЬ» (2008). Публиковалась в журналах «Пролог», «Название», «Ликбез», «Луч», на литературном портале «Мегалит», в периодических изданиях и сборниках. Стипендиат 12-го Форума молодых писателей, шортлистер Волошинского конкурса (2013). Член СП Москвы. Живет в Самаре.

Александра Гончарова, драматург. Публиковалась в журнале «Мы», газетах «За победу» и «Молодежный курьер». Пьесы входили в лонг-листы конкурса «Евразия» (2011), премии «Дебют» (2011), Волошинского конкурса (2012). Призер «Литодрамы» (2012). Член СП Москвы.

Анна Грувер, поэт. Родилась в Донецке. Публиковалась в журналах «Зинзивер», «Дети Ра», «Журнал ПОэтов», «Пролог»; сборниках «Молодые голоса», «Первый автограф», «Пушкинская осень в Одессе — 2011»; антологиях «Поэзия третьего тысячелетия» (Германия, 2012) и других изданиях. Победитель всеукраинского конкурса «Малахитовый носорог» (2011, 2012), международного детского поэтического конкурса «Первый автограф» (2011), литературного конкурса «Cambala» (2012), конкурса молодежной поэзии им. Леонида Киселева (2012), литературного конкурса «Творчаюнь Донбасу» (2008, 2010), слэма ConstitutionalPlay (2011), фестиваля «Сила ветра» (2011). Член СП Москвы.

Дмитрий Гузь, поэт. Окончил Московский институт мясной и молочной промышленности. Как автор и исполнитель проявил себя в начале 1990-х, когда очутился в Рок-кабаре Алексея Дидурова. Лауреат фестивалей и конкурсов. Выпустил два акустических альбома: «Фоторобот любви» и «Мама-Москва», а также диск «Арифметика любви» с песнями на стихи А. Рыбалко. Член Союза литераторов и СП Москвы.

Альбина Гумерова, прозаик. Родилась и живет в Казани. Окончила Казанское театральное училище, Литературный институт и ВГИК. Публиковалась в журналах «Идель» (Казань), «День и ночь», «Литературная учеба». Член СП Москвы.

Надя Далаланд, поэт, литературный критик. Родилась в Ростове-на-Дону. Окончила филфак и аспирантуру Ростовского госуниверситета, в настоящее время — докторант СПбГУ. Публиковалась в журналах «Новая Юность», «Зинзивер», «Дети Ра», «Арион», в «Литературной газете» и др. Лауреат премии Ростовского фестиваля поэзии (2002), Министерства культуры России (2004), конкурса «Серебряный Стрелец», спецпремии «Серебряный голос» (Лос-Анджелес — Киев — Трускавец, 2008); лонглистер премии «Дебют» (2002 и 2011), финалистка «Ильи-премии» (2003), премии им. Астафьева (2005) и др. Член Союза российских писателей. Живет в Домодедове Московской области.

Ксения Жукова, драматург, прозаик, журналист. Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Современная драматургия», «Студенческий меридиан», «Новое время» и др. Лауреат (2003) и финалист (2011) премии «Дебют», дипломант фестиваля пьес для детей «Маленькая премьера», шортлистер драматургического конкурса «Евразия» (2012 и 2013) и Волошинского конкурса (2013). Член СП Москвы.

Алексей Зайцев, прозаик. Стипендиат Союза театральных деятелей России. Автор книг «Харакири для возлюбленной» (2008) и «Автор любовных романов» (2011). Лауреат международных литературных конкурсов «Златен Кан», «Согласование времен», «ФлоридаКон». Проза публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Новый берег», «Бельские просторы», «Аврора»; в сборниках «Златен Кан», «Репликация», «Аэлита/007», «Согласование времен», «Изборы», «Место встречи — Флорида» и др. Избранные рассказы переведены на болгарский язык. Член СП Москвы.

Елена Захарова, поэт. Родилась в Чкаловске Таджикской ССР. Студентка Нижегородского лингвистического университета. Член СП Москвы. Живет в Нижнем Новгороде.

Андрей Иванов, драматург. Сценарий «Шахид» был отмечен почетным дипломом на конкурсе сценариев VII Казанского кинофестиваля. На драматургической лаборатории «Острошицкие чтения» дебютировал в театральной драматургии с пьесой «Это все она». Живет в Минске.

Александр Крastoшевский, поэт, драматург, сценарист. Участвовал в Лаборатории современной драматургии Сибири, Урала и Дальнего Востока. Публиковался в журналах «Юность», «Playboy», в «Литературной газете». В 2005 году создал эзотерический спектакль «Партия / Птицы в огне» (совместно с Оксаной Горюновой). Лауреат премии ТЭФИ (2007) за фильм «Александр Вампилов», дипломант Международного телекинофорума «Вместе» (за сценарий фильма об Иване Айвазовском), призер Волошинского конкурса (2012) за пьесу «И... как Абай».

Дмитрий Курилов, поэт, прозаик, бард, сценарист. Родился в Костроме. Окончил Литературный институт и аспирантуру при нем; Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино. Работал на радио и телевидении. Публиковался в журналах «Литературная учеба», «Дети Ра», «Словесность», «Кольцо А», «Пролог», газете «Вечерняя Москва», «Литературной газете» и др. Автор книги стихов «Фантазии и впечатления» (1994), аудиоальбомов «Синеватое облако» и «Провинциальные поэты» (1998), «АТЛАНТИДА-ДА» (2000), «Костромской альбом» (2008), «Былое и Дима» (2009). Дипломант Московского фестиваля авторской песни (1998, 2008). Лауреат фестиваля «Песня Булата» (2012, 2013). Член СП Москвы. Председатель секции авторской песни Союза литераторов России.

Лера Манович, поэт, прозаик, сценарист. Родилась в Воронеже. Окончила математический факультет Воронежского госуниверситета. Печаталась в журнале «Дружба народов». Член СП Москвы.

Ирина Маруценко, прозаик. Окончила химфак МГУ. Рассказы публиковались в журналах «Кольцо А», «Москва», «Лампа и дымоход», интернет-журнале «Пролог». Вышли два сборника короткой прозы (2010, 2012). Член СП Москвы.

Ольга Мельник, поэт. Родилась в Рязани. Окончила Рязанскую государственную радиотехническую академию, кандидат технических наук. Обладатель гранта областной администрации в сфере литературы. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Поэзия», «Новый берег», «Новая реальность», «Ликбез», «Дети Ра», «Кольцо А», альманахах «Вся королевская рать», «Литературная Рязань» и «Илья», интернет-изданиях «Полутона», «Редационный портфель Devotion», «Сетевая словесность». Дипломант конкурса «Заблудившийся трамвай» (2008) и «Илья-премии» (2008). Автор сборника стихов «Кардиографика» (2006). Член СП Москвы.

Олег Михайлов, драматург, сценарист. Публиковался в журналах «Современная драматургия», «Квир» и сборнике «Новые писатели» (2012). Лауреат ежегодного всероссийского конкурса драматургов под девизом «Долг, Честь, Достоинство» (2012), Волошинского конкурса (2012), призер драматургических конкурсов «Евразия», «Свободный театр» и «Badenweiler». Участник фестивалей «Новая драма», «Любимовка». Спектакли поставлены молодежными театрами, студенческими и любительскими коллективами Санкт-Петербурга, Казани, Новороссийска и др. Член СП Москвы.

Виктория Орлова, прозаик, драматург, телесценарист. Окончила филфак Уральского госуниверситета. Публиковалась в журнале «Кольцо А», альманахе «Согласование времен», сборнике «Заповедник сказок». Финалист драматургических конкурсов «Евразия» (2010), «Маленькая премьера» (2012). Член СП Москвы.

Серафима Орлова, прозаик. Публиковалась в журналах «Кольцо А», «Литера_Днерг», «Пролог», «Пилигрим», «Омск театральный», альманахах «Точка зрения», «Иртыш-Омь», «Можно коснуться неба», «ПарОМ», «Менестрель» и др. Проза выходила в лонг-листы конкурсов «Факультет» (2008) и «Гиперион» (2012). Член редакторского совета омского альманаха «Точка зрения».

Анна Ремез, прозаик, журналист. Родилась и живет в Санкт-Петербурге. Окончила журфак СПбГУ. Публиковалась в журналах «Кукумбер», «Чиж и Еж», «Костер», «Желтая гусеница» и др. Обладатель приза Федерального агентства по культуре и массовым коммуникациям «Голос поколения», финалист премии «Дебют» (2005), Детской международной премии им. Вл. Крапивина (2010), российско-итальянской литературной премии

«Радуга» (2010), детского национального конкурса «Книгуру» (2012), лонг-листер премии «Baby-НОС» (2013). Автор книг «Стражи белых ночей» (в соавторстве с Натальей Колотовой, 2011), «Маяк в клеточку» (2011), «Приключения Пеленыша» (2013), «На коньках по Неве, или Мышь в рукаве» (в соавторстве с Натальей Колотовой, 2013).

Сергей Славнов, поэт. Окончил мехмат МГУ и аспирантуру Корнельского университета. Кандидат физико-математических наук. Работал в США, Канаде и Франции. Стихи публиковались в журналах «Лимб», «Vernitskii Literature», «Заповедник», «Вечерний Гондольер», «Пролог», «Зарубежные задворки», «Точка зрения», «Сетевая словесность», «Новая реальность», «45-я параллель». Лонглистер премии «Дебют» (2001) и шортлистер Волошинского конкурса (2003).

Александр Турханов, прозаик. Родился в Казахстане. Окончил Иркутское училище искусств и Литературный институт. Финалист Детской международной премии им. Вл. Крапивина (2010) и Детской национальной премии «Книгуру» (2011). Член СП Москвы.

Андрей Хамхидько, поэт, прозаик. Родился в Старом Осколе. Окончил МГТУ им. Баумана. Публиковался в газетах «Книжное обозрение», «Книжкевне новине» (Сербия), «Бауманец», журналах «Арион», «Ковчег» (Белгород) и др. Автор книг «Недалеко» (2001), «Белый шум» (2009). Дипломант и дважды лауреат Международного фестиваля поэзии и авторской песни «Оскольская Лира». Член СП Москвы.

Виктор Чигир, прозаик. Родился во Владикавказе. Окончил Владикавказское художественное училище по специальности «живописец-педагог». Публиковался в журналах «Дарьял», «Кольцо А». Дипломант конкурса «Добрая лира IV».

Алексей А. Шепелёв, прозаик, поэт, родился в с. Сосновка Тамбовской области. Кандидат филологических наук. Автор книг «Echo» (2003; шорт-лист премии «Дебют») и «Maximum Exxtremum» (2011), «Настоящая любовь» (2013), «Novokain Ovo» (2001) и «Сахар: сладкое стекло» (2011). Лауреат Международной отметины им. Д. Бурлюка, финалист (2010) и лауреат (2013; в составе объединения «Общество Зрелища») премии «Нонконформизм». Публиковался в альманахах «Черновик», «Reflection», «Вавилон»,

«Дети Ра», «Русская проза», «Транслит», газетах «НГ—Ех Libris», «Литературная Россия», журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Север», «Волга», антологии «Нестоличная литература», на сайтах «ЧасКорр», «Топос», «Рабкор», «Мегалит» и др.

Дэн Шорин, прозаик-фантаст. Родился в Тульской области. Публикуется с 2004 года в сборниках «Аэлита. Новая волна» и др., журналах «Полдень. XXI век», «Сибирские огни», «Если», «Уральский следопыт», «Супер-триллер», Cosmopolitan, «Веси», «Очевидное и Невероятное», «Машины и механизмы», «Млечный путь» и др. Лауреат конкурса научно-фантастических рассказов ЛФГ «Басткон». Кавалер ордена «Рыцарь фантастики» им. И. Халымбаджи. Член СП Москвы. Живет в Туле.

Содержание

Рассказы

<i>Анатолий Курчаткин. В ожидании плодов</i>	5
<i>Евгений Попов. Несколько фраз по делу</i>	6
Альбина Гумерова. Родился. Женился. Умер	7
Алексей Шепелёв. «На котах катались – жестко спотыкались...»	17
Родион Вереск. Обсессия	27
Серафима Орлова. Ловля рыбки в мутной воде. Примечай. Близ площади Соборной	37
Александр Турханов. Курган	43
Анна Ремез. Хульдры. Счастье	53
Виктория Орлова. Горгона	61
Виктор Чигир. Обещание	66
Ирина Маруценко. Аверс: Мифик. Реверс: Папочка	78
Дэн Шорин. Звезды для дочки	89
Алексей Зайцев. Рыбный день	101

СТИХИ

<i>Кирилл Ковальджи. Молодые, «хорошие и разные»...</i>	115
Любовь Глотова	118
Андрей Хамхидько	125
Анна Грувер	133
Дмитрий Курилов	139
Ольга Мельник	146

Дмитрий Гасин	152
Елена Захарова	158
Дмитрий Гузь	162
Надя Делаланд	169
Сергей Славнов	174

Пьесы

<i>Елена Исаева. Мысль и энергия</i>	181
Олег Михайлов. Девушка в полосатом платье	182
Александр Крastoшевский. И... как Абай	191
Аля Гончарова. Сладкие грезы юности	199
Ксения Жукова. Пирог с лимонной корочкой	208
Андрей Иванов. Это все она	212
Лера Манович. Олег	243

Об авторах	256
------------------	-----

Союз писателей Москвы

Литеры

рассказы, стихи, пьесы

редакторы:

Э. Сухова

В. Лебедева

Подготовлено к печати
издательством «Воймега»
e-mail: voymega@yandex.ru
гл. редактор А. Переверзин
корректор, технический редактор: О. Тузова

Формат 90x60/16. Усл. печ. л. 16,5
Тираж 200 экз.